

<Э.Т.А. Гофман>

СЕСТРА МОНИКА

*Перевод Евгения Угрюмова
и Александра Маркина*

*Стихи в переводе
Кирилла Корчагина*

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Нем

<E. Th. A. Hoffmann>
Schwester Monika

Редактор: Дмитрий Волчек
Верстка и обложка: Дарья Протченкова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

©Kolonna Publications, 2012
©Евгений Угрюмов, перевод, 2012
©Александр Маркин, перевод,
примечания, послесловие, 2012

ISBN 978-5-98144-162-2

СОДЕРЖАНИЕ

Первый раздел 11

Второй раздел 53

Примечания 137

А. Маркин. Немецкая порнография 167

СЕСТРА МОНИКА рассказывает и узнает

Nudus – fabularum cur sit inventum
genus Brevi decebo —
Servitus ab nocte dieque¹.

.....

*Эротико-психическо-физическо-
филантропическо-филантропинический
документ из секуляризованного
монастыря X. в Г.*

.....

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Concedo voluntatem!²

.....

Из флота Купидонова ладья
Ко мне плывет. – Ставь
паруса! – В погоню!
Открой борты! – Пали!

*Пистоль в шекспировых
Виндзорских проказницах³*

I-ый раздел

Сестра Моника рассказывает собравшимся подругам, в особенности же сестре Анунчиате Веронике, бывшей графине фон Р. . . . , о жизни матери и отца.

Немногие из вас, милые сестры, знакомы с моей семьей; мой отец и его товарищи, сражавшиеся вместе с Лаудоном⁴ на полях Семилетней войны, доставили немало неприятностей великому Фридриху⁵.

Весна жизни моей матери прошла во вдовьем поместье недалеко от Тропау⁶, в одном из прекраснейших мест на берегах Опавы; и прошла она в пылких ощущениях того бытия, которое, может, и не всегда начинается с *sœur palpité*⁷, но заканчивается обычно *haussez les mains!*⁸

Ее мать наслаждалась светской жизнью, при этом она сумела не растерять пыла души и, со временем уединившись, вместе с любовью направила этот пыл на образование своей Луизы.

Луиза – и есть моя мать. Воспитанная без предрассудков, без них она жила и действовала.

Манящие телесные прелести соединялись в ней с бесподобной грацией, *savoir-faire*⁹ без притворства и оговорок.

12 Домовой священник, господин Вольгемут, прозванный братом Герхардом, к которому ее мать весьма благоволила, взял на себя заботы по воспитанию невинного цветка. Он был молодым, красивым тридцатилетним мужчиной, и ночами его прелестная ученица прикладывала немало усилий, чтобы в одинокой постели унять пальцами пламень, разжигаемый тирадами учителя в ее незрелой груди.

Мать Луизы обычно присутствовала на занятиях, и ее бодрый дух всегда оживлял сухой, строгий и премудрый разговор домового священника.

Моя же мать была постоянно рассеяна, и из десяти взглядов, которым всем следовало бы устремиться в книги, девять блуждали по прекрасным рукам и чреслам брата Герхарда.

– Вы невнимательны, Луиза, – строго заметил ей как-то раз священник; Луиза покраснела и потупила взор.

– Что за поведение, Луиза? – с раздражением спросила проницательная мать, но Луиза оставалась рассеянной и на все, о чем ее спрашивали, отвечала невпопад.

– Как зовут того святого, что однажды проповедовал рыбам? – спросил отец Герхард. Луиза уже не помнила.

– А как звали кавалера, продемонстрировавшего Кромвелю силу воздушного насоса? – поинтересовалась у нее мать. Но и это вылетело у Луизы из головы. – Погоди же, – сказала мать, – сейчас я

напишу тебе записочку на память. Она поднялась со своего места и потянулась за длинной розгой. Луиза заплакала, но это не помогло; мать положила ее поперек стола, задрала ей юбки и исподнее и прямо перед братом Герхардом, взор которого загорелся, всыпала дочери по нежному заду так, что на нем сразу же проступил издавна известный способ запоминания премудростей... Отец Герхард вступился за бедняжку, заметив в конце своего назидания, что, мол, «родителям тоже всегда достается от наказания, которое несут их дети».

13

С этими словами он встал и, распаленный видом юных прелестей, полез луизиной матерью под юбку...

– Тьфу, Герхард! – возмутилась та и велела Луизе пойти в сад. – Я надеюсь, вы не считаете меня такой же невоспитанной, как наша Луиза?

– Нет! нет, напротив, – отвечал ей Герхард, в то время как Луиза, держась за ручку двери, подсматривала в замочную скважину и вытирала слезы. – Хотя, вы же знаете, милостивейшая госпожа! ...как жужжат взрослые, так и детки щебечут... а следовательно... – И, не дожидаясь ответа от сразу оживившейся дамы, задорный смех которой поведал о чаяниях ее сердца, он бросил мать Луизы на кушетку, сорвал с нее юбки и исподнее и в наилучших светских манерах доказал, что ничто так не свидетельствует об определенной низости характера, как желание поучать других тому, чему не намереваешься следовать сам...

– Вы так считаете? – спрашивала луизина мать, содрогаясь под ужасными толчками брата Герхарда.

– Разумеется, я так считаю! – отвечал тот; он вошел в нее настолько мощно, что кушетка затряслась сильнее, нежели дома в Мессине¹⁰ во

время последнего землетрясения. – Ваша доч... ка... должна жи...ть! – извергнул священник. – Пускай... она... и живет в согла... сии... со своими влечениями, распространяя... вокруг себя человеческое сча...стье, исполняя... свое... предназначение.

– Ах!... Ах!... Кап...лан! Ос...та...но...ви... тесь, – пропела луизина мать. – Я... задыхаюсь... !.. !

14

Луиза наблюдала эту сцену в замочную скважину; прекрасней, нежели обнаженная Геба, она охлаждала пальцами бушевавшие в ней пламенные чувства, пронзившие все ее тело, едва она завидела мощный член благочестивого священника... Она потекла в тот самый момент, когда Герхард вынул усмиренную стрелу Амура из лона ее матери и с похотливым взором нахваливал добрые старые времена античных Греции и Рима... Но –

Perspiceritas argumentatione elevator!

Cic.¹¹

Очевидность умалается доказательствами!

Так говорил отец Герхард, объясняя мне прекрасную латынь Цицерона, аргументы которого, переворачивающие обычно с ног на голову всякий здравый смысл, порой настолько меня захватывали, что под их впечатлением забывала я и утреню, и вечерню, тем более что тогда мне не надо было ни рано вставать, ни поздно ложиться.

Отец Герхард страстно целовал живот, бедра и обнаженную грудь ее матери – а Луиза будто приросла к двери; она смотрела на *Stabat mater*¹² именного инструмента, вздымавшегося над припущенными штанами брата Герхарда, а тот снова уже был готов повторить *Aktus conscientiae*¹³, ког-

да внезапный шум на лестнице прогнал Луизу от двери, оставив ее наедине с муками новых сладострастных ощущений.

Она побежала в сад, чтобы найти Адольфа, юного садовника. Тот смог бы погасить пламя, которое так не вовремя разожгли в ней природа со случаем. Адольф же как сквозь землю провалился, впрочем, не успела Луиза стремительно пересечь пару дорожек большого парка, как увидела мать под руку со священником; ей сразу же пришлось перейти на благопристойный аллюр, и она уже не могла позволить своему взгляду искать вожделенного Адольфа, скрывавшегося где-то за живой изгородью...

15

С этого времени моей матери будто на душе было написано пробовать все, что могло бы удовлетворять ее страсти. Малыша Адольфа она поддразнивала, большого Мартина – раззадоривала, а добрая Кристина должна была каждый раз докладывать, что Каспер проделывает с ней у нее в комнатушке. А когда Кристина однажды попыталась наврать, Луиза поведала той, что же на самом деле произошло: Каспер-то повалил Кристину на кровать, задрал ей юбки и исподнее, а сам спустил штаны и просунул Кристине между ляжек какой-то длинный и твердый предмет, какой она, Луиза, и назвать-то не может.

В общем, Луиза все видела; Кристина не могла уже увиливать, и ей не оставалось ничего иного, как научить девушку нескольким грубым словечкам и попросить ее даже под страхом смерти ничего не рассказывать матери. И та ничего не рассказывала, питала свою фантазию чувственными картинами, жила со всеми душа в душу, была все-

ми любима, а ночами удовлетворяла себя сама и была вполне самодостаточна, и только выходящее из ряда вон событие могло бы заставить ее отказаться от... привычного способа получать наслаждение.

Адольфу, между тем, все же удалось вкусить ее девственности.

16 Как-то после обеда Луиза стояла в беседке в саду и смотрела на резвящуюся в пруду форель; Адольф тихонько подошел сзади и приподнял девушку, та перевесилась через ограду, но совсем не обращала внимания на происходившее за ее спиной, Адольф же задрал ей юбки и исподнее до самого пояса, и не успела она даже почувствовать легкого ветерка, пробежавшего по ее кружевным подвязкам, как юноша просунул ей руку между ног...

– Адольф! Пожалуйста, отпусти меня, – попросила, смутившись, Луиза, но Адольф был неумолим. Он раздвинул ее нежные маленькие чресла и удовлетворил свою похоть как только мог...

Общение с Адольфом не осталось бы без последствий, коли бы в один прекрасный день мать, поразмыслив о нраве дочери, не решила, что Луизе нужно разделить стол и кров с урсулинками¹⁴ в монастыре Z.

Там она прожила до четырнадцати лет, пока внезапная смерть матери не сделала ее наследницей весьма приличного состояния: двух деревень и вдовьей усадьбы; все женихи и все влюбленные бездельники, нашедшиеся в округе, засвидетельствовали ей свое почтение.

О жизни моей матери в монастыре я ничего не смогла узнать; жизнь эта протекала между строгим распорядком и мечтаниями... Первое, – рассказывала она, – светлые образы и ночные тени

женского кружка, второе жило внутри нее и подпитывалось чтением аскетических и душеспасительных книг...

Из вещей естественных в монастыре редко что случалось, лишь однажды она видела, как перед решеткой исповедального окошка молодой кармелит под покровом тайны исповеди оказывал любезности юной послушнице с голым задом.

Уладив наследные дела, Луиза отправилась в Тропау. Зима стояла у ворот, а пылкая натура ненавидит холод в природе так же, как и стужу в сердце...

17

В Тропау она положила глаз на полковника фон Хальдена и поплатилась за это. Обычно мужчины дают волю чувствам, а затем, для равновесия, умом постигают, что сделали, и полагают содеянное актом сердечного порыва. К несчастью, мой отец был женоненавистником. Когда его подводили к разговору о женщинах или же требовали от него четкого ответа на эту тему, он по обыкновению говорил: «Я служу императрице¹⁵ и отечеству; вот мой меч и мои ножны, и если говорят: «Вложи меч свой в ножны», то сделать это я могу, только если наступит мир и никак иначе. Но если найдется среди вас, женщин, такая, кто сможет примирить меня с самим собой, и чтобы не надо было пробивать дорогу к ее сердцу или в ее спальню силой, то ей я бы показал, как ведутся переговоры о вечном мире¹⁶». – «Это значит: не вынимая меча из ножен», – пояснял его друг, лейтенант Золлер, и мой отец, улыбаясь, молча ему кивал.

Луиза узнала об этом незамысловатом способе достижения мира из третьих рук, покраснела, улыбнулась, разозлилась и принялась готовить

свои укрепления к атаке доблестного полковника, но так, чтобы тот видел, что враг хочет быть атакованным...

Мой отец ненавидел всякий сентиментализм, от платонического до сельского; чувствительность, говорил он, ни на что не годится; она – гнилые испарения, скапливающиеся в жирных и пресыщенных утробах души, отравляющие, стоит им вырваться наружу, всякое человеческое веселье...

18

Моя мать знала об этих умозаклучениях полковника, к несчастью, увы! нередко подтверждающихся в жизни, и на них – с утонченной хитростью – принялась выстраивать свой план.

Никогда не выказывала она такой веселости, никогда не острила так безыскусно, но при этом соблазнительно, как в компании полковника; невозможно даже и представить себе такого веселья, которое при подобном обращении не обратилось бы в итоге в разнузданность.

Вы ведь знаете, сестры! – если женщины могут открыться и довериться друг другу, общаться без этикета и последствий, то падают все покровы чванных приличий и строгих правил; и тогда, среди своих, нежные души не считаются ни с чем, особенно если в подтверждение сердечной дружбы они доверили друг другу свои секреты.

Луиза фон Вилау (так звали мою мать, пока полковник не поменял ее фамилию на свою) – Луиза ф. Вилау, и весь Тропау, от отпетого сброда до *haute parage*¹⁷, знал ее по имени – прекрасная девушка с живым умом, рассудительная, с горячей кровью; и ее пышная грудь вкупе с аппетитным задом ценится больше, чем вся история Тропау и

все хранящиеся в безмолвной ратуше городские документы...

Подруги Луизы в своих сравнениях пошли еще дальше.

Фредерика фон Булау, Ленхен фон Гланцов, Франциска фон Тельхайм, Юлиана фон Линдорак и Эмилия фон Розенау – эти пятеро во время поездки на воды в Эгер¹⁸ смогли рассмотреть прелести Луизы со всех сторон, да так подробно, что до сих пор спорят об их достоинствах... Но довольно отступлений, ведь если бы хотела я рассказать... обо всем, чем в назидание, в пример и в предостережение поделилась со мной мать... мне пришлось бы не умолкать от одного праздника скапулярия¹⁹ до другого!

19

Правда, сцену, как моя мать перехватила полковника фон Хальдена, я непременно должна вам расписать.

Вокруг моей матери образовался дружеский дамский кружок, куда мужчинам, как на мистерии Бона Деи²⁰, был закрыт всякий доступ, впрочем, каждая из шести участниц имела на примете собственного Клодия, которого она бы желала опутать своими чарами, поэтому они дали друг другу негласное обещание оставлять на себе столько исподнего и юбок, чтобы лишь слегка прикрывать свои роскошные... точнее сказать, разумные... прелести.

Битый час сидели они уже за ломберным столом, когда Луиза выронила из рук карту; Франциска же рассматривала висевшую напротив нее картину, на которой были изображены слившиеся в экстазе Аполлон и Клития²¹, и, распаленная этой картиной, не следила за игрой; теперь же, когда луизина карта упала под стол, она решила воспользоваться случаем, чтобы придать развлечению же-

лаемый ход. Она быстро нагнулась, подняла карту и сунула ее под юбку Луизе, та играла, раздвинув ноги, и остроумная награда за подобную разболтанность оказалась во всем нам известном месте, у дверей которого я девять месяцев должна была ждать выхода на свет Божий.

Луиза вскрикнула, а Франциска засмеялась.

20 – Ты, свинья! – надулась Луиза, задрала подол до самого пупка, и все увидели листок на том самом месте, которое со времен блаженной памяти Иосифа стыдливо прикрывала легкомысленная человеческая добродетель, если, конечно, осталась еще какая-нибудь добродетель... которая не может быть подвергнута сомнению...

– Ах, Луиза! какая же ты красивая! – воскликнули все сразу, и Франциска настырно потянула вверх уже упавшую нижнюю рубашку...

– Франциска, оставь меня! – сердито сказала Луиза, но та быстро поцеловала ее в губы и провела горячими пальцами по луизиному вентрикулу²² любви.

– Ах, ну какая же ты бесстыжая! – разозлилась моя мать и стиснула бедра.

Однако Франциска знала свою подругу лучше, чем та знала саму себя, и продолжила усердной рукой направлять ее чувства так, что... Луизе не оставалось ничего иного, как раскрыться...

А беда-то не приходит одна. Ленхен, сидевшая напротив, быстро подбежала к Луизе сзади, подняла ее нижнюю юбку, которой игрался легкий ветерок, и принялась так недвусмысленно поглаживать подругу и так непристойно раздвигать ее белоснежные ягодицы, что у Луизы сразу же перехватило дыхание, и под бесстыдными прикосновениями двух похотливых девиц она потеряла последние силы, придаваемые ей застенчивостью.

К луизиному несчастью и это было не все: Юлиана и Фредерика повалили Луизу на стол, да так, что с него попадали все карты и даже футляр столь всеми любимого альманаха карточных игр Котты²³, задрали ее тонкое исподнее до нательного крестика и принялись шлепать ее по нежному заду...

Луиза не могла больше сдерживаться, с силой львицы стала она двигать своим задом, обнаруживая при этом такое обворожительное строение мышц, такую сладострастную игру бедер и такое сочетание грации и неистовства, что все подружки одновременно воскликнули: «Ах! ах! как чудесно! *allegro non troppo, più presto – prestissimo!*»²⁴»

Однако Луизе уже было достаточно; и прежде чем бесстыдницы успели опомниться, она их оттолкнула – они оказались на полу у стола со всем, что на этом столе было: китайским фарфором, английским фаянсом и недопитым йеменским медом, и разбитая посуда вызывала теперь у озорниц досаду и безобразила комнату, как дурной сон портит целомудренную невинность на ночном ложе...

– Это уж слишком! – воскликнула Луиза и, совсем как мадам Аренд Вецеля²⁵, одернула платье, чтобы прикрыть свои прелести. – Больше я вам ничем не помогу! Вы приведете все в порядок, восстановите разбитое, возместите пролитое, а не то я прикажу обоим своим конюхам хлестать вас розгами до тех пор, пока все само собой не восстановится.

Все засмеялись, а разъяренная Луиза вышла из комнаты и заперла за собой дверь на ключ.

Пленницы начали наводить порядок, однако же, как чародеи фараоновы были бессильны перед мошками господними²⁶, так и у подружек ничего

не получалось с уборкой, а особенно с *Restitutio in integris*²⁷ – никак не могли они восстановить фарфор с фаянсом и заголосили: ах, это китайцы с англичанами во всем виноваты!

Луиза с улыбкой наблюдала в замочную скважину за их тщетными попытками, напоминавшими, скорее, тягостные раздумья, нежели решительные дела, подруги же тем временем стали проситься наружу.

22

Однако Луиза была непреклонна!

– Я уже иду за Иеремией и Антоном, они с охотой задерут вам юбки и розгами покарают ваши задницы, да так, что на них проступят все ваши пороки!..

Девушки принялись причитать и обещать возместить ущерб и сверх того понести каждая телесное наказание, но только от рук самой Луизы; а от Антона с Иеремией она должна их избавить, иначе все пятеро с ней рассорятся и станут на всю жизнь ей врагинями.

– Хорошо! – отвечала моя мать. – Хотите возместить ущерб и получить заслуженную порку, ладно, Иеремия и Антон останутся с лошадьми, а я сейчас приду к вам с парой розог и буду вас пороть так же жестоко, как Гедеон рубил мадианитян²⁸.

Ленхен прислонилась к двери и прошептала в замочную скважину:

– Отопри дверь, милая, мы согласны понести наказание, но только Иеремия с Антоном пускай остаются в конюшне.

– Ну, подождите, кобылки! Сейчас я вас причешу! – воскликнула Луиза, побежала в сад, без жалости срезала с розового куста дюжину побегов с еще нераскрывшимися бутонами и понеслась обратно, словно Эринния²⁹, мчащаяся из мрачного Эреба³⁰ в светлый мир, чтобы расквитаться за разбитый жертвенный сосуд.

С обнаженной грудью, с волосами, развевающимися, словно у вакханки³¹, она отперла дверь и влетела в комнату, где ее встретил громкий хохот.

Луиза угрожающе потрясла перед шаловливыми нимфами тирсовым жезлом из роз и в пифийском³² исступлении продекламировала:

Silence! imposture outrageante!
Déhirez-vous, voiles affreux;
Patrie auguste et florissante,
Connais-tu des temps plus heureux?

23

Она приказала Ленхен, Франциске и Юлиане раздеться; но Франциска выступила вперед и ответила:

Favorite du Dieu de la guerre,
Héroïne! dont l'éclat nous surprend
Pour tous les vainqueurs du parterre,
La plus modeste et la plus grande –

*Voltaire*³³

И не успела Франциска открыть рот, как стояла с обнаженным низом перед дамским Ареопагом³⁴, который, восхищенный красотой ее зада, шлепками воздал ему хвалу.

Луиза подняла юбки и исподнее Франциски к пылавшему, словно огонь, лицу девушки и приказала Эмилии заколоть их у той на груди. Франциска крепко сжала нежные девственные чресла; Эмилия потянула кверху нижнюю рубашку Франциски и обнажила восхитительный пейзаж – от голой Иды³⁵ до самых тропиков – причем взору приоткрылся даже вожденный храм Афродиты, тот самый храм, который мы так охотно представляем, когда вспоминаем олимпийское божество, распалившееся собственной красотой и покинувшее свою обитель для того, чтобы приносили ему жертвы на киферских алтарях³⁶...

Луиза, едва ли не завидуя всей этой красоте, схватила Юлиану и Ленхен, поставила их рядом с Франциской так, чтобы они образовали треугольник, приказала Фредерике и Эмили подоткнуть одежды и этим двум, затем связала всех троих их же шальями, назвала Франциску – Аглаей, Ленхен – Талией, а Юлиану – Евфросиной и принялась хлестать колючими ветвями по невинным ягодицам с такой яростью, что эти хариты³⁷, позы которых Виланд³⁸, описывая дикую охоту Артемиды³⁹, называет непристойными, уже через несколько минут с силой разорвали все связывающие их оковы и совсем не как виландовы грации, а будто менады принялись метаться по комнате.

Луиза удовлетворила свою жажду мести, но наказанные грации решили, что и луизины пособницы – сестры вечно трепетной Психеи – должны разделить их участь, да и сама Психея должна быть подвергнута суду.⁴⁰

Одну за другой бросали они совиновниц на стул, на котором во время карточной игры Психее-Луизе пришлось открыть свои эфирные прелести, и обнажали им зады; изящным возвышенностям Луизы пришлось испытать то же, что еще недавно она сама учинила другим.

Едва последняя из них, Фредерика, покинула лобное место, как помирившиеся подружки слышали звон шпор и увидели полковника фон Хальдена и лейтенанта Золлера, стоявших в оставленных открытыми дверях зала.

Луиза с веселой непринужденностью вышла им навстречу и, приглашая их зайти, поинтересовалась, какой забавный случай ни с того, ни с сего

занес известного женоненавистника и его друга-сатира в дольний мир девичьих душ.

Полковник был в некоторой степени Зигфридом фон Ленденбургом, а его ахат⁴¹ – своего рода бароном фон Вальдхаймом⁴²; при этом оба все-таки больше обладали культурой, нежели показным блеском, и, если извинить им вышеуказанные недостатки, являлись мужчинами не без задатков, и задатки эти при желании можно было бы развить...

25

Девушки, безо всякого стеснения – вот она, привилегия молодости, – окружили сынов Марса; девушки-то, как говорится, были еще не созревшие, моей матери тогда едва исполнилось восемнадцать лет.

Их уязвленные места, скрытые теперь от посторонних глаз, уже почти не болели, а те, что еще ныли, должны были вот-вот утихнуть.

Луиза завладела полковником и, играясь его португеей, таскала его из угла в угол и то просила сказать ей, как звали первого царя древнего Крита, то спрашивала, правда ли, будто на этом Крите во времена апостола Павла жили одни лентяи.

Полковник, вынужденный все это выслушивать, и сердясь, что на нем повисла девица, у которой еще и молоко-то на губах не обсохло, даже не собирался отвечать на ее бестактные вопросы, а только промолвил:

– Фройляйн, а ну-ка уберите от меня свои лапки и коготки, а не то вам лично доведется испытать, на что способен такой мужчина как я.

Моя же мать посмеялась над угрозой полковника и посоветовала ему добровольно на один вечер отдать себя в распоряжение их веселой компании, а иначе, пригрозила она, прелестные девушки возьмут его в плен силой.

Во время этих каверзных слов полковник хотел было взяться за шпагу, но Луиза в мгновение ока нырнула под угрожающую десницу, схватила смертоубийственный инструмент и попыталась вырвать его у полковника из рук – тот же не понял шутки, поднял нахалку словно перышко, бросил ее на кушетку, обнажил ей зад, взмахнул шпагой и под пронзительный визг всыпал новоявленному шевалье д’Эону⁴³ по первое число.

26

Полковнику пришлось заплатить свободой за открывшийся его взору прелестный зад Луизы. Незабываемая красота этого зада, изящество подрагивающих возвышенностей и прочих столь возжелаемых мужским сладострастием окрестностей луизиного тела обезоружили полковника, и в данных ему матерью природой и еще не совсем испорченных культурой чувственных влечениях зашевелилось и навсегда осталось в его сердце что-то, отчетливо выражавшее мирный характер его намерений.

Мужчина с принципами и добрым нравом в чувственных проявлениях и наслаждениях своих, конечно же, является совершенным антиподом бесхарактерного, жестокого и невоспитанного человека. Первый удовлетворяется лишь при одном виде сокровенных женских прелестей; другой же, грубая сила которого не знает разумных пределов, неистовствует и пресыщается. Пресыщение, по сути, есть и главное зло священного супружества, и одна из его самых ужасных тайн; и та из нас, которая сможет преодолеть первую ступень чувственной жизни, должна будет со временем привыкнуть к постному, если и месяцы спустя после венчания намеревается любить своего изнеможденного супруга. Поэтому-то я и выбрала монастырь, лучше я буду с помощью десяти сво-

их пальчиков и прочих утешителей... .. семь раз в неделю забывать о том, что существует на свете сильный пол, чем постоянно жаловаться на мужскую немощь, в которой сами же мужчины и виноваты. Последствия такого разнообразия мужских натур тоже весьма различны. Один воздерживается и облагораживается с помощью раз и навсегда принятой им системы чувственного наслаждения, другой же, как огонь, уничтожает и себя, и то, что его питает...

27

Иной на месте полковника с яростью бы набросился на оголившиеся во время порки шпагой прелести моей матери и попытался бы восторжествовать на ее территории, но фон Хальден, хотя и ненавидел женщин, обращался с ними, по сути, как с цветами: он их не рвал, а давал им захиреть в той самой почве, из которой они произрастали; собирание цветов он считал преступлением против прекрасного лета жизни, преступлением, делающим столь желанным приход долгой холодной зимы.

Обнаженные прелести моей матери, красота и чистота известных ее частей, поднятые одежды – все вместе в мгновение ока одолело полковничью ненависть, дав ему взамен такую сердечную и искреннюю любовь к подобной женской незащитности, что он добровольно принес и свой тенденциозный принцип *ненавидеть весь женский род*, и свою свободу в жертву лежавшим перед ним достоинствам этого ненавидимого им рода.

Тогда он отважился на нечто такое, что уже не было похотливой шуткой; но для начала требовало примирения с обиженным.

Ничем не показывая, насколько далеко обнаженный зад моей матери прогнал его женоненавистничество, он трижды поцеловал униженные

им части и с непринужденным равнодушием опустил сначала нижнюю рубашку, а затем и юбки на положенное им место и поднял Луизу со стула.

Теперь же, думал полковник, предстоит самое трудное: проучить и остальных зрительниц, дабы ни одна из них не имела каких-нибудь преимуществ в ущерб остальным.

28

Подобная предосторожность, между тем, оказалась излишней. Франциска забралась на колени к лейтенанту Золлеру, и тот сразу же запустил свою дерзкую руку в сокровеннейшие прелести бесстыдницы.

Ленхен сидела на стуле, с юбками, задранными до бедер, и завязывала подвязки; Юлиана держала руку между ног, а Фредерика смотрела на ширинку штанов лейтенанта, расстегнутую Франциской, которая была уже готова достать оттуда член таких размеров, каких, пожалуй, кроме Луизы, до сих пор никто из подружек и не видел...

Когда же полковник поднял Луизу и хотел было довести до сведения лейтенанта, каким образом они наложат обет молчания на уста присутствующих, Фредерика вдруг произнесла:

– Луиза, а ведь ты поживилась за наш счет!

– А ведь и правда! – проверещала Франциска и потянула рубашку лейтенанта, амур которого предстал теперь перед всеми среди густых миртовых зарослей, словно Приап в Бельведере⁴⁴. – А ведь и правда... – и, поглаживая огромный член Золлера, она поведала о том же самом, о чем и я уже вам рассказала: как с ними обошлась Луиза.

– Ох! – произнес полковник, едва Франциска, ерзавшая на коленях лейтенанта, возбуждавшего ее пальцами, закончила свой рассказ. – Коли так,

я должен объявить Луизу своей невестой, а тебе, Золлер, целиком и полностью отдать во владение Франциску, иного способа исправить наше бесстыдство я не вижу!

С этими словами он поднял мою мать на руки, поцеловал ее в обнаженную грудь и понес в кабинет.

Золлер же положил свою красавицу на кушетку, открыл дверь и в вежливых выражениях попросил остальных соучастниц подождать их в саду; ему не пришлось повторять своей просьбы, ведь застенчивость девушек была все же больше, нежели их сладострастие.

29

Не успели подруги удалиться, как лейтенант бросился на Франциску, обнажил ее до пояса, раскинул ее белоснежные бедра и со всей своей необузданной силой продрался к чреву девушки.

Моя мать и полковник раздели друг друга до исподнего, а затем сбросили с себя и последние покровы, скрывавшие их сокровенные тайны, и в блаженном упоении опустили на мягкую постель.

Восемь дней спустя была свадьба: мать вышла замуж за полковника, ее подруга за лейтенанта.

Я остаюсь единственным плодом этого брака... период от распашонок до первых девичьих чувств проходит по реестру обычных детских склонностей и влечений и будет вам мало интересен.

Тем не менее, должна вам признаться, что и я, так же как когда-то моя мать, не без удовольствия позволяла своему учителю, брату Гервасию, хлестать меня розгой, а поскольку я была натурой необузданной, то происходило это часто, правда всегда в присутствии кого-нибудь из моих родителей и лишь спустя два дня после того, как я провинилась: или отвратительно себя вела, или если выяснялось, что я не выучила урок.

Я охотно разглядывала в зеркале свои маленькие прелести. Часто подолгу стояла перед зеркалом, задрав платье, и думала: *personne ne me voit!*⁴⁵ и изучала себя снизу доверху.

30 В полку моего отца младшим лейтенантом служил молодой француз. После того, как лейтенанта Золлера с молодой женой командировали в Глац⁴⁶, Бовуа занял первое место среди друзей моего отца. Этот француз, в котором порядочность сочеталась с исключительным благородством, был при этом самым утонченным и самым алчным сладострастником, какого себе можно только помыслить.

Он был тайным обожателем моей матушки – мне тогда исполнилось десять лет – и мне часто доставалось на орехи, когда мать то всерьез, то шутя ему отказывала. Впрочем, каждый раз, когда мсье Бовуа навещал нас, а такое случалось почти каждый день, я получала от него леденцы или какие-нибудь забавные безделушки; и тогда я знала, чего хочет лейтенант: остаться наедине с моей матерью, и мне не нужно было произносить этого вслух...

Вообще, лейтенант обладал такими манерами, таким *savoir faire*, каких не было ни у кого.

Однажды я вернулась с прогулки чуть раньше обычного; я хотела было открыть двери в комнату, где находились моя мать с Бовуа, как до меня донесся сначала какой-то странный шум, а потом я расслышала слова матери: «*Je vous prie instamment, Beavois! Laissez moi... oh... oh!*» – «*Ma Diesse!..*» – «*Oh! Laissez moi faire... laissez moi!*⁴⁷» ... Больше я ничего не слышала; однако видела, что происходит, через замочную скважину. И что же я видела?! Мать лежала на полу, Бовуа задрал ей исподнее и юбки, поднял ее левую ногу, его штаны были спущены, низ совершенно оголен, а член торчал, словно шлагбаум на берлинских воротах.

От увиденного мне стало как-то по-особенному хорошо, я едва смогла удержаться на ногах; я разделась и стала внимательно наблюдать за происходящим, двигая свой палец в такт члену Бовуа, входившему и выходившему из моей матери так интенсивно и глубоко, что и я, пожалуй, испытала не меньше удовольствия, нежели моя мать.

Мать моя была натурой в высшей степени сладострастной, чувства ее постоянно нуждались в выходе; отец же, напротив, редко соблазнялся одними женскими прелестями, и если он уж очень хотел удовлетворить свою похоть с моей матерью, то для возбуждения ему требовалось нечто особенное.

Поэтому сразу же после свадьбы он открыл моей матери пару сокровеннейших сердечных тайн, обещавших ей радостное будущее; она же, как мне кажется, намеревалась пожертвовать эти тайны материнским инстинктам, а не обернуть их себе во благо. Однако после двух лет замужней жизни Луиза поняла, что кроме меня от супружеской связи ей не стоит больше ждать никаких плодов, и твердо решила, что коли она и так чуть ли не вдова, то может без всякого стеснения принять к сведению кое-какое данное ей позволение.

Позволение это в определенных выражениях дал ей мой отец.

– Я заполучил тебя весьма своеобразно, – сказал он, – значит и потерять тебя я могу лишь каким-нибудь причудливым образом. Я знаю – я понял, что твой темперамент, жаждущий плотских утех, пренебрегает границами благопристойности, ты намного охотней готова служить философии чувственности, нежели любви к нравственности.

Я не желаю сейчас спорить с тобой о дозволенности или недозволенности чувственного удовлетворения, в еще меньшей степени я намерен

прекословить природе, которая с одинаковой силой проявляет себя и в зной, и в студеную пору; я не хочу ни тебе, ни ей платить той же монетой.

32 С сегодняшнего дня я предоставляю тебя себе самой, в соответствии с теми принципами, которые я открыл тебе в начале нашей связи; сегодня Бовуа в первый раз увидел тебя в исподнем и с обнаженной грудью. Тебе самой, твоим *удовольствиям* вверяю я тебя, но взамен, так будет по справедливости, я должен получить от тебя ту часть тела, которой не видел с нашего первого раза: твой зад. Учти! Всякий раз, когда мне откроется твоя измена, твой зад будет за это расплачиваться.

Моя мать рассмеялась и пообещала, сверх того, каждый раз исповедоваться ему, чтобы потом ее не терзали угрызения совести, которые могли бы воспрепятствовать ей воспользоваться его щедрым предложением.

– Признаться честно, – отвечал (как она мне потом живо пересказывала) ей отец, – я не могу вменять тебе в вину твою натуру, ни в коем случае; совершенно невозможно требовать, чтобы один разумный человек был в рабстве у другого; рабство, плен – это, в самом крайнем случае, право войны, а в естественном праве – вообще совершеннейшее безумие, попирающее все здоровые представления. Заповеди священников или заповеди Господни, данные нам им самим, напрямую или через посредников, или же общественный договор – суть рудименты, которые мы терпим до тех пор, пока они нам приятны или *необходимы*; они, однако, не могут надолго сохраняться в природе всецело образованного человека, вышедшего уже из детского возраста. Свобода духа и сердца, тела, моральной и физической силы – во благо частного и общего – вот цель, не поддающаяся никакому законодательному ограничению, по крайней

мере до тех пор, пока варварство и культура не сталкиваются друг с другом на поле боя, и злоба не одолевает их обоих. Так, например, заповедь брака у христиан должна накрепко связать природу с душой и телом, но обретаем ли мы благодаря ей бессмертие? Есть ли хоть кто-нибудь, кто сумел восстать из мертвых и сказать: там, по ту сторону, где уже нельзя ни свататься, ни жениться, я вновь обрел своих жену и детей? А делает ли подобное законодательное ограничение природных влечений наших братьев и сестер ближе друг к другу? Конечно, нет! А распутство? Ах! кто-нибудь хочет рассказать еще что-то о распутстве нынешнего философствующего и эстетствующего поколения? Даже юристы нынче знают таблицу прогрессии простоты нравов так же хорошо, как знали ее Мирабо с Руссо⁴⁸, хотя юрист – и об этом рассуждает в «Музее» Шлегель⁴⁹, – должен заботиться лишь о малом, не иметь мнения о великом и не позволять себе его иметь... Способствовал ли семейный эгоизм чему-нибудь полезному, чему-нибудь, кроме пополнения монашеских орденов? И кто же захочет, обладая добродетелями любви, доброты, сострадания, говорить о распутстве, трубящем, между прочим, во все трубы, во всех сочинениях, на всех перекрестках, лишь о том, что добродетели завидуют ему черной завистью, о распутстве, одним этим своим дудением уже принесшим вреда больше, нежели все тридцать два ветра вместе взятые...

– Ах! Полковник, ты молвишь, словно ангел! – воскликнула в упоении моя мать, сорвала с себя нагрудную косынку и прижала лицо супруга к своей вздымающейся от восторга груди, расстегивая при этом ему штаны; она подвернула его рубашку и мягкими пальцами подняла колосса на месте холодного и необрезанного Саваофа⁵⁰ ее храма.

Отец засмеялся, задрал моей матери юбки и исподнее и засунул ей палец туда, куда она, разумеется, хотела бы вставить кое-что другое.

34 – Я позволил тебе заглянуть в потаенные глубины моего сердца, – продолжал он, возбуждая ее рукой, в то время как моя мать с трепетаньем в членах продолжала перед ним, перед этим великим умом! занимать себя плотью, – мир не расположен к подобным сердечным излияниям, но я люблю тебя, ты прекрасная женщина, – с этими словами он раздвинул ее чресла, – что станется со мною, если, и, возможно, очень скоро, кто-то другой будет хозяйничать в твоём горячем лоне; если другой будет раздвигать эти алые губы, созданные для любви, будет, как еврейский бог некогда разделил Красное мореst, разделять их своим жаром, своей яростью, – ведь твой супруг, в общем-то, не дотянул и, в отличие от Дона Жуана, наверняка не дотянет и до тысячи и трех совокуплений...

Едва акт примирения был завершён, отец продолжил излагать свои аргументы:

– Не правда ли, Луиза, – заметил он, кроме прочего, – пока закон не затрагивает естественного и свободного отношения человека к человеку и человеческой природе и со всей суровостью применяется лишь в случае извращения или преступления, он терпим; когда же с законом свыкаешься, то думаешь уже, что даже и наказание полезно?

– Разумеется, – отвечала Луиза, – наказание всегда обосновано.

– В этом пункте, – продолжал отец, – государство и церковь отделились друг от друга; государство занято преступлениями против естественного и гражданского порядка, церковь наказывает проступки против порядка божественного и морального. Мы бы сами ничего не узнали о грехе,

коли бы не закон, гласящий: не прелюбодействуй; или если бы последствия грехов не убедили нас в силе законов...

Преступления имеют и еще один невыносимый противовес: ведь Каин⁵² страдал, осужденный собственной совестью; а если бы у какой-нибудь нации или у какого-нибудь народа было бы дозволено безнаказанно убивать или калечить, красть или клеветать, ненавидеть или завидовать, то там закон противовеса не имел бы, в отличие от жестокости, никакой силы. История знает подобные примеры. *De gustibus non est disputandum!*⁵³ То, что, в отличие от льва или тигра, розы или можжевельного куста, воды или камня, не является законом для себя самого, должно определяться законами извне. Мы также можем допустить, что в самой природе вещей ничто не может быть определено в своем устройстве на века. Например, вода, замерзающая у нас лишь в определенное время года, на Сатурне превратится в камень! И, конечно же, будет оставаться камнем, пока с этой планетой не случатся какие-нибудь изменения. Но могла бы ты представить себе *невозможность* таких изменений?

– Нет, разумеется, нет, милый Август, – ответила мать и оправила платье.

– В общем, – продолжал отец, – ты должна сделать выбор! Моя философия и мои права, моя любовь и мои принципы никогда не переступят границ справедливости... потому как страсть почти не вмешивается в мои дела.

Здесь возникла пауза, а затем отец спросил:

– Как далеко зашло у вас с лейтенантом? Я знаю, он любит тебя и жаждет удовлетворить свою страсть... Видел ли он что-нибудь еще, кроме твоей груди?

– Да! Надеюсь, что да!

– И что же? И как же?

36 – Вчера я обрывала вишни, он стоял внизу, и я заметила, что каждый раз, когда я наклоняюсь, он заглядывает мне под исподнее. Признаюсь, это меня возбуждало. Я расставляла ноги как можно шире, он определенно все видел, потому что растегнул ширинку и воскликнул: «Божественная Луиза!..», а потом вытащил из штанов рубаху и начал призывать своего буяна к законному порядку. Я не могла произнести ни слова, только обнажила себя и, прислонившись к дереву, осмелилась пальцами охладить свой пыл.

– Мужчина, стоит заметить, не лишен утонченности, Луиза, – молвил мой отец, – но подобная утонченность не подобает людям, исполняющим государственный долг. В словаре евреев два слова: לָחַץ – обрезать и לְהַלֵּל – распутничать, стоят рядом; мы обязаны преподать лейтенанту закон обрезания. Он заслужил обрезания, ведь тот, кто перед обнаженными прелестями женщины, которую он *знает*, вытворяет подобное, должен, по меньшей мере, быть обрезан...

– Это мало поможет, – возразила моя мать...

– Ах! пускай это послужит знаком, навроде выжженного в соответствии с уголовным правом на коже преступника клейма в виде виселицы или колеса, это придаст цену его чувственности. Он должен быть обрезан, Луиза! Причем *ты сама* должна сделать это, и таково будет мое второе условие: от каждого, кто насладится тобой, ты должна мне принести крайнюю плоть.

– Ха! – воскликнула моя мать и положила ногу на ногу. – Ты – бесподобный мужчина. Я постараюсь быть достойной тебя! Лейтенант станет моей первой принесенной тебе жертвой.

– Пожалуй! – улыбаясь, ответил отец. – Ты сделаешь Бовуа евреем, а я сделаю тебя... святой: я дам тебе вкусить пищи богов и перед этим наряжу тебя так же, как Артаксеркс нарядил Эсфирь⁵⁴ той ночью, когда он соизволил сделать свой член продолжателем еврейского феодализма; нет, лучше: я украшу тебя, как украсил честолюбивый Мехмет Завоеватель⁵⁵ свою Ирену, прежде чем отрубить ей голову.

– Непременно, мой милый, и я сама приготовлю все необходимое, а пока пришлю-ка к тебе нашу Каролину; прошу тебя, сделай ей что-нибудь приятное; ее Хельфрид подхватил в Галле⁵⁶ горячку и умер, и она безутешна; тебе понравится ее красивая грудь, и, коли ты того пожелаешь, Каролина тебе ее покажет и даже не будет при этом плакать.

– Неужели? Она уже *так* образована?

– Она прошла *мою* школу.

– Ага! тогда понятно. Пускай придет.

Мать удалилась, а Каролина явилась перед моим отцом.

– Что прикажете, милостивый господин?

– Не прикажу, дочь моя, попрошу. Подойди ко мне!

Линхен подошла к нему.

– Ты красивая, добродетельная, милая девушка!ка!

– Ах, прошу вас, милостивый господин! Не смущайте меня – мне думается, я такая, какой должна быть...

– Какой же?

– Добродетельной, милостивый господин!

– А какова моя легкомысленная супруга, она ведь не добродетельна... правда?

– Ах, она сама добродетель, сама любовь.

– Что же ты называешь добродетелью и любовью?

Каролина благовоспитанно потупила взор и зарделась.

– Моя жена тебя совратила, то бишь посвятила в тайны любви.

– Милостивый господин, – воскликнула Линхен и упала полковнику в ноги. – Ах! я прошу вас, ради всего того хорошего, что еще во мне осталось, пощадите меня!

38

– Дурочка! Что тебе пришло в голову, неужели ты меня так плохо знаешь?

– Ах, – вздохнула Каролина, наклонилась еще ниже и, целуя полковнику руку, оттопырила зад.

– Тьфу! Стыдись, Каролина! Не заставляй меня думать, будто у тебя совсем нет совести, ведь подобная поза редко свидетельствует о чем-то другом. Теперь же, в наказание за то, что ты так во мне ошиблась, покажи-ка мне свои ягодицы.

– Ах, милостивый господин! – пролепетала Каролина; но мой отец встал с места, взял девушку, уложил ее на кушетку и задрал ее юбки и исподнее.

– Да ты писаная красавица, Линхен! – сказал, отводя взгляд, мой отец, возбужденный выпуклыми прелестями Каролины. – Но я не должен созерцать эту красоту, дабы ты не разочаровалась ни во мне, ни в себе.

С этим словами он опустил исподнее на положенное место, накрыл его юбками и аккуратно все расправил.

Линхен пылала.

– Скажи-ка мне, Линхен, что же наша Мальхен по-прежнему шаловлива?

(Вы же знаете, сестры, что меня называли Мальхен!)

– Все так же, милостивый господин! И, думаю, в этом ее счастье, а то бы была она, как я в ее годы – задумчивой... рассеянной... и... – тут Линхен запнулась.

– То есть ты считаешь, что озорство не следует наказывать?

– Нет, милостивый господин! Впрочем, и девушек моего сорта не стоит наказывать. Лишь раз мне в школе всыпали розог, но я и по сей день помню, как мне потом было плохо.

– Значит после того наказания ты не стала лучше?

– Нет, ни на чуточку!

– Странно.

– В тот раз со мной наказали еще двух парней; из-за их неосмотрительности в сарае при господском замке случился пожар, а я была с ними, и каким бы добрым не был господин фон Фламминг, он не захотел оставить наш проступок безнаказанным, чтобы в следующий раз из-за подобной нерадивости не случилось какого-нибудь большего несчастья. Я первой получала наказание, меня уложили на школьную скамью, и я вытерпела тридцать ударов розгами по голому заду.

– Бедная девочка! – воскликнул мой отец и запустил стоявшей перед ним Каролине руку под юбки.

– Потом подошла очередь тех парней, Хельфрида с Хейльвертом, мне было их очень жалко, особенно Хельфрида, с которым теперь, увы! меня разлучила смерть. – На ее глазах заблестели слезы. – Сначала на скамье растянули Хейльверта, и, когда с него стянули штаны и задрали ему рубаху, я чуть не лишилась чувств и забыла про боль, и думала лишь о том, сколько же ему, бедняжке, придется вытерпеть...

Полковник задрал ей юбки и исподнее и про-
сунул ей руку между ног. И тут, распахнув двери,
в комнату с букетом цветов для отца влетела я – я
успела увидеть голые ноги Каролины и руку мое-
го отца между ними. Отец быстро опустил платье
Линхен и вскочил.

– Что ты принесла, Мальхен? – смущенно вос-
кликнул он.

40 Я подбежала к нему, отдала букет и поцелова-
ла его руку. Отец прошептал Каролине, чтобы она
связала новые розги.

– Ой, милостивый господин! Неужели для
меня? – наивно отвечала та.

Отец рассмеялся и громко сказал:

– Ты слишком жалостлива, иди и выполняй,
что приказано.

Каролина ушла, а отец взял меня за руку и по-
вел к отцу Гервасию.

– Господин Гервасий, – начал он, – с сегод-
няшнего дня вы с Мальхен должны приступить к
изучению физики; вы ведь сейчас свободны, мне
хотелось бы, чтобы следующий час вы с Мальхен
посвятили разговору об этом предмете.

Брат Гервасий подобострастно раскланялся, и
мне нашлось, чем заняться.

Эти занятия приносили мне немало радости, я
еще расскажу, что мне преподавали во время этих
уроков, но прежде я должна закончить историю
своих родителей, то, что мне поведала мать.

Не успел мой отец вернуться в комнату, как
появилась мать в белом атласном платье.

– Ага! – воскликнул отец, – дамы, как я погля-
жу, хотят сдержать данное моему другу слово и по-
сетить остроумную госпожу фон Тифенталь?

– Если позволишь.

– Без охоты! Ты ведь знаешь, я терпеть не могу эту женщину – в ее черной душе перемешались злословие и коварство. Была б она шлюхой, я бы не имел ничего против такого характера – а так...

– Прошу тебя, друг мой! Ты к ней слишком суров.

– Отнюдь, Луиза! Я-то знаю всю подноготную ее гнусной души...

Тут появилась Каролина с розгами...

41

Мать побледнела.

– Ты же не собираешься?.. – спросила она, смутившись...

– Собираюсь! – Произнеся это, отец подошел к дверям и запер их на ключ.

Каролина не могла сдвинуться с места и лишь дрожала; полковник же взял у нее розги и велел ей поставить к окну скамеечку. Под окнами проходил парад.

– Прошу тебя, Август, не сейчас!

– Сейчас, – отрезал отец, и за окном забила бабабная дробь... – Ты столько раз нахваливала мне грудь Линхен – теперь я хочу ее видеть.

«Что это даст», подумала моя мать, подошла к Каролине и сняла с нее нагрудную косынку. Полковник тоже подошел к девушке и стремительно сорвал с нее рубашку, так, что обнаженные груди Линхен затряслись.

– Ты и в самом деле красивое существо, Линхен! – произнес полковник. – Будет жаль, коли из-за моей жены ты окажешься в когтях порока.

Луиза покраснела и промолвила:

– Чего же я тебе такого сделала, Линхен, что подобные подозрения...

– Молчи, Луиза, время разговоров закончилось, пришло время наказывать и быть наказанной. Пойди сюда.

Полковник подвел обеих к окну.

– Линхен, задери госпоже платье до исподнего.

Линхен повиновалась, ее грудь колыхалась.

42 Полковник поцеловал пышные возвышенности девушки и стянул с ног жены шелковые чулки. После этого Луиза должна была встать коленями на скамейку, облокотиться на подоконник, а Линхен было велено ее держать. Затем полковник взял розги, задрал жене исподнее и, придерживая его одной рукой, другой хлестал Луизу до тех пор, пока не увидел кровь. Лишь пару раз вскрикнула Луиза; казалось, будто через боль она хотела познать наслаждение; она даже не шевельнулась, а ее ягодицы упрямо держали удары, словно... окаменели.

Как только отец решил, что пришло время остановиться, он приказал Каролине обтереть Луизу и добавил:

– Ну, теперь ты можешь идти к госпоже фон Тифенталь, а можешь учить Линхен тому, что выучивается само собой, или же принимать нашего друга Бовуа.

Моя мать плакала, и Каролина тоже плакала.

– Я останусь дома, Август! – отвечала мать. – На сегодня мне достаточно. Мы, женщины и девицы, купаемся в вечном сладострастии и если хотя бы однажды позволим подвергнуть наши необузданные желания и тайные греховные страсти добровольному наказанию, то сразу же поймем, какой полезной для духа и сердца является дисциплина. Раздень меня!

– Да, раздень ее, Линхен, я скоро вернусь, и мы завершим начатое нами доброе дело.

Каролина отвела мою мать в спальню и разделала ее до нижней рубашки.

Едва Луиза оказалась в таком виде, на пороге, ведя под руку Бовуа, появился отец.

– Гляди-ка, лейтенант, – сказал отец Бовуа, – моя супруга уже готова идти с тобой.

Бовуа едва не ослеп, увидев обнаженные груди Луизы и Каролины.

– Pour Dieu! Halden, que faites-vous?⁵⁷

– Сейчас я тебе покажу, Бовуа, – ответил тот, подвел Линхен к кровати и отбросил покрывало.

– Быстрее, Луиза, ложись... .. лицом вниз... так...

Бовуа уже пылал. Отец что-то прошептал на ухо Линхен, ты вышла и вскоре вернулась с чашей, наполненной уксусом, в котором растворила соль.

– Ты ведь знаешь, Бовуа, – начал отец и стянул с моей матери исподнее. – Ты знаешь, что в жизни человека удовольствие и боль сменяют друг друга так же, как солнце сменяет дождь; хотя для человека было бы намного лучше, если бы однажды он начал испытывать их одновременно...

Бовуа вскрикнул, увидев на прекрасных ягодицах моей матери следы от розог.

– Не удивляйся, Бовуа! Я знаю, ты любишь мою жену – ну! – ты готов?..

Бовуа опустил глаза, покраснел и произнес:

– Кто бы отказался насладиться... любить твою супругу!

– Вот и ладно! Каролина, проверь-ка достоинство Бовуа, а чашу пока дай мне.

Каролина подошла к Бовуа, извинилась, сняла с него портупюю, спустила лейтенанту штаны и обнажила его член, находившийся в таком отличном состоянии, что Луиза, увидев его, моментально раздвинула бедра и стала ждать каменного гостя.

– Залезай, Бовуа! – приказал мой отец, и Бовуа лег на мою мать и так к ней подольстился, что если бы отец не приказал Каролине напомнить уязвленным местам моей матери о том, что они

уже позабыли, та вполне смогла бы испытать прекраснейший из кризисов природы. Однако Линхен принялась старательно обмывать едкой щелочью нежные ягодицы Луизы, и моя мать была вынуждена ждать кульминации через боль и наслаждение.

44 Полковник, между тем, задрал Каролине платье и, прежде чем девушка успела опомниться, прибыл к месту удовольствия, обнаруживавшему, в его первозданности, больше прелести, нежели весь освобожденный в стихах Тассо Иерусалим⁵⁸.

Бовуа фыркал, точно тигр, стонал как выпь и вздыхал, словно отправлялся в Гадес.

В то время как мой отец дулом исследовал средоточие тела Каролины, иногда губами прикасаясь к ее алебастровым бедрам, та, обходя фланги Бовуа и удерживая, словно Геба⁵⁹, в одной руке чашу, другую руку погружала в целительную эссенцию, отцеженную из грудей Мнемозины⁶⁰, и водила ею по розовым холмам Луизы, предрекая им жаркое лето вослед уходящей весне.

Но Луиза не чувствовала ничего, кроме фельдмаршальского жезла Бовуа внутри, и под его командованием выступила так мощно, что затряслась постель; Линхен выронила чашу и, охая, ждала ультиматума от моего отца.

А представьте себе разъяренного отца! Не успел он и почувствовать приближения бога любви, как выдернул свою стрелу из раны, и Линхен, так и не получив удовлетворения, должна была, дрожа бедрами, впустую расплескать все содержимое своих мыслей на красное дерево кровати!

Ствол отца еще стоял, словно свечка, но полковник, невзирая на то, что все его умственные

силы находились в состоянии флюктуации, верный своим принципам, хотел, подспудно продемонстрировав исключительное владение телом, подать пример того, как надобно действовать, дабы сохранять равновесие между природой и законами разума...

Бовуа наслаждался высшим счастьем.

Моя мать парила между болью и наслаждением; Каролина... целовала руку полковнику в благодарность за... его бережное к ней отношение.

45

– Да, дитя! У тебя есть причина для благодарности, – отвечал ей полковник, – не будь мне стыдно перед Бовуа, не имеющим ни малейшего представления о *деликатном обхождении*, твои прелести вполне могли бы одержать победу.

С этими словами он подошел к стенному шкафу, достал бутылку бургундского и два бокала и налил в бокалы вина, один протянул лейтенанту, а второй оставил себе.

После того, как оба чокнулись и выпили за столь редко встречающиеся и приносящие усладу дружбу с любовью, мой отец пожал лейтенанту руку и вышел вон.

Не успела за ним закрыться дверь, как Бовуа, и так уже распаленного, охватил, словно Мелеагра⁶¹, свирепый огонь. Он стащил с моей матери нижнюю рубашку и назвал ее своей Венерой, уложил Каролину, с силой задрал ей юбку и исподнее, себя назвал Юпитером, а обнаженную Линхен – Гебой, и набросился на нее так же яростно, как некогда Эццелино набросился на Бьянку делла Порта⁶². Впрочем, не успел он и коснуться своим утешителем небесных врат, как тотчас же свалился, будто куль и... уснул.

– Скорей, Каролина, сюда! Снимай с него штаны!

Каролина повиновалась; Бовуа был просто вылитый царь Приам⁶³ из «Энеиды» Блюмауэра⁶⁴; его перенесли на кровать, раздели, и, пока он лежал перед ними, будто первый человек перед своим Творцом, Каролина по велению моей матери взяла в руку и крепко сжала его утешитель, ставший почти незаметным. Мать достала острые ножницы, натянула крайнюю плоть преступного члена над головкой и одним махом отрезала ее от места, на котором та находилась целых тридцать два года. Опиум действовал сильно – Бовуа даже не проснулся, он лишь вздрагивал во сне: ужасная боль добралась до скованной наркотиком души; женщины изгнали эту боль с помощью целебного бальзама.

Доза опиума, которую приняли Бовуа с полковником, должна была действовать, по меньшей мере, четыре часа; Луиза с Каролиной надеялись, что со временем обрезанный Бовуа перенесет боль потери. Ведь и разорванная девственная плева ноет ровно до тех пор, пока страдальца не убеждается в том, что это необходимо для грядущих удовольствий.

Пока Бовуа спал, а полковник храпел в соседней комнате, Луиза и Каролина залезли в ванную и предались утехам, каким обычно предается женский пол: пальцами Луиза начисто прогнала досаду и горечь, которые ощущала внутри Линхен от того, что полковник слишком быстро вытащил из нее свой неумолимый член.

Я, впрочем, слишком задержалась на истории матери и ее подруг; тут и моя история становится интересной, а разве ж сможет кто из женщин пренебречь своими прелестями, собственными желаниями или красотой ради других? Немного лишь в завершение истории моих родителей: прежде

чем Бовуа очнулся, мать, Каролина, я и Гервасий были уже на пути в Тешен⁶⁵. Наш побег оказался столь поспешен, что у Гервасия даже не было времени меня одеть. Поводом к раздеванию – все слушательницы засмеялись – было вот что: наш урок по физике Гервасий начал с того, что человек может быть вписан в круг и разделен на две равные части.

– Не могли бы, вы, милостивая госпожа, лечь передо мной на стол? – спросил он, продолжая занятие.

Я легла.

– Вытянитесь.

Я вытянулась.

– Теперь раскиньте руки так, чтобы они образовали прямую линию.

Сделано.

– Так-так! А теперь смотрите, – сказал духовник, – я с легкостью смогу доказать, что вы пропорциональны как в ширину, так и в длину. Смотрите, – тут он принялся мерить меня пядями, начиная с правой руки, через все тело и до пальцев левой руки. – В вас семь пядей в ширину и столько же должно быть в длину, иначе природа ошиблась в пропорциях и схалтурила. – После чего он измерил меня от головы до ног, и роста во мне, действительно, оказалось семь пядей. – Таким образом, моя госпожа, вы можете видеть, как мудро природа подходит к своим творениям. Для души и духа природа имеет иной эталон, который ни первая, ни второй не могут превосходить, так же как не могут они отрицать и своей независимости от тела, в котором поселились. Человеческое тело, – здесь я хотела подняться... – Я попрошу! – скомандовал Гервасий и снова уложил меня на стол, – человеческое тело, как вы знаете, состоит из двух частей:

верхней и нижней, благородной и срамной, и эти части равновелики, если отсчитывать их от пупка. Чтобы я мог доказать вам это наилучшим образом, вы должны позволить мне поднять ваши юбки и исподнее до пояса, – и он задрал мое платье как можно выше. – Плотно сожмите бедра.

48 Я сделала, как он просил; когда я однажды увидела Медицейскую Венеру⁶⁶ в ее знаменитой позе, мне пришло на ум тогдашнее мое положение, и я подумала: тебя-то, Венера, ведь не нужно измерять, ведь ты богиня, и осознание собственной значимости возносит тебя над любой плотью; ... Гервасий же измерил меня еще раз: от макушки до пупка я составляла три с половиной пяди, и от пупка до ступней – тоже три с половиной.

Я даже не успела подняться и опустить исподнее, как вошла моя мать в сопровождении Линхен.

– Поторопитесь, вы оба! Давайте... как есть! Прочь!

– Прочь? – спросил Гервасий. – Вы изъясняетесь слишком туманно!.. Прочь – на Сириус или к Дарданеллам, в Америку или к готтентотам?⁶⁷

– Ах, болтун, – с улыбкой отвечала моя мать. – В Тешен!

– Вы желаете там кого-то подстрелить или взять на мушку?

– Нет! Нет! Хочу отдать там в чистку вашу ржавую трубу.

– Коли так, – кланяясь, произнес Гервасий и снял меня со стола, – то мы готовы!

Мне, сестры, конечно же не нужно вам говорить, что те преимущества, которые духовные лица имеют в отношении женских прелестей, были бы законом и для моей матери, если бы Гервасий, в силу диковинного договора между моими

родителями, отважился бы его отстаивать со всей мощью своего оружия.

Гервасий посчитал возможным, подавая моей матери одну руку, вторую запустить ей под юбку, а потом и задрать платье Линхен до самых бедер и лишь после этого направиться вместе с нами к нашей колымаге.

Во весь опор пронеслись мы мимо ворот; мы могли рассчитывать на то, что до момента, как очнется, а, может, и захочет броситься за нами в погоню Бовуа, пройдут еще два часа.

49

В карете мать фигурально, в виду моего присутствия, описала Гервасию трагикомическую катастрофу и зачитала ему в конце рассказа записку, которую оставила.

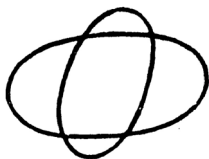
Дорогой Август! Дорогой Бовуа! Я на некоторое время оставляю ваш столь дорогой для меня круг. Памятка, которую несколько часов назад я получила от Августа, побудила меня рассчитаться с ним за нее по полной стоимости: удалением, причем и от тебя, мой дорогой Бовуа! Делаю это без охоты, а мое сердце этого никогда не забудет. Не сердитесь, вы оба! Я буду вам верна так долго, сколько смогу...

Луиза фон Хальден

Гервасий не мог надивиться на ее геройский поступок, и, когда моя мать положила ноги на заднее сиденье, на котором мы с ним сидели, а солнце в полном сиянии как раз осветило нашу колымагу, он попросил разрешения взглянуть на памятку, оставленную на ней розгами полковника и заставившую ее воскликнуть то самое многозначительное *прочь!* Моя мать подняла правую ногу, ее юбки и исподнее сползли, и взору, словно луна в полдень, предстал прекрасный, так жестоко оскорбленный зад.

Гервасий хотел было оказать ему особое внимание, но мать быстро поставила ноги на пол... и... призвала к благоразумию.

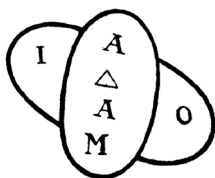
Едва мы прибыли в Тешен... здесь, впрочем, первый этап моей жизни начинает приобретать ясные очертания... Звонят к вечерне... Завтра – больше.

Из всех живых существ лишь человек имеет то преимущество, что в кругу необходимости, который из прочих природных существ никто не в силах разорвать, он может поступать по своей воле и зачинать в себе самом целый ряд новых явлений.

51

Шиллер

2-ой раздел

Сестра Моника продолжает свой рассказ. Не принимая в расчет фальковских героев⁶⁸, наши персонажи высказываются все яснее. Переодетая Фредегунда рассказывает Монике о своей жизни.

Я описала вам наше прибытие в Тешен; слушайте же дальше!

Мы заехали к тетке. Я этой тетки ни разу в жизни не видела; и у нее была такая строгая физиономия, что рядом со всегда дружелюбным лицом моей матери она была словно три дождливых дня после четырех недель весеннего солнца.

– Ах, уже такая большая, такая хорошенькая выросла, та піесе, – начала она, подходя ко мне.

– О да! выросла, – вступила моя мать, тут она что-то прошептала тетке на ушко, – причем ее познание собственного естества распространилось уже до тропиков, и оттуда... господин наставник... начал обучать ее физике.

– Est-il possible!⁶⁹ – вскрикнула тетка и сложила руки.

Гервасий зарделся; я опустила глаза и тоже покраснела; Линхен завязывала и развязывала бантик у себя на груди.

– Сестра, я хотела бы, – начала мать, после того как насладились нашим смущением, – обсудить это с тобой наедине, будь добра, выдели этому господину и моей служанке по комнате, в этот раз я задержусь у тебя надолго и хорошо тебе заплачу.

– Будет исполнено сию же минуту, сестра, – ответила тетка, позвонила, дала вошедшему слуге указания, и Гервасий вместе с Линхен ушли за ним.

54

– Представь себе, сестра! – начала мать. – Мальхен твердо уверена в том, что создана лишь для удовольствий, а то небольшое, что я рассказала ей о боли, не произвело на нее ни малейшего впечатления.

– Ай-я-яй, mon enfant!⁷⁰ – отвечала тетка, – это нехорошо! В этом мире удовольствие живет на чердаке вместе с воробьями, а они летают, куда им заблагорассудится; боль же, подобно цепной собаке, лежит во дворе и вынуждена все время то лаять, то кусаться.

– Я хочу оставить Мальхен здесь, – продолжала мать, – не знаешь ли где-нибудь поблизости интерната для девиц ее сорта, чтобы удовольствие там было отправлено в отпуск, а денно и ночью царил бы строгость?

– Гм, сестра! Отправим-ка ее к мадам Шоделюзе, уж там-то она узнает, что есть уныние, и вдобавок у нее не будет ни одной свободной минутки, чтобы на что-нибудь жаловаться.

Пока я слушала этот их разговор, мне стало так страшно! Меня охватило отчаяние, и я не могла уже больше сдерживать слез.

– Ах, кто тут плачет, mon enfant! – утешала меня тетка. – Разве ты не читала, сколько выстрадал апостол Павел, а ведь он был святым! Ты же всего лишь злополучный плод гнусной похоти! Ma Sœur, хочешь, мы прямо сейчас избавимся от малышки?

При этих словах, подобным раскатам грома, я упала в ноги матери; но – никакого сострадания; и никаких эмоций на лице тетки.

– Я согласна, Йеттхен, – ответила мать и приказала мне подняться.

Плача, я повиновалась, злодейки взяли меня под руки и поволокли к карете, все еще стоявшей перед воротами, меня увозили прочь из города; мы держали путь к небольшому поместью, на которое, едва мы удалились от городской черты, тетка показала матери; благородная простота этого поместья – когда мы наконец к нему подъехали – вполне могла бы меня воодушевить, если бы состояние, в котором я растворилась, словно эмбрион в спирте, позволило мне бросить больше одного взгляда на то, что меня окружало.

55

У входа нас встретила высокая, красивая женщина, которая после взаимных приветствий повела нас в залу, где с полдюжины девушек занимали себя вышиванием и рисованием.

– Мадам Шоделюзе! – начала моя мать по-французски, а тетка прошептала что-то на ухо лукаво улыбающейся филантропинистке⁷¹:

– Здесь... моя дочь желала бы чему-нибудь выучиться, но сначала она хотела бы познать боль, властвующую, во что моя дочь не может поверить, над нашим телом даже больше, чем меховые рукавицы над морозом.

Мадам Шоделюзе улыбнулась и посмотрела на меня; я опустила глаза и заплакала.

– Да, мадам, – сказала моя тетка, – и мы хотели бы, чтобы это произошло прямо сейчас и в нашем присутствии.

Мадам Шоделюзе засмеялась, взяла у одной из девушек ножницы и кивком подозвала меня к себе.

Дрожа от страха, я подошла. Мать и тетка сели в стороне. Мадам Шоделюзе зажала меня между колен, отвела мою голову в сторону и сказала:

– Дитя! Сейчас я отрежу тебе нос.

– Боже милостивый! – закричала я, вырвалась и почти без сознания упала на пол.

– Как тебе не стыдно, Мальхен! – гневно воскликнула мать. – Все твое тело – сплошная боль, а ты боишься, что не вынесешь самой малости – какого-то отрезанного носа?

56

Мадам Шоделюзе подняла меня с пола и с силой зажала между колен.

– Неужели, – спросила она меня, – ты ни разу не слышала, не читала истории о той девушке, которая, узнав, сколько несчастий принесла ее красота другим женщинам и мужчинам, изувечила себе лицо, разодрав его? Ничего не слыхала о юноше, которого хотела совратить похотливая девица, и который лучше бы откусил себе язык, чем уступил ее домогательствам?

– Да, дитя! Хочу тебе признаться, – вмешалась мать, – я завидую твоему красивому носику и посему требую, чтобы ты доказала мне свою любовь.

– Мать, – закричала я, протягивая к ней руки, – прошу вас, ради Бога, который мог бы воспитать меня и без вашего участия, не мучайте меня столь жестокими шутками.

– Мальхен! – возразила тетка, набивая свой нос табаком, – твоя мать совершенно серьезна.

Тут все засмеялись, а одна из юных воспитанниц, фройляйн фон Гролленхайм, так захохотала, что у всех зазвенело в ушах.

– С отрезанием носа, – продолжала госпожа Шоделюзе, – как я погляжу, ничего не выйдет; а уши отрезают лишь ворами, глаза выкалывают исключительно предателям отечества, расплав-

ленный свинец льют только таким как Красс^{*72} да скупцам в их ненасытные глотки. Изувечь я тебя – твои пять чувств нельзя было бы использовать непосредственно для познания боли. Что же, поглядим, может, есть какой-нибудь менее дорогостоящий способ примирить мать с красотою дочери. Эрегина, принесите мне из кабинета серебряный тазик, ланцет и бинты, что лежат на туалетном столике.

Эрегина, стройное, белокожее существо с черными, словно вороново крыло, волосами и наполовину оголенной, дрожавшей, как у Гебы, под легкими покровами грудью, стремительно исчезла в кабинете и тут же возвратилась с требуемыми предметами. Я застыла на месте, источала, будто масло на солнце, слезы и дрожала словно осиновый лист. Мадам Шоделюзе жестом подозвала к себе Розалию, ту, что смеялась громче всех, и еще двух воспитанниц. Все трое встали перед ней; воспитательница неожиданно поднялась со своего места, отодвинула меня в сторону и произнесла строгим повелевающим голосом:

– Розалия! Вы должны умереть.

Розалия, понимавшая причуды воспитательницы намного лучше, чем я, отвечала:

– Мать! Возьмите мою жизнь, если смерть моя может принести вам пользу.

– Пользу? – отвечала суровая госпожа. – Вы в моей власти, я распоряжаюсь вашей жизнью и смертью, и вы должны умереть. Держите ее! – приказала она стоящим рядом с Розалией сестрам, – держите! – И те схватили ее под руки. – А, – тут мадам Шоделюзе сорвала с них шали, – первой,

* Ород, парфянский царь, одолел Красса и велел влить ему в глотку раскаленного свинца.

кто отпустит Розалию в ее последние мгновения, я вонжу в грудь этот кинжал.

Девушки побледнели от такой серьезности строгой воспитательницы, однако послушались и так крепко прижали испуганную Розалию к стулу, что та могла пошевелить лишь чреслами и ногами.

– Поднимите ей платье до пояса, – приказала мадам Шоделюзе.

58 Девушки не решались.

– Поживей! или... – тут она приставила кинжал к груди одной из них.

Платье Розалии тотчас же было поднято и закреплено под грудью.

– Теперь подойдите сюда, милые дамы! – обратилась мадам Шоделюзе к моей матери и тетке, – и смотрите, как я наказываю невоспитанность.

Мать и тетка встали и поставили меня между собой. Шоделюзе взяла тазик и ланцет и подозвала меня к себе.

– Возьмите, дитя, этот тазик и держите его крепко здесь. Розалия, раздвиньте ноги. Вам не стоит стыдиться своей красоты, лучше стыдитесь своей невежественности, если вы на это способны.

Розалия раскрыла дрожавшие бедра, и все, кроме Шоделюзе, воскликнули:

– Ах, Боже! какая красота! И ей – умереть? Ах, Боже! Ах, Боже!

Теперь я должна была держать тазик под срамом Розалии, Шоделюзе взяла ланцет... один единственный удар, прямо над алыми губами, в еще незаросший бугорок Венеры, и... потекла пурпурная кровь. Румянец сошел со щек Розалии, и ужас от того, что она сама видела, как истекает кровью (на что было жутко смотреть и зрителям), лишил ее, ей же на благо, чувств.

Как только Шоделюзе заметила, что Розалия потеряла сознание, она сказала:

– Довольно! Она, должно быть, мертва! Моя воля – мой закон; Мальхен, поставьте эту пролитую девственную кровь на стол и подайте мне бинты.

Я повиновалась, Шоделюзе крепко зажала рану пальцами и перевязала ее надлежащим образом, а так как Розалия, потеряв много крови, была в обмороке и напоминала мертвую, то перевязывание оказалось несложным и потребовало меньше искусства, чем если бы наказуемая оставалась в сознании. После перевязки подружки опустили Розалию платье и перенесли девушку на кушетку.

Теперь пришла моя очередь.

– Мальхен! – начала злодейка Шоделюзе, – вы видите, насколько послушны мои подведомые, от вас я требую подобного же повиновения, это необходимо и для того, чтобы вас исправить, и для того, чтобы помирить вас с вашей матерью, которая желает показать вам, что есть боль.

Я все плакала – остальные девушки сидели тихо, словно мышки, за своей работой и не осмеливались на меня смотреть. Шоделюзе поставила посреди комнаты небольшой стул.

– Мальхен, ложитесь сюда, на этот стул, и поживей!

Я медлила.

– Мальхен! – сердито воскликнули мать и тет-ка.

Я повиновалась. Шоделюзе удалилась к себе в кабинет, и не успела она выйти, как открылась дверь и в зал зашел худощавый мужчина.

– Ваш слуга, господин Пьяно! – крикнула одна из девушек.

– Ваш покорный слуга, – поправил Пьяно, – какому танцу я буду здесь аккомпанировать? – спросил он.

Однако, пока он задавал свой вопрос, появилась Шоделузе с ужасающими – я могла разглядеть их даже лежа на стуле – розгами.

– Хорошо, что вы пришли, маэстро Пьяно! – сказала она. – Оголите-ка этой девушке зад, она а posteriori познакомится с вашей партитурой, а вам, возможно, с помощью этого зада придет в голову какая-нибудь очередная философия музыки.

60 – Гм! Мадам! – воскликнул изумленный учитель музыки. – Вообще-то по клавишам природы нельзя бить, их нельзя наказывать, ведь разучиваемое, может стать, будет напрочь вышиблено наказанием; я бы с большей охотой исполнил свою *Ouverture Stemperare*⁷³...

Тут я почувствовала между колен руку пылкого композитора, он аккуратно, не торопясь, поднял мои юбки и исподнее и держал их надо мной.

– Однако *mià cara!*⁷⁴ – спросил обнаживший меня. – *Allor che fur gli ampi cieli stesi*⁷⁵: «Тогда, когда распростирились огромные небеса», – здесь он задрал мою одежду выше, наклонился и дважды поцеловал меня – по разу в каждую ягодицу, и мне это очень понравилось. – *Allor!* И когда не было еще никаких планет и комет, а значит...

– Говорите, говорите, что хотите, Пьяно, я отстаиваю свое *Forte*⁷⁶, не так ли, дамы?

– Несомненно, – отвечала моя мать. – Мальхен, подними повыше зад, он прекрасно выглядит, он заслужил *хорошего* приема.

– В особенности красив разрез между ягодицами этой прелестной малышки, – сказал славный Орфей. – Как жаль, что хвост березовой кометы вот-вот уничтожит эту поверхность. – *Ah! Signora!* внемлите моим аргументам!

– *Non, mon Ami!*

Les rapides éclairs
Par les vents et par le tonnerre
N'épurent pas toujours
Les champs et les airs.⁷⁷
*D'après Voltaire.**

Ainzi, Mademoiselle! Vite! Vite! Haussez votre beau cul!

Я повиновалась, подняла его повыше и получила первый удар, такой крепкий, что вскрикнула; за ним безжалостно последовали еще двадцать четыре удара, потекла кровь, я внимала увертюре маэстро Пьяно, сменявшейся иногда ошеломляющими периодам резкого forte строгой воспитательницы. Я, впрочем, мужественно принимала все удары. Пьяно расстегнул штаны и показал мне настроечный молоточек такой выдающейся величины и, вероятно, такой отличной способности к звукоизвлечению, что во время экзекуции я принялась тереть бедра друг о друга и определенно достигла бы наслаждения, если бы боль не одержала победы.

61

Никто из девушек не осмеливался смотреть на эту сцену, все уставились в свое рукоделие, а Розалия по-прежнему лежала в близком к смерти забытьи.

Получив седьмой удар, я громко закричала и уже не замолкала до самого последнего удара.

– Ах! Мадам! – начал Пьяно и, будто калкант, опустил мои юбки и исподнее. – Ах! Мадам! это была чрезмерная прима 24/25 для несчастной малютки – диатоническая или пифагорова комма⁷⁹, ее почти не используют в гармонике и уж никог-

* Здесь мадам Шоделюзе пародирует стихотворение Вольтера.

да не берут на таком маленьком монохорде⁸⁰ – *in filza questa reflexione a fine!*⁸¹ Но, возможно, я вижу перед собой исполнительницу, играющую на этом монохорде, и тогда я готов предоставить ей свой настроечный молоточек для проверки ее инструмента.

62 С этими словами Пьяно взял мою мать под руку, подвел к окну, поднял ей юбки и исподнее и, миновав прекраснейшую клавиатуру человеческой природы, ввел в резонирующую деку⁸² моей матери, не без ее же содействия, свой настроечный молоточек; в это время мадам Шоделюзе с помощью двух девушек подняла меня, прислонила к столу и принялась так рьяно обтирать мне полосы от ударов целительным бальзамом, будто я была жеребенком, к несчастью, покусанным *Hurrbosca equina* или же *culux equinus*⁸³, ждущим, что заботливые руки конюха разглядят ему кожу.

– Ах! – воскликнула моя мать; ее в самых изысканных манерах раздели до пупка*, и теперь она стояла с открытым верхним регистром перед орфикой⁸⁴ или, точнее говоря, старым гидравлосом⁸⁵ раскачивающегося из стороны в сторону органиста. – О, господи... .. я не знаю! Мадам Шоделюзе! мне стыдно до смерти!

– Comment? ma chere, – возразила Шоделюзе, подошла к ней и положила подол ее юбки и исподнее на подоконник. – Comment! Вам – стыдно?!

Тут наконец Пьяно уселся как следует и принялся играть прелюдию.

Странное явление природы и воспитания! Мы испытываем стыд, нас последовательно учат тому,

* В своем переводе псалмов Давида Лютер называет и пупок, и еврейский музыкальный инструмент наподобие арфы словом *Nablum*.

что нужно стесняться всего хорошего, естественного и красивого, и в то же время мы каждый день умудряемся находить благопристойность в собственном безобразии и низости. Уже и не существует такого порока, который в человеческом обществе не прошел бы бесстыдно своего круга, которого толпа не посчитала бы средоточием прекрасного, и не ставшего бы обязательным для воспитанного человека, а если в таком человеке склонностей к этому пороку нет, то он нынче должен об этом жалеть... .. в то время как культура чувственных наслаждений всех смущает.

– Ах!... Ах! – застонала моя мать и стиснула чресла.

– Ах! – продекламировала Шоделюзе, кажется из Тассо, – *nel cuor dell' Asia scossa, il Bavarico trrale!*⁸⁶ – и подошла ко мне.

Одна из девушек поддерживала меня, другая стояла передо мной на коленях и, как я уже сказала, обтирала меня, при этом она, правда, кряхтела и дрожала, и я не знала, что мне и думать.

– Ну-ка, Фредегунда, – спросила ее Шоделюзе, – что это такое? Я считала, вы многое можете преодолеть.

– Ах, – простонала та, – *qui u etait vainquer!*⁸⁷

– Дайте-ка посмотреть, вообще же, я потерплю подобное лишь единожды. – Тут она забрала губку у Фредегунды и отдала ее Клодине, чтобы та продолжала меня обтирать, а сама положила Фредегунду на пол, обнажила ее и раздвинула ей бедра. О, небо, что я увидела! Прекраснейший факел Амура и Гименея⁸⁸, словно появившаяся на свет из пены богиня, устремлялся вверх. – Вы отвечали мне насмешкой, когда я в последний раз указала вам на то, что вы слишком *многое* себе позволяете, – сказала Шоделюзе. – Человек всег-

да хочет быть больше, чем сама природа, но он не в состоянии ни постигнуть ее тайн, ни понять ее упорства... это плохо, и ваша самонадеянность заслуживает наказания... и ничего кроме. Сюда, – и, не произнеся больше ни слова, Шоделюзе взяла розги, только что полосовавшие меня, и положила Фредегунду на бок, повернув его скипетром ко мне, оголила его прекрасный круглый зад и принялась хлестать по нему с такой яростью, что Фредегунда корчилась на полу, словно дьявол под ударами архангела Михаила, иного сравнения и не придумать.

Клодина промокнула меня полотенцем и опустила мои одежды.

Моя мать находилась без чувств между маэстро Пьяно и окном; Розалия очнулась и начала двигаться; Клодина подошла к ней и предупредила об опасности ее положения, а тетка во время экзекуции ходила туда-сюда по комнате, одну за другой засовывала себе в нос понюшки табака и восклицала:

– Ай! Ай! Мадам Шоделюзе, вот это сильно! Вот это строго! Это по-настоящему. Ай! Ай! Ай! Ай!

Фредегунда в конце с силой вырвался из-под строгих рук филантропистской Тисифоны*, залез рукой ей под юбку и, водя там пальцами, сумел довести чувствительные части тела воспитательницы до такого состояния, что та выронила розги, облокотилась на своего ученика и с криками «Vite! Mon enfant! Ha! Petit heros! Vi... te... ah! je me...con...fonds!»⁸⁹ – подергивая чреслами, получила наисладчайшее наслаждение.

Внезапно наступила тишина. Клодина устремилась к Шоделюзе, опиравшейся на Фредегунду,

* Тисифона – самая ужасная из фурий.

подняла ей юбки и полотенцем осушила залитые наводнением места.

Я могу вам сказать, сестры, что живота, красивее, чем у Шоделюзе, я никогда больше не видела, и даже у нашей сестры Анунчиаты живот не такой красивый.

Теперь, однако, ни у кого больше не было сил, и никто не знал, что же он наделал. Все мы стояли друг подле друга с благопристойно опущенными платьями. Клодина любезно привела в порядок и мою мать; мать же, взяв меня за руку, подвела к мадам Шоделюзе и представила ей и всему обществу.

Меня спросили, что я знаю; я рассказала все, что помнила, всем это понравилось, и в знак признания любви и дружбы я получила по поцелую от каждой из воспитанниц. Особенно страстным был поцелуй Фредегунды; мне, конечно, не нужно вам говорить о том, что меня целовал юноша. Я покраснела до ушей, но никто, казалось, не хотел этого замечать; мадам Шоделюзе сказала Пьяно по-голландски: *Kinderen die minnen hebben geen zinnen*⁹⁰, а затем обратилась к единственной ученице, не участвовавшей ни в одной из немедленно всеми забытых сцен:

– Евлалия, отведите Амалию в свою комнату, она будет спать вместе с вами; до этого вы жили одна, но отныне этому пришел конец; люди созданы для общения, даже если круг общения ограничен... идите, а потом покажите Амалии наш сад, да не забудьте поговорить с Георгом и исправить то, что вчера по своей бездумной непредусмотрительности вы натворили.

Евлалия поцеловала мадам Шоделюзе руку, я сделала то же самое, с поцелуями и слезами попрощалась я с матерью и теткой и пошла вслед за Евлалией.

Окна нашей комнаты выходили в сад, Евлалия их распахнула, была середина июля; заметив садовника, она окликнула его и сказала мне следовать за ней.

– Георг! – начала она, когда мы к нему приблизились, – вчера я разбила тот красивый фарфоровый горшок, я сожалею; я бы возместила его стоимость, но ты ведь знаешь, мадам Шоделузе этого не позволит, она хочет, чтобы я была наказана за свою непредусмотрительность.

66

Георг усмехнулся и сказал, что если мадам так хочет и коли фройляйн того желает, но он и так доволен, и поглядите-ка, вон там идут мадам и вся компания.

– Что это у тебя в руках? – спросила Евлалия.

– Ах, это брусок садовой лестницы, она сломалась у меня под ногами, когда я почти забрался наверх, и я сильно ударился лицом.

– *Вот чем он меня накажет.* Георг, поторопись! – Евлалия быстро оголила свой зад и улеглась на пьедестал, на котором, до того, как его сбросили, стоял Юпитер⁹¹.

– Нет, милостивая фройляйн! Этого я не могу сделать, мне жалко вашей прекрасной кожи; может, вы прикроетесь хотя бы нижней рубашкой, тогда я соглашусь отсчитать вам дюжину ударов.

– Мальхен! – крикнула Евлалия. – Прикрой меня, как того хочет Георг, да натяни мое исподнее покрепче, чтоб ни один из ударов не был потерян*.

Я так и сделала, Георг бил Евлалию настолько сильно, что ее нежные ягодички звенели, а сама она громко кричала.

* *Dignamque severa virginitate vocant – !! Ovid. [«Почитая достойной девственной так поступать», Овидий, «Метаморфозы», ч. 3].*

В это время мимо нас, даже и не догадываясь о том, что происходило у них под носами, прошла, скрывшись из виду, едва отзвучало громкое эхо последнего удара, Шоделюзе и вся ее компания.

Потом я взяла Евлалию под руку, и мы побрели дальше...

Тут Монику позвали; вернувшись через полчаса в кружок любопытных сестер, она продолжила свой рассказ:

67

За два года моего пребывания в интернате со мной больше не случилось ничего такого, что можно было бы сравнить с произошедшим в день моего поступления.

Лишь два раза в год нам разрешалось – мы должны были – постигать наше природное естество, на Крещение Господне и в Страстную пятницу. А если между этими праздниками кто-то случайно выказывал свою натуру – например, терял в грудях заколку от шейной косынки, и мы эту косынку с него стягивали и смотрели на обнаженную грудь, или если кто-нибудь натягивал чулки, и из-под приподнятой юбки выглядывали голые коленки, или даже складка исподнего: то тут же раздавалось: «Что это такое, Мальхен, Розалия, Евлалия и т.д. – нельзя ли делать это пристойно?» На что следовал ответ: «*Mon Dieu!.. la nature même ne le fera plus modeste!*»⁹² А после этого мы кричали хором: «Этого нельзя делать! нельзя делать! нельзя делать! нельзя делать!» и кричали так долго, пока хватало сил; особенно диким этот крик был, если нам задавался каверзный вопрос: «Ай! почему бы и нет?» Тогда мы уже совсем расходились и вопили, не слыша друг друга, пока все это не переходило в громкий смех.

Неистово мы веселились лишь *раз в год*, а именно на праздник святого Николая, покровителя всех тех, кто скрывает свою душу и плоть под масками. Мы любили этот праздник, и, хотя нам не нравилось наряжаться привидениями и скелетами, мы с удовольствием позволяли Фредегунде хлестать наши ряженные зады розгами.

68

На евангельские чтения перед Крещением Господним мы обычно совершали паломничество в монастырь капуцинов, находившийся в нескольких часах пути от нашего филантропина. Переодетые веселыми крестьянками, в красном и белом, вооруженные громадными соломенными шляпами и шестью тяжелыми кувшинами, наполненными легким бордосским, которое присылали мадам Шоделюзе ее родственники, оно у нас было столовым вином, отправлялись мы в путь. Маэстро Пьяно со скрипкой шел впереди, смычком указывая дорогу к монастырю.

Когда мы так шли, пара за парой, то я с Фредегундой обычно завершала процессию, а мадам Шоделюзе шла то вровень с нами, то помедленней, в некотором отдалении позади.

Обычно мы заходили в монастырь через церковь, ставили кувшины в приделе вокруг высокого каменного распятия и накрывали их соломенными шляпами; маэстро Пьяно становился на колени и на ступеньку ниже бережно клал свой натянутый жильными струнами инструмент, после этого мы шли в церковь, мимо прихожан, к главному алтарю, перед которым опускались на колени, читали короткую молитву и рассаживались по местам.

Первый раз был для меня особенно примечательным: в середине *Apaga Satanás*⁹³, когда мы стали занимать места, брат проповедник набросился на слушателей со своей кафедрой; он говорил:

– Мы не должны себя здесь, – (я подумала: то есть там?), – отягощать благами жизни, – (но я попридержала опрометчивые мысли, переполнявшие мою грудь, услышав затем), – тянущими нас вниз, к земле; и не должны мы уступать желаниям тела, погружающими нас в земную грязь. Напротив, наше призвание – постепенно освобождаться от суетных тягот, дабы существо наше становилось легче и мы могли бы вознестись на небо. А тот, кто бродит во тьме, кто копошится в грязи и нечистотах и отягощает себя бременем земного, будет низвергнут во пламень, будет этим пламенем очищен и преображен. Те же, кто творит добро, получают после смерти вечную жизнь, просветленную и духовную, и будут прекрасны телом и душой. Аминь.

Когда богослужение закончилось и прихожане покинули церковь, брат Евхарий, проповедник, подошел к нам и спросил мадам Шоделюзе, понравились ли ей его наставления.

Мадам Шоделюзе, будучи француженкой по происхождению, отвечала, улыбаясь, что пришла как раз к *Arage Satanas* и поэтому не получила особого удовольствия.

– Ах! – сказал лукавый капуцин, – этого дурного, злого шельму мы гоняем целыми днями и никак не можем от него отделаться. Мы кормим его то хлебом, то пирогами, то водой, то вином, но он не желает отступаться; только посмотрите, как я выгляжу: совершенно одичал, прямо как святой из Фиванской пустыни⁹⁴, – здесь он поднял рясу и показал нам свои волосатые ноги и заросший волосами Синай⁹⁵ во всей его центростремительной и центробежной силе.

– Как дурак! – пробормотал наш учитель музыки и отвернулся от неприятного для него, но очень

привлекательного для нас зрелища. Фредегунда с ревностью смотрел на это мощное свидетельство всевластия церкви.

– Фи! ну и что, – возразил брат Евхарий, – мне-то этого не решать! *Огородное пугало уже прогнало нескольких лакомок...*

Пьяно понял насмешку и вместе с Фредегундой отошел в сторону.

70 – А что делает ваш приор, достопочтенный отец? – спросила мадам Шоделюзе и взяла ужащающее достоинство в свои нежные руки.

– Ох, – отвечал монах, улыбаясь от того, каким сильным был его демагог, – *он по заведенному порядку ходит туда-сюда и ворчит на черта.*

– Ну тогда ведите нас к нему! Вы же знаете, какой сегодня день и с какой торжественностью мы его отмечаем уже на протяжении пяти лет... итак! – здесь она отпустила первородный грех священника, брат Евхарий взял ее под руку и попросил нас следовать за ним.

Войдя в трапезную, мы застали одиннадцать братьев и приора за беседой. Приор Параклет был статным, бодрым мужчиной и понравился нам всем с первого взгляда. С благороднейшим приличием он запустил руку под юбку нашей наставнице и поцеловал ее в губы, а затем в грудь. Братья окружили нас, подвели к окнам, задрали нам юбки и рассматривали нас с умеренным любопытством.

Мы позволяли делать с нами все, потому как знали, что их дерзость не переступит положенных границ.

В это время накрыли стол, который теперь манил нас изысканными угощениями. К нам присо-

единились г-н Пьяно и Фредегунда, и за столом не осталось свободных мест.

Мадам Шоделюзе велела принести три своих кувшина, и один из братьев начал читать из Евангелия о чуде на свадьбе в Кане Галилейской⁹⁶. Когда он дошел до места: «Что мне и тебе Жено?», приор воскликнул: «Что мне и тебе Жено! ты испортил мне всех посвященных богу тельцов!» А на фразе: «Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином», мадам Шоделюзе заявила, что ее вино произошло из вина, и имела смелость сравнить свое вино с чудесным вином на свадьбе в Кане, лишь с той разницей, что сегодня за столом гости будут пьяны не только вином, но и голыми чреслами.

71

В радостном и шумном, но приличном веселии dokonчили мы трапезу, опустошив три кувшина.

Затем приор и мадам Шоделюзе отошли в сторонку, а нам было приказано разбить вместе с монахами несколько шатров и подготовить все для вечерней трапезы, которая должна была состоять исключительно из пирогов... Отцы были словно в Элизиуме, целовали, сжимали и ласкали наши зады, и хлопали по ним так искусно и приятно, что мы были весьма растроганы этими нежными проявлениями любви и доверились монахам всей душой.

С песнями и танцами на прекрасной поляне, простиравшейся до самого леса и окруженной высокими горами, были раскинуты шатры, и, как только мы закончили с шатрами, Фредегунда отвела меня в сторонку и увлекла в лес.

– Амалия, – начала она и страстно поцеловал меня в шею, которую обнажила сбившаяся набок нагрудная косынка, – я люблю тебя так страстно, что страсть эта в своем неистовстве обратит меня,

как Мелеагра*, в пепел, если ты откажешь мне в обладании тобой. Смотри как я пылаю, как дрожу, трясусь – словно бешеная собака, которой губительный яд вспучивает жилы. Смотри! смотри! – здесь она** подняла свое платье и показала мне то, что я уже видела полгода назад, причем такого отрадного размера, что я даже вздрогнула.

72 – Фредегунда, постой, – произнесла я дрожа, – одумайся... одумайся, что ты творишь; только злобным и коварным доставляет удовольствие растление девственницы; неужели ты забыл все то истинное, хорошее, что говорила нам мадам Шоделюзе о чувственности, и то отвратительное, что она рассказывала о жестокой похоти?.. Прошу тебя – но его рука обвила уже мои чресла.

– Я не хочу ничего слышать! Я хочу чувствовать! Чувствовать и наслаждаться, – возопил Сен-Валь де Комб (так звали Фредегунду), и в мгновение ока мой низ был оголен до самого пояса, а я привязана своими же чулками к березе; еще бы чуть-чуть, и, как это обычно бывает, власть сильнейшего одолела бы право слабого, однако Сен-Валь, чрезмерно возбужденный видом моего чрева и сраженный усилиями, с которыми он пытался пробиться в мои стиснутые чресла, впал, к счастью, в глубокий обморок. Он повалился, содрогаясь, на землю; юношеские силы, которыми он, впрочем, не умел еще управлять, истощились настолько, что, казалось, он вот-вот испустит дух.

Пока он лежал передо мной в таком виде, у меня было достаточно времени, чтобы подивить-

* Миф о сгоревшем дотла Мелеагре, разумеется, широко известен.

** Это был по ряду причин переодетый в женское платье мужчина.

ся красоте и очарованию тех частей тела, которые из-за неправильного или неблагородного их применения приносят гибель нашему роду и порчу человеческой природе. Его широко раскинутые бедра, его член, постепенно возвращавшийся к примитивному бездействию и подрагивавший, словно роза под крылами Зефира, нежная, но уже возмужалая дикая поросль, окружавшая член, привели меня в неистовство. Я раздвинула ноги и продемонстрировала бесчувственному свои половые органы во всей их красе, а потом собственной же рукой похоронила память об этом сладостном моменте в саркофаге мужской мощи.

Фредегунда, истощенная до мозга костей, очнулась, поднялась и подошла ко мне как раз в тот момент, когда я только кончила и еще трепыхалась, как угорь, в экстазе; она развязала меня и, целуя мою грудь и губы, оголила мой зад и со всей силы ударила по нему.

– Злая Амалия! ты заслужила... стой! Стой! Дай мне посмотреть на заднее отверстие твоего прекрасного тела, – и тут этот пройдоха так широко раздвинул мне ягодичы, что мой анус растянулся и мне стало больно.

– Оставь меня, Фредегунда! – сказала я гневно и оттолкнула его от себя, да так, что он, пошатнувшись, словно пьяный, снова оказался на земле, и, пока он поднимался, я отпрыгнула от него и с головокружительной быстротой добежала до поляны.

А там все изменилось. Монахи исчезли; у просторного шатра, блиставшего шелком и золотой бахромой, под которым был накрыт изысканный стол, великолепием, пожалуй, не уступавший даже столу прославленного короля Артура, стояли трабанты с алебардами.

До шатра мне оставалось десять шагов, но я узрела вблизи все это великолепие, попятилась от изумления и застыла, как вкопанная, на месте; тут из шатра выступил рыцарь в золотых одеждах, в латах и с поднятым забралом, а под руку он вел великолепно одетую даму.

74 – Ну и где вы пропадали, фройляйн?! – воскликнул рыцарь. – Герцогиня, ваша мать, столько страху из-за вас натерпелась, и как вы выглядите? Клянусь святым Дионисием⁹⁷, тут дело неладно! Дайте-ка вас рассмотреть, подойдите-ка ко мне!..

– Ну, Кунигунда! – сказала герцогиня, – что это ты там стоишь, призадумавшись? Может, ты уже не желаешь с нами знаться, или мы с дядей Карлом должны приветствовать твое инкогнито?

Я ничего не понимала, в то же время мне было понятно ровно столько, сколько мне давали понимать. Наконец я отважилась и подошла к матери-герцогине, то ли свалившейся с неба, то ли поднявшейся из преисподней, и дядюшке, сверкавшему огнем, упала перед ними на колени и опустила глаза долу.

– Злое дитя, – нежно произнес герцог, наклонился ко мне и аккуратно приподнял мои юбки и исподнее, – ты заслужила наказания! Это крестьянское платье, которое никак не идет принцессе чистых кровей, и этот хорошенький зад, попытавшийся сегодня от нас сбежать со всеми его прелестями.

И тут господин герцог своей дюжей рукой так отвесил мне по заду, что обе мои ягодицы, должно быть, запылали.

Это, однако, было еще не все, что хотел сказать мне герцог; он подозвал двух пажей, те схватили меня за ноги и подняли таким образом, что я оказалась головой вниз с разведенными в стороны

ногами, как одно из *Vijous indiscrets* Кребийона⁹⁸, и представляла собой самое, как я думаю, непристойное зрелище на свете. Одежда упала мне на лицо; мой живот, лоно, бедра, зад – короче, все сияло в лучах вечернего солнца, которое, пылая красным, стояло над лесом и вскоре собиралось с нами попрощаться.

Потом герцогиня Матильда, моя новая мать, подошла ко мне, раздвинула мои половые губы, и герцог Карл из колбы влил мне в чрево что-то, что тут же потекло по моим жилам, разжигая во мне неистовый пламень.

75

В тот же самый момент я почувствовала, что преображаюсь. Пажи с громкими вздохами стали меня опускать, герцог подхватил, и, когда я оказалась на ногах, то была по меньшей мере на два фута выше, чем прежде, и сияла, облаченная в серебристое одеяние с белоснежным кружевным воротом, полностью открывавшем мою шею и грудь, напоминая даму из рыцарских времен.

– Ага! – воскликнул, улыбаясь, герцог. – Вот теперь наша фройляйн Кунигунда такая, какой и должна быть! Дай-ка посмотреть, девица, каково у тебя *под* платьем, так ли все ладно, как снаружи?

– Подними юбку, дитя! – приказала герцогиня Матильда.

Я повиновалась и подняла юбку.

– И исподнее! – скомандовал герцог.

Я сделала, как он просил, и теперь два пажа снова схватили меня, а герцог вывел из шатра рыцаря, на котором были лишь серебряные латы и больше ничего, кроме кожи, которую, как вы знаете, Господь дал еще Адаму. Не успела я даже рассмотреть его и его выставленное вперед копьё – как он бросился ко мне и с такой яростью вонзил орудие в мое обнаженное сердце, что сердце это

вмиг изменило свой облик и кровавыми знаками возвестило о своем уничтожении. Пажи во время турнира были так учтивы, что обнажили меня и сзади и после каждого нападения поворачивали меня израненными местами так, чтобы тактические зрители могли внимательно все рассмотреть.

76 Трижды осаждал меня рыцарь, но после третьей схватки объявил всем зрителям словами Густава Адольфа в сражении при Лютцене⁹⁹, что он... сыт по горло, и действительно его копье уже было в совершенно непригодном состоянии.

– Раз так! – крикнул герцог, – то подкрепим себя снедью и вином и будем готовиться к дальнейшему наступлению на Венгрию; я обещал Зигмунду навестить его, а вам, рыцарь Хариберт¹⁰⁰, было бы неплохо побережь силы, прежде чем мы... встретимся лицом к лицу с турками.

Рыцарь Хариберт почтительно поцеловал руки Матильде и Карлу, а я, после того, как пажи заботливо отерли и отмыли все земные грехи, опустила платье, взяла предложенную мне Харибертом руку, и мы направились к шатру.

Сумерки уже царили над полями, лес стоял перед нами пепельно-серый, словно парик лютеранского учителя из Опавы, а заходящее солнце пылало таким светом, какого я никогда и не видывала. В шатре все блестело серебром и золотом; один из миннезингеров прочистил горло и пропел нам песню всем известного Бурманна из Лейпцига¹⁰¹:

Ни голос звонкий соловья,
Ни пастуха жалейка –
То громко призываю я:
Хозяин, мне подлей-ка!

и мы с громким смехом расселись вокруг стола.

Но, мой бог! где это видано! Ничего кроме пирогов! ничего кроме пирогов! Пирог на любой вкус! Ни зуба сломать, ни губы скривить, и это разнообразие печеного такое ошеломляющее, что мы и не знали, за какой кусочек в честь Котито¹⁰² нам взяться сначала. Вина тоже было достаточно, серебряные бокалы постоянно наполнялись из трех оставшихся кувшинов мадам Шоделюзе, стоявших в углу, и мы только и делали, что ели и пили.

77

Пока мы с рыцарским достоинством вкушали эти яства, один старый миннезингер, в меховой шапке и венгерских штанах а ла маультроммель¹⁰³, спел следующую балладу:

ПРИВИДЕНИЕ ЗАМКА ГОВОРИТ РЫЦАРЮ, ЗАГЛЯДЫВАЮЩЕМУ ПОД ИСПОДНЕЕ СВОЕЙ СПЯЩЕЙ ДАМЫ

ЛЕГЕНДА ИЗ ВРЕМЕН ГОГЕНШТАУФЕНОВ

Рыцарь! выстави копье;
На врага правь острие!
Бедер сладостных венец
Наградит тебя, храбрец.

Рыцарь! выстави копье;
То не дикое зверье –
То пленительная щель,
Нежной девы жаркий хмель

Рыцарь! выстави копье;
Смело вторгнись в храм ее,
Огляни скорей свой путь:
Не давай врагу вздохнуть.

Рыцарь! выстави копье;
Поле битвы – не твое?
Задери ей юбку, вдарь –
Сделай так, о государь!

По мере того как еда и питье исчезали в наших утробах, а вино ударяло нам в головы, все вокруг нас тоже переменялось. Лица, не принадлежавшие нашему кругу, постепенно исчезали, а вместе с ними и окружавшие нас лакомства, и когда мы все доели, то почтенные братья капуцины и мадам Шоделюзе со своими ученицами улеглись на мягкой траве под шатром и лежали без движения.

78

Вокруг не было видно ни зги, и небо стояло совершенно беззвездным, но это продолжалось недолго. Огненные зигзаги молний вспыхнули над шатром, г-н Пьяно, дрожа, взял скрипку и играл на ней до самого утра. Мы же, пока непогода бушевала над нашими головами, спали, а когда утром, изнемогшие, открыли тяжелые веки, то не могли понять, мертвыми или же живыми узрели мы... гроб Господень.

Приор Герундио Параклет первым собрался с силами, приподнялся, протер глаза и увидел исподнее мадам Шоделюзе, спавшей в крайне рискованной для всего собрания позе, наподобие той, в какой накануне совершались подношения церкви и рыцарям; ее бедра были раздвинуты и приподняты и открывали то опасное место, которое немногим из нынешних воспитанников Минервы¹⁰⁴ удастся оставлять *sain et saut*¹⁰⁵. И так как приор не сумел сам себя убедить, что оказался в беде, он попытался избавиться от окружавшей его со всех сторон прелести; пока мы, ученицы, сонные и дурманные, одна за другой пытались подняться на ноги, приор, наслаждаясь первыми лучами утреннего солнца, придумал сцену, наполнившую его новой живительной силой.

Как только почтенные братья увидели, что приор совершенно серьезно намерился пропеть заутреню между белых, мягких чресл нашей учитель-

ницы, они отвели всех нас в угол, поставили там на колени, натянули нам на головы наши юбки и исподнее и велели нам с голыми задками слушать то... что нам... .. не нужно было понимать. Фредегунде ничего другого не оставалось, как встать в углу напротив, задрать свое платье и заниматься тем... от чего он не мог удержаться.

Потом монахи встали перед усердным приором лицом к нам и запели, задрав рясы: *all unisio* и весьма ладно из *Officium defunctorum benedictale*: «*Pelli meae... consumptis carnibus ad... haesit os meum*¹⁰⁶». Тут исповедуемая проснулась под напором своего духовника – и я разглядела краем глаза – ее ягодички выпятились под звуками этого гимна плоти так сильно, что *en profil* напоминали толстого Юпитера в окружении своих трабантов. Синьор Пьяно схватил скрипку и стал наигрывать *et derelicta sunt tantummodo labia circa dentes meos*.

Тут вступил и настоятель, тихо затянувший: «*Miseremini mei, misere...re mini ... mei, saltem vo ... s ami... ici ... mei, quia ma... anus ... Do... o... mini teti ...ti... titigit me...*» Монахи продолжили: «*Quare persequimini me sicut Deus et carnibus meis saturamini?*» На что приор спросил на выдохе: «*Quis mihi tribuat ut scribantur sermones mihi?*» после чего замолк. «*Quis mihi det? – спрашивали тогда монахи от его имени, а тот рассматривал прелести Матильды, – ut exarentur in libro stylo ferreo et plumbi lamina? Vel caelo sculpantur in silice?...*»

– Amen! – пропел наставник, поцеловал подергивавшийся зад совершенно равнодушной к жалабам Иова духовной сестры, и все произнесли:

– Amen.

Приор быстро встал, схватил мадам Шоделюзе за платье и сказал:

– А теперь, моя прекрасная Марпесса*, не пора ли повесить эти сакральные предметы в храме Минервы и обменять их там на девственных весталок?

– Еще нет, – отвечала та, – сначала я должна позаботиться о своих овцах и только потом *fiat rex in virtute mea*¹⁰⁷, – и шлепнула настоятеля так, что тот выпустил платье из рук.

80 – А этот наш Харилай? – спросил он, подходя к Фредегунде.

– Этот всегда со мной! – был ему ответ.

Положение, в котором мы находились, становилось все более мучительным, и когда мы были уже готовы самовольно из него выпутаться, ко мне подошел проповедник и сказал:

– Подожди, прекрасная сестра любви, наслаждения и боли! Сперва скажи мне, кто самый несчастный из всех, рожденных женщиной?

Я отвечала:

– Должно быть это Иов¹⁰⁸.

– Нет, дитя мое – тот, кому не посчастливилось родиться без рук и ног. Скажи мне тогда: кто счастливейший среди людей?

Я сказала:

– Тот, кто всем доволен.

– Нет, дитя мое! Тот, кто потерял рассудок! – И

* Во время царствования Полиместора, царя Аркадии, спартанцы, с которыми аркадийцы постоянно враждовали, осмелились напасть на Тегею. После того, как битва между спартанцами и аркадийцами не смогла выявить победителя, на помощь аркадийцам пришли женщины, самой отважной из которых была вдова Марпесса, и троянцы были побеждены. Спартанцев во главе с их царем Харилаем, племянником Ликурга, заковали в цепи, которые спартанцы взяли с собой, чтобы пленить аркадийцев. Амуницию Харилая и Марпессы повесили в храме Минервы.

все ему зааплодировали. – А теперь ответь мне на третий и последний вопрос: сколько будет двадцать плюс пять?

Я молчала.

– Ах, так! И этого ты не знаешь, а раз не знаешь, то должна эти двадцать и пять *почувствовать*, – и он вытащил плеть и отпустил мне, словно Doctor орtime¹⁰⁹, двадцать пять таких ударов, что я кричала, будто одержимая, в то время как другие давали себя гладить и ласкать и звонко смеялись над моим несчастьем. Когда проповедник закончил, синьор Пьяно пожалел меня, взял за руку, встал передо мной и заиграл:

Qual nuvol grave e torbida
Sulla tua fronte accolto
Cопre il sereno, o Filida,
Del tuo leggiadro volto?¹¹⁰

– Оставьте меня в покое! – рассердилась я и оттолкнула его; проповедник прочитал мне лекцию, которую я теперь буду носить с собой четырнадцать дней.

– Pauvre enfant¹¹¹, – вступила Шоделюзе, – мне жаль тебя! Но ты должна понимать: твоя мать доверила тебя мне лишь с тем условием, что я научу тебя переносить боль. Поэтому...

Я молчала, сестры окружили меня; Герундио еще раз поцеловал свой трофей, и мы с пустыми кувшинами отправились домой.

Пьяно шел впереди нас и играл на скрипке:

Если кувшин разбит,
Мрачный делают вид!
В такой канители
Проходят недели,
Проходят недели!

Все весело подпевали, я же была тиха, как мышь.

Это случилось, сестры мои, на Крещение. В Страстную пятницу все было иначе. Но, прежде чем я расскажу о том, что там произошло, хочу вам поведать историю переодевшегося в Фредегунду Сен-Валь де Комба, которую я записала и выучила наизусть.

82 Когда, уставшие и изнеможенные телом и душой, мы вернулись домой, я вместе с Евлалией и Фредегундой ушла в свою комнату, и там, после удивительных событий последних двух дней, мне ничего не хотелось, кроме покоя, поэтому я разделась и легла в постель; Фредегунда решил пошалить со мной, но я с силой оттолкнула его. Разозлившись, он схватил Евлалию, бросил ее на мою кровать мне в ноги, раздел и два, три раза удовлетворил свою похоть; после этого они выпили чаю с печеньями, улеглись у меня под боком, и Сен-Валь сказал:

– Я должен рассказать вам свою историю, Амалия! Вы уже poznали мое тело, теперь же я желаю показать вам свою душу, хотя бы немного, столько, сколько под крайней плотью необрезанного можно разглядеть его достоинства.

Я далеко не такой грешник, как император Василий, приказавший выколоть глаза пятнадцати тысячам болгарам¹¹². Я не лишил девственности даже и сотни девушек, тем не менее, меня нередко мучает Сатана, он выставляет естественные поступки – мои смертные грехи – перед зеркалом моей совести, и, когда такое случается, я не нахожу ничего лучшего, чем засунуть руку под исподнее первой попавшейся девицы вольного поведения... и у нее испросить отпущения грехов.

Когда я размышляю о всемирной истории, мне хочется попать ее ногами, но ни с одной красивой девушкой не смог бы я так поступить: отсюда я заключаю, что красивая девушка стоит большего,

чем вся всемирная история, и я готов поставить Вилен¹³, на берегах которого я так часто предавался утехам и в котором я потом отмывался, против своих дурных поступков, если это не так...

Я был младшим из двух братьев и трех сестер. С детства у меня обнаружилась склонность к уединению, и известные чувства, которым в пору первого цветения доверяешься особенно сильно, наполняли мою фантазию все новыми образами и предметами.

Мой отец арендовал недалеко от Ренна поместье Травемор, одно из многочисленных владений мадмуазель де Саранж, богатейшей наследницы того края. Из года в год мы занимались виноградниками, клеверными полями и садом, и наши вишни были в Ренне нарасхват.

Мой брат сбежал из дому в двенадцать лет, потому что отец однажды нашлапал его по голому заду в присутствии сестер и пары старух; с тех пор я о брате ничего не слышал.

Моя старшая сестра вышла замуж за богатого священнослужителя из города и часто навещала нас, когда поспевали вишни.

Мы с моими сестрами, Манон и Мадлен, жили с родителями.

Мои сестры были красивы, но их красота меня не трогала. Я видел их обнаженными; во время легкомысленных игр я похотливо задираю им юбки и исподнее, но никогда при этом не возбуждался. Узы крови наделили их сокровенные прелести холодной обыденностью, которую ни одно дерзкое чувство не было в состоянии изгнать.

Но все, чего я не замечал в сестрах, вдвойне поражало меня во всяком приближавшемся ко мне женском существе; поэтому моя история будет неполной, если я не поделюсь с тобой всеми анекдотами из моей чувственной жизни.

Мне исполнилось тринадцать лет, была пора сенокоса, отец послал меня со значительной суммой арендных денег в Ренн к мадмуазель де Саранж, которая тогда собиралась замуж. Недалеко от Вирти, в красивой долине, заросшей ольхами и буками, я заметил премилую девушку, спавшую в траве. Ее лицо было закрыто большой соломенной шляпой, она повернулась во сне, и ее левая коленка обнажилась до серой подвязки. При виде этой коленки по моим жилам разлился электрический огонь, и вот уже мой продолжатель рода стоит готовым к бою, едва завидев поле брани.

«Здесь, Камиль! – сказал я себе. – Здесь должны начаться твои приключения». Недолго думая я нагнулся и увидел под короткой юбкой славную Сефизу¹⁴; изящная нижняя рубашка закрывала упругие бедра, но то, чего я желал увидеть, я рассмотреть не мог, потому что спящая ворочалась во сне. Я запустил руку ей под исподнее, и легкая дрожь между ее чресл воодушевила меня на победу. Я осторожно поднял ее изящные ножки и увидел между двумя прелестными половинками розовую бабочку (*Lithosia rosea*), красивую настолько, что моя сладострастная фантазия даже и не мечтала такую поймать.

Я и сейчас с замиранием сердца вспоминаю это первое в моей жизни удовлетворенное желание. Я вынул свой платок, постелил его на колыхаемую ветерком траву, осторожно положил на него нежные ляжки девицы, раздвинул их, задрал ей до пояса одежду и закончил свой труд без малейших затруднений.

Только тогда притворщица проснулась и начала так трогательно плакать и убиваться, что я испугался и не мог придумать для нее иного утешения, чем развязать свой пояс и бросить ей на

подол пару золотых из денег за аренду. Это помогло, и слезы просохли.

Я попросил разрешения еще раз взглянуть на ее прелести и поиграться розовой бабочкой сзади и, не дождавшись ответа, положил ее на живот, раздвинул ей бедра и на этот раз повторил то, чему учит лишь мать природа, так прилежно, что девушка не пропустила из заученного мною ни слога и языком стонов в восхищении поведала о своих ощущениях.

85

Я спросил ее имя и узнал, что звать ее Фаншон, что она из Вирти и идет проведать родственницу, остановившуюся у одной благородной вдовы в часе ходьбы от того места, где я ее нашел. Я поцеловал ее еще раз, еще раз раздел и пообещал, что, когда вернусь от мадмуазель, снова навещу ее; она сказала мне, что живет с родителями, поэтому я должен придумать какой-нибудь повод, чтобы без подозрений войти в их дом...

«Что ты затеял, Камиль», – говорил я сам себе, продолжая путь и думая о том, чем моя щедрость может мне обернуться.

После долгих размышлений мне пришла в голову мысль распороть шов на поясе, позволить нескольким золотым упасть мне в штаны и, защитив себя таким образом от лишних подозрений, с совершенно невинным видом рассчитаться с мадмуазель де Саранж. Когда показались башни Ренна, из-за невинного *Corpus delicti*¹¹⁵ мое сердце забило так громко, что, казалось, все вокруг слышат его биение; но чем ближе я подходил к городу, тем свободнее мне дышалось, и когда я поднимался по каменным ступеням лестницы мадмуазель, мне не доставало лишь дерзости, с которой обманщици выдают ложь за правду.

На втором этаже никого не было. Я увидел коридор и длинный ряд комнат. Я шел от двери к двери и... внимал замочным скважинам. Опустелые комнаты, заставленные мебелью! и ни единого обитателя. Странный народ эти аристократы! Нигде им нету места, даже в собственном доме!.. Наконец подошел я к приоткрытой двери. Смотреть в замочную скважину было неудобно, а войти без предупреждения я не мог, потому что я слишком хорошо воспитан; я скромно постучал; никакого «Входите!», никакого «Кто там?». Я постучал еще раз. Ничего не слышно, ничего не видно! Я потерял терпение, толкнул дверь и вошел. Это была приемная. Следующая дверь, которую я увидел, была открыта настежь. Не церемонясь, я прошел дальше. Тогда я очутился в роскошно убранной комнате; ряд картин на какое-то время занял мое внимание; потом мне показалось, будто из соседней комнаты доносится шум; я постучался, открыл, потому что никто не хотел мне отвечать; это была спальня. Такого блеска и великолепия я в жизни не видел! Сусанна и Потифар¹¹⁶ во всем своем обнаженном величии отражались в двух хрустальных зеркалах; распутная Маргарита Анжуйская, предающаяся утехам со своим лейб-кучером, и благородная и восторженная Иоанна Д'Арк, томящаяся по смерти под серым хвостом огненного осла, украшали штофный балдахин кровати. У блаженной Иоанны упругие бедра были так вывернуты, что все черти, изображенные над хвостом осла, а кроме того и часовня св. Дионисия могли бы уместиться в ее мускулистом лоне.

Я не мог отвести взгляда, быстро вытащил своего Миноса¹¹⁸ из штанов и хотел было уже заняться тем, чем из вредности занимался Онан в книге Бытия, как вдруг раздались голоса. Мне совсем

не хотелось, чтобы меня увидели; недолго думая я залез под кровать, все еще держа в руке своего утешителя, не желавшего покидать своей поэтической формы без подобающей рифмы.

Едва я улегся, как вошла мадмуазель де Саранж под руку с каноником.

– Значит, моя сладкая Божу, – начал каноник, – нам, несчастным рабам ваших губительных прелестей, уготована судьба Тантала¹⁹.

– Могу ли я иначе? – отвечала мадмуазель. – Все же я не в таком критическом положении, в каком однажды оказалась Анна Бретонская, невеста Максимилиана, став женой Карла Восьмого; я сумею разрешить свою ситуацию*.

– У церкви больше прав на натуральную святую, подобную вам, моя прекрасная Аврелия, нежели у Санчеса** и Офранвиля, – возразил каноник, – и посудите сами, – здесь он вытащил из штанов единственно истинный ключ церкви, – найдется ли в мирской жизни что-нибудь, что смогло бы умалить эту непревзойденную силу?

– Верганден! – воскликнула Аврелия, и глаза ее загорелись. – Вы же знаете, что я не дам себя уговорить ни государству, ни церкви; ни даже своему сердцу, если я этого не захочу. Но я люб-

* Людовик XI, из-за интриг которого Франция и Германия теряли одна за другой свои земли, передал весла правления Анне де Божё, и той удалось женить Карла VIII на Анне Бретонской, которая в то время была помолвленной невестой Максимильяна (его сыном и наследником был Карл V), противника французской короны; Людовик осадил Ренн и увез Анну в Париж. Как говорит пословица: «Кому повезло, того и невеста!» Анна Бретонская стала королевой Франции.

** Sanchez, de matrimonio. [«О супружестве» иезуита Томаса Санчеса (1550 – 1610)].

лю вас обоих, и единственное, что меня беспокоит – невозможность решить, кому из вас всецело себя посвятить, не потеряв при этом другого. У Офранвиля – право, на стороне Вергандена – природа, государство соединяет их в единое тело. Вы, Верганден, – рыцарь Мальтийского ордена¹²⁰ и каноник, следовательно, потеряны для уз брака; Офранвиль – солдат и слуга государства, и как таковой...

88 – Halte la! Ma chere¹²¹, – прервал ее каноник, хватаясь за свое кропило. – Вы – помолвленная невеста церкви.

– Неужели? – возразила Аврелия. – Тогда докажите мне ваше право прямо сейчас, на этом месте, на этой молитвенной скамейке. Дисциплина, говорили вы мне не раз, – это душа церкви, я еще девственница, еще не осквернена – такова была до сего дня моя воля, и воля эта – то, что сближает меня с вами, а не с Офранвилем. Я состою в переписке с аббатисой монастыря клариссинок¹²² в Б., она моя подруга, и кто знает, что я предприму, если однажды мне придется выбрать между вами. Скорей, попробуйте хотя бы раз испытать силу своего убеждения на моем теле, попробуйте, так ли легко меня одолеть, как вы себе воображаете!

Тут Аврелия взяла лежавшую под молитвенной скамейкой толстую розгу, бросила ее канонику и опустилась перед ним на колени. Верганден, ни слова не говоря, поднял ей юбку, положил Аврелию на скамейку, задрал ей исподнее и начал пороть. Аврелия подставляла свой прелестный белоснежный зад навстречу строгому инструменту дисциплины, не проронив ни звука. Я чуть не потерял сознание при виде этой небесной красоты, и даже Сатана, прикованный архангелом к скале, был не настолько ничтожен, как я в тот

упоительный момент. Не успел еще Верганден высечь и дюжину предложений на этих плотяных скрижалях закона, как прозвучало громкое: «Ха! Сладострастная экзекуция», и в дверях заблестел обнаженный меч.

Офицер, про которого я позже узнал, что он из Пентьеверского полка, с пылающим лицом помешал церковному насилию.

– Ah! Bien venu, Офранвиль!¹²⁴ – воскликнула Аврелия и бросилась ему навстречу; каноник быстро засунул одну розгу под мышку, а другую спрятал в своем черном одеянии.

– Vous m'avez vaincu!¹²⁵ – сказал Офранвиль канонику. – Вы победили, ведь я не видел и половины груди Аврелии, вы же, – тут Офранвиль приблизился к Вергандену, – вы в моей власти, я бы мог приколоть вас к стенке, но вы – соперник, и мне следует обращаться с вами по закону и совести, к тому же вы – рыцарь Мальтийского ордена; ждите меня сегодня вечером у ворот.

– Нет, Офранвиль, – отвечал тот, – на клиросе П-кой церкви, этим вечером между семью и восьмью часами.

– Так тоже хорошо, но вы там будете как рыцарь Мальтийского ордена.

– Да!

Аврелия взяла Офранвиля под руку и усадила на стул, и сама села между ним и каноником. После этого соперники обменялись злыми взглядами, а она нежно, но решительно взяла шпагу из рук Офранвиля, вложила ее в ножны и начала рассказывать:

– Офранвиль! – сказала она. – Я хочу вам кое-что рассказать, чтобы представить доказательства того, что слишком хорошо понимаю деспотический нрав людей, живущих во славе, и поэтому не

могу позволить себе слепо подчиниться одному из них. Вот слушайте: турецкий султан Мехмет Второй, юный и дерзкий, решил, подобно Александру Великому, покорить весь мир. Его сабли уже подчинили себе все восточные империи, и ничто не могло бы удержать его от дальнейших побед, если бы не его необузданное сладострастие. Ирена, прекрасная гречанка, привязала Мехмета к своему чреву; истощенный и лишившийся воинственного духа завоеватель Азии был погребен под изобилием ее чар. Главный визирь, Мустафа-паша, осмелился сказать ему об этом. «Я прощаю тебе твою дерзость, сказал султан; собери завтра утром на плацу янычар...» Отдав это распоряжение, Мехмет еще раз одарил Ирену, которую он любил больше всего на свете, нежнейшими ласками и приказал ей предстать перед ним поутру в самом красивом наряде. Ирена повиновалась, Мехмет вывел ее на плац, где собрался весь цвет его воинства. Все были поражены красотой девушки и пали перед нею ниц. «Солдаты! – сказал Мехмет. – Я хочу, чтобы вы сами решили, создала ли природа более совершенное чудо, чем женщина, стоящая перед вами». «Нет! Нет! – закричали солдаты, еще недавно недовольные своим султаном. – Да здравствует Ирена! Да здравствует ее счастливый супруг!» – «Так же, – обращаясь к окружившим его генералам и пашам, продолжал Мехмет, – как вы сейчас, думал и я, невзирая на то, что целью всех моих устремлений всегда была слава. Теперь же, узнав, что вы порицаете мою любовь, я снова думаю о славе и хочу доказать вам, что властвую не только над всем миром, но и над самим собой». С этими словами он вытащил свой меч, хладнокровно схватил Ирену за ее длинные косы и одним махом отделил прекрасную голову от чарующего тела.

– Diable! c'est bien vrai, – воскликнул Офранвиль, когда Аврелия закончила свой рассказ, и вскочил, – mais¹²⁶. . .

– Никаких возражений! – ответила Аврелия и тоже поднялась. – Вы меня поймете, вы почувствуете, чего я должна остерегаться, если решусь связаться с вами.

– Аврелия, – пробормотал Офранвиль, – ты любишь каноника больше, чем меня, ведь ему ты обнажила часть своих прелестей.

– Офранвиль, я люблю тебя так же, как и каноника, поэтому покажу тебе другую часть моих прелестей, ту, которую до сего дня, кроме меня самой, еще никто не видел.

Тут она подвела Офранвиля к кровати, под которой, совершенно изничтоженный лежал я, попросила каноника отвернуться и подняла свои одежды до пояса.

– Ах, – воскликнул, изнемогая от восхищения, Офранвиль, вытащил саблю и приложил ее к таинственному входу страстей. – Черт! – пробормотал он. – Черт! Прекрасней всех ангелов, воплощенных во плоти, черт! Вы позволите?!

– Негодяй! – вскрикнула Аврелия, оттолкнула Офранвиля, и могучий герой оказался на полу в полуобмороке, как если бы при виде обнаженных прелестей Аврелии его хватил удар. Она же опустила платье, помогла ему встать на ноги и сказала: – Верганден! Офранвиль! Оставьте ваш спор до дня святой Марии Магдалины, а потом вы его разрешите в моем присутствии.

– Хорошо, – пробормотал Офранвиль, – и где?

– В крестовом ходе П-кого монастыря. . .

– Вы ангел, Аврелия, – воскликнул Верганден и поцеловал ей руку.

Офранвиль обнажил ей грудь и поцеловал ее в грудь.

Аврелия попросила одурманенных ее прелестями мужчин уйти, и те повиновались приказу своей повелительницы и удалились рука об руку.

Будто заколдованный, лежал я во время этой импозантной сцены под кроватью; я не мог пошевелиться и из-за агонизирующего желания был словно опьянен шампанским.

92 Едва странные любовники ушли, еще более странная мадмуазель де Саранж, исколотая шипами сдерживаемого вожделения, легла, задрав юбки, на кушетку, широко раздвинула ноги и собственноручно принялась доказывать себе преимущество всех земных наслаждений, да так неопровержимо, что кушетка начала раскачиваться, как в сочинениях Кребийона; весь этот неопишимо возбуждающий акт подействовал на меня настолько, что я, обезумев, рванул из своей норы и со спущенными штанами, словно метеорит, упал у обнаженных ног мадмуазель.

Громкий вскрик, мощная судорога, потрясшая ее чресла, бурный поток, хлынувший из раковины любви, и как затяжной ливень приходит на смену буре с грозами и молниями, так и меня накрыло оцепеняющее бессилие.

Глаза Аврелии были закрыты в упоении, мои уставились на ее изумительные прелести; я наслаждался, словно ягненок, пасущийся в цветущих долинах жизни и...

– О, прошу тебя, моя любовь! Откройся, – попросил Фредегунда.

Я повиновалась, плут разомкнул прелестные губы, обхватил ими жесткие волосы, украшающие мое чувствительное место, и, испив бальзама кипрейской богини, сказал:

– Вот так бы я щипал траву на волшебной поляне мадмуазель де Саранж, если бы оставались у меня силы поднять свое повергнутое тело...

Аврелия очнулась от сладкого забытья, уставилась на меня ласковым взором; потом поставила левую ногу на пол у алебастровой колонны, поднялась, от чего занавес небесного театра сразу же упал, и стремительно приблизилась ко мне:

– Comment, Drelesse!¹²⁷ – начала она сердито и подняла меня. – Qui veut-on dire avec cette masquerade?..¹²⁸ В мужском платье – под моей кроватью?.. – И не говоря больше ни слова, даже не дав мне опомниться, она схватила колокольчик и принялась звонить.

Клементина, ее камеристка, которую я знал, появилась в дверях.

– Смотри-ка! Клеманс! – воскликнула Аврелия. – Фредегунда сошла с ума.

С этими словами она взяла стул и велела Клементине меня на него уложить.

Клементина молча повиновалась. Ведьма схватила меня, словно охапку белья, и, прежде чем я успел сообразить, что произошло, я уже лежал с задранной рубашкой, как и был должен; Клементина держала меня крепко, будто я был петух, в последний раз прохрипевший «Gare a vous!»¹²⁹, а Аврелия так крепко прикладывала свою нежную руку к южным и северным полушариям моей сельской плоти, что я громко орал...

Во время этой экзекуции я дергался так резко, что мой пояс развязался, и красивые монеты рассыпались по ковру и скользкому полу.

– Что это, Фредегунда? – воскликнула Аврелия, увидев деньги. – Предательница! Ты сбежать хо-

тела... видишь, Клементина, это испытание моей доброты!.. Бесстыдница! Убежать она хотела... предать меня! Ах! ты заслужила порки! – И тут же был повторен акт наказания, да такой жестокий, что мои бедные ягодицы разгорелись, будто ковкое железо в кузнице Вулкана¹³⁰. – Клементина, продолжала Аврелия, – золотые заberi себе, а эту плутовку отведи в зеленую комнату и лупи ее розгами, пока она не сознается, что задумала...

94

Клементина подняла меня и потащила за собой.

– Где Евгения? – (это была племянница Аврелии), спросила та вслед.

– Она должна быть в ванной, – отвечала Клементина.

Аврелия приказала Клементине надеть на меня белое neglige Евгении, но прежде бросить в ванну*, как только Евгения ее покинет; а с покаянием можно и подождать.

Клементина приказала мне следовать за ней; я шел, придерживая руками спадавшие штаны – вот было зрелище!

Мы прошли длинный ряд комнат и остановились перед закрытой приемной.

Клементина постучала.

– Вы готовы, мадмуазель? – прокричала она, и звонкий голос ответил: «Сейчас иду»; тотчас же двери открылись, и нам навстречу выпорхнуло прелестное создание. Клементина засмеялась,

* Доказательством величайшей чистоты женщины перед мужчиной, говорит Агриппа из Неттесгейма, является то обстоятельство, что после невинной женщины вода в ванной никогда не будет грязной, мужчина же оставляет после себя в воде лишь нечистоты.

подмигнула и сказала, что я беглянка Фредегунда, которую она должна проводить в ванную, только что покинутую Евгенией. Евгения улыбнулась, раскрыла шаль, взглянула на свою белоснежную девственную грудь, будто желала заглянуть себе в сердце, и прошептала: «С дорогой тетей случаются чудесные озарения... она, нужно признать, единственная в своем роде». С этими словами она нас покинула, а я через две минуты лежал в чем мать родила в ванне, в той самой воде, что несколько мгновений назад обнимала нежное тело прекрасной Евгении.

Я плавал в море блаженства, и пока Клементина скребла меня драгоценным мылом, особенно долго задерживаясь на моих крепких ягодицах, я думал о девственной груди Евгении и покрывал ее тысячью поцелуев.

Вскоре стоял я, прекрасней лоредановского Адама¹³¹, перед моргавшей от удивления Клементиной.

Горячими губами Клементина поцеловала ту часть моего тела, которая теперь, после того, как ее лишили живости, не нуждалась даже и в фиговом листке, чтобы скрыть свою грешную, склонную к мятежам природу, натянула на меня нижнюю рубашку, оставленную Евгенией, и белое negligé, и повела в зеленую комнату.

Евгения и Аврелия были уже там; Евгения сидела на подоконнике, а Аврелия, раздетая, т.е. в рубашке и белоснежной мантилье с открытой грудью и обнаженными руками, стояла перед ней...

– Мне, – говорила Аврелия племяннице, пока мы с Клементиной, в ожидании распоряжений,

застыли посреди комнаты, – чуть ли не была уготована судьба Арривы*.

– Que vous me dites?¹³³ – спросила Евгения и так двусмысленно посмотрела на свою тетю, что теперь, после этого отличного «que vous me dites?» могло следовать лишь известное гамлетовское: «Ступай в монастырь»¹³⁴.

– Ah, je comprends!¹³⁵ – сказала Аврелия, забирая из рук прелестницы шитье, и велела ей встать.

96 Евгения встала, Аврелия подвела ее к окну и задрала ей до пояса юбки и исподнее – солнце, которое как раз было в зените, просвечивало через красные шелковые шторы...

Упоительный миг! На изумительное, еще никем не оскверненное тело легли красные отблески проникавшего в комнату сквозь шторы светила, ненавидящего покровы; и лишь лицо Аврелии – лик Мадонны – пока тетка раздвигала ее нежные чресла и рассматривала таинственное чудо лужайки природы, чудо, которое, казалось, хотело разглядеть и солнце, – оставалось белым словно лилия...

– Ah, ma Niece! Ma Chere!¹³⁶ – воскликнула Аврелия, наклонилась и поцеловала губы страсти, к благородному шепоту которых культурный человек относится с таким презрением. – Ah, ma Niece! Тебе я могу признаться во всем! Телесным зрением вижу я символ твоей душевной невинности не-

* Аррива, нимфа Дианы, настолько же красивая, насколько и скромная, была изнасилована лидийским царем Тмоллом в храме, у подножья алтаря. Не желая жить в позоре, она повесилась. Изображение того, как все это произошло, мы можем увидеть на одной из гравюр в *Mémoires de Saturnin*¹³² т. I. Аррива и Кунц фон дер Розен, не говоря уже о вольтеровой Доротее в мужских штанах, вряд ли бы заслужили снисхождения в Элизиуме.

порочным; и – ты понимаешь меня, ты целиком мною прониклась – от тебя мне нечего скрывать.

Евгения опустила платье, а Аврелия продолжала:

– Да, любовь моя. Сегодня я чуть не стала Арривой. Отец Ансельм был уже в исповедальне; мне ведь совершенно не в чем исповедоваться, верная системе, согласно которой *нравы без чувств* и мораль без чувственности не приводят к совершенству и не несут высшего смысла: я пожаловалась ему лишь на то, что до сегодняшнего дня немногие искушения преодолевала я *с усилием*; все давалось мне легко... «Неужели? – ответил отец Ансельм и посмотрел на меня с удивлением. – Юность! Красота! Темперамент! Здесь все сходится в единой точке; в точке наслаждения, и тем не менее...!! Подобная добродетель для меня загадка!.. Не могли бы вы, мадмуазель, повторить это признание вон там, перед алтарем великой грешницы Марии Магдалины, не стыдясь собственного тщеславия и гордости?...» – «Могу!» – был мой ответ... «Тогда пойдете», – сказал Ансельм; мы вышли из исповедальни и пошли к алтарю Марии Магдалины, который, как ты знаешь, стоит в углу. Не задумываясь о том, нужно ли мне подождать указаний Ансельма, я бросилась на ступени алтаря и произнесла: «Святейшая, самая кроткая из всех грешниц!» – Но не успели еще эти слова слететь с моих уст, как я почувствовала, что меня кто-то схватил, почувствовала, как кто-то задрал мне юбки, исподнее и раздвинул мои чресла. С моих губ не сорвалось ни звука – да и в церкви никого не было, но я вертелась как баядерка; никакой Геркулес не смог бы меня опозорить.

– Это сделал Ансельм – *немогущий?* – спросила Евгения.

– Боже милостивый! Нет, это был великолепный Ромуальд, наш каноник, который так приглянулся тебе на последнем маскараде.

– Тот самый?

– Тот самый! Он был лишь в рясе, без штанов. Своим прекрасным мускулистым животом он прижался к моему голому заду; его яростный член прорывался к моему лону, будто молния сквозь тучи, но... напрасно! Я так крепко зажала его в бедрах, так решительно, что он не смог освободиться от наваждения, доведшего его до безумия.

98

«Мадмуазель! Мадмуазель!» – ревел осатанелый. – «О Ансельм! дай мне кинжал! пронзи им грудь этого негодяя... Madelaine!.. Madelaine! Sainte Madelaine!¹³⁷ – причитала я. – Посмотри, что может выдержать женщина!..»

«Да, черт побери! – воскликнул Ромуальд, в то время как я все крепче и крепче сжимала бедра. – Отпусти меня! Потаскуха, какой нет подобных! *Победа за тобой...*»

Я разжала бедра, и в мгновение ока Ансельм опустил мои юбки, Ромуальд исчез...

Ансельм поцеловал мне руку и сказал: «Я отпускаю вам все грехи до самого вашего сорокалетия...»

«Не беспокойтесь, святой отец! – отвечала я. – Так долго жить я не намереваюсь. Без красоты не будет и искушения. В скором времени вы обо мне услышите».

С этими словами я его оставила и ушла оттуда в твердом намерении еще сегодня, как Кларисса¹³⁸, составить завещание, а завтра умереть...

– Тетя! – вскрикнула Евгения. – Умереть?

– Да! Офранвиль и Верганден – оба сумасшедшие. Я же не хочу, что называется, стать из-за них тоже безумной... лучше... умереть...

Мы восторженно внимали Аврелии; закончив, она посмотрела на нас и сказала:

– Подойди сюда, Фредегунда.

Я подошел, преклонил колени, приподнял ее мантилью и исподнее и поцеловал ее в левую коленку, пытаясь при этом отыскать взглядом темную долину любви. Клементина дернула меня вверх, и исподнее Аврелии, подобно покрывалу Исиды¹³⁹, накрыло меня с головой, не успел я опомниться, как губы мои уже касались лабиринта жизни; острые зубы мои зацеплялись за самые тонкие из нитей Ариадны.

99

Вот Ариадна, одна, с пенношумного берега Ди,
Неукротимый пожар не в силах сдерживать в сердце,
Смотрит, как в море Тесей с кораблями поспешно уходит;
Катулл и Филострат

– Ты, бесстыдница! – засмеялась Аврелия, отступила назад, и ее пленительные бедра оказались напротив лукавых глаз племянницы. – Что с тобой случилось? Признавайся, кто дал тебе мужское платье?

– Мужское платье! – воскликнул я и, отлично осознавая, что делаю, до пупка задрал свое платье... – Мужское платье?

Увидев перед собой мой отвердевший член, шалуни, все трое, громко закричали, словно увидели копьё Бегемота¹⁴⁰.

– Ma foi, – воскликнула Евгения, подошла ко мне и неожиданно уколола мой красный орган булавкой, да так, что я завопил. – Ma foi, c'est Janthe!¹⁴¹ Супруга Ифис...*

* Ианту, супругу Ифис, Исида превратила в прекрасного юношу.

– Воистину! – ответила Аврелия. – А вот груди Исида должна была ей оставить женские; посмотрим, что получится! Положите этого бессовестного гермафродита на стул. Ты, Клементина, держи его крепче, а ты, Евгения, залезь ему под одежду и ласкай там своей нежной рукой его соски...

Я притворился, будто хочу сбежать; но девицы быстрее молнии бросились на меня, положили меня на стул и оголили мне зад.

100

Господи, как я испугался, когда увидел Аврелию, стоящую передо мной с розгой, сплетенной из фортепьянных струн!

– Ах, милостивая госпожа! – завопил я; но Клементина с силой подняла мне руки, а Евгения залезла мне под одежду. – Ах, милостивая госпожа! пожалейте мой бедный зад!

Сам же я при этом был счастливей, нежели Эдуард III¹⁴³ в будуаре прекрасной графини Солсбери* тут я получил первый удар и заерзал туда-сюда.

– Вы ведь знаете, милостивые дамы, что... глупость в любовных делах так же непростительна... как... и... Ой! Ой! о mon doux Jesus!¹⁴³ как... – тут удары посыпались градом, – к... ак... как Noni soit qui mal у pense¹⁴⁴ по... ш... Jesus!.. лость... О, Jesus... Хи! Хи! Хи!

Я почувствовал, как полилась кровь – не королевская кровь, а моя, здоровая, алая кровь**

Я жалостливо кричал, что даже когда меня наказывали отец или мать, мне не было так больно;

* В 1350 году Эдуард III, после того как поднял с земли подвязку графини Солсбери, учредил знаменитый Орден Подвязки.

** Слишком сильно королевская кровь клокочет в жилах у тебя. – «Дон Карлос» Шиллера.

но все быстрее билось сердце в моей волнующейся груди; и чем сильнее ударяла Аврелия, тем отчетливее я ощущал как, трепеща, прикасались ко мне вместе с чудотворными руками девственные груди Евгении.

– Достаточно! Хватит! – вскрикнула вдруг Евгения и разорвала мою нагрудную косынку...

Аврелия остановилась и приказала Клементине меня перевернуть.

Как ураган набросились на меня, еретика любви, обе чертовки и раздвинули мне ноги. Аврелия вытащила перочинный ножик, схватила мой член и собиралась...

101

(Здесь я не могла не прервать фредегундиного рассказа, оголилась и хотела было удовлетворить себя пальцами, но хитрец нежно убрал мою руку, дал мне, чего я желала, а после продолжил):

Аврелия схватила, как я уже тебе сказал, мой член и собралась его отрезать. Но Евгения закричала:

– Bon Dieu! Que voulez-vous faire! L'aiguillon de l'abeille est un instrument, avec lequel elle cause de vives douleurs á plus d'une personne; pourtant c'est la faute de ceux, que en sont piqués, n'ayant tenu qu'à eux de l'éviter; mais qu'on désarme l'abeille en lui ôtant cet aiguillon, ce sera le moyen de ne plus retirer d'elle le moindre service¹⁴⁵.

Аврелия рассмеялась и сказала:

– Племянница! Ваш естественно-исторический комментарий пришелся весьма к месту, поэтому, – здесь она отбросила нож на кушетку, – я даже не хочу противопоставлять соловьев и кастратов вашим аргументам; оба только мешают, и к тому же мужское сопрано для меня так же невыносимо,

как и девушка без языка... или как настройщик рояля без настроечного молоточка.

Евгения смеялась. Клементина принесла eau de lavande¹⁴⁶ и протерла мой зад, а Аврелия приказала мне идти в свою комнату.

Клементина проводила меня до двери, задрала мне юбку, шлепнула меня по моим бедным обманутым ягодицам и сказала:

– Марш вперед!..

102 Я наугад хотел пойти направо.

– Куда? – закричала камеристка. – Куда?

Я рассмеялся ей в лицо, оттолкнул ее и побежал налево, до самого конца коридора, где была комната с открытыми дверьми.

Недолго думая я вошел в комнату, разделся и бросился, обуреваемый тысячами сладостных и болезненных ощущений, на мягкую кровать с шелковыми простынями.

Я не чувствовал ни голода, ни жажды. Передо мной висела большая картина, Юпитер и Леда, изображенные в сладостном единении¹⁴⁷. Я рассматривал эту картину так долго, пока, наконец, раскинутые юбки одной всем известной принцессы, изображенной в полный рост рядом с Юпитером – ее должны были раздеть грубые руки прислужника* – не упали мне на глаза.

Когда я проснулся, уже смеркалось. Вокруг царил мертвая тишина; вечерний ветер шумел в сонах и тополях сада так странно, что меня охватил ужас.

Я услышал, как где-то открылась дверь, услышал, что кто-то поет на немецком языке, который я немного знал:

* См. Шульца о Париже и парижанах.

Слетел на крышу голубок,
Его голубки вид привлек:
– Женою стань моей скорее,
Я поиграть хочу с тобой,
Лишь повернись ко мне спиной,
И скоро мир везде настанет!

И увидел, едва певица умолкла, входящую Евгению со свечой.

Она поставила свечу на рояль, стоявший на ножках в виде фаллосов, сымпровизировала небольшую каватину и принялась внимательно рассматривать мощные детородные органы. Над роялем висело изнасилование Фамари Амноном¹⁴⁸. Член Амнона, похожий на навой¹⁴⁹, проникал в затмевающее любые красоты лоно невинной Фамари...

Грудь Евгении волновалась; она положила перед собой нагрудную косынку, достала из-под рояля березовую розгу и, созерцая возбуждающую сцену, начала декламировать монолог Глостера¹⁵⁰ из шекспирова Короля Лира:

O villain, villain!
Abhorred villain!
Unnatural, detested
Brutish villain!
Worse then brutish
Abominable villain!

Она раскрыла свою розовую бабочку* и, обнаружив ее окропленной росой любви и сладострастия, в ярости, словно Венера – кадуцей¹⁵¹, схватила розгу, обнажила свой белоснежный зад и так ужасно сама себе его исполосовала, что тот вскоре стал пурпурным.

* Lithosia rosea.

Я задыхался, дрожал как осиновый лист, изводился в сладострастном безумии и не придумал ничего лучшего, чем *собственными* руками справиться с похотью плоти.

Евгения, закончив самобичевание, разделась, подошла со свечкой к кровати и откинула полог.

104 Я притворился, будто погружен в глубокий сон; шалунья потихоньку стащила с меня одеяло, задрала мне нижнюю рубашку и накрыла нежной рукой моего уснувшего амура.

– Ah, qu'il est beau¹⁵², – прошептала она и поцеловала меня в пупок. – Бедное дитя! Спи, мой прелестный ангел... ! скоро... я вновь увижу тебя исполином...

Здесь она погасила свечу и тихонько легла рядом со мной. Я чувствовал ее сладкое дыхание; я вдыхал восхитительный молочный аромат самого чистого из всех девственных тел, и сотни поцелуев покрывали мои глаза, щеки, грудь и прочие органы чувственных наслаждений. Дрожа, она взяла моего амура, и его природная мощь растаяла в ее нежной руке, словно снег у подножья Монблана¹⁵³ под горячими лучами весеннего солнца. Я повернулся к прекрасной Сафо¹⁵⁴, раскрыл ее нежные, гладкие как алебастр бедра, и мой указательный палец мягко и осторожно проник в ее недра.

Несколько минут – и блаженное невинное безумие объяло нас крыльями ночи; сладостное уничтожение облагородило нашу тайную жизнь.

Солнце играло на небесно-голубом пологее; я проснулся и хотел было поцелуем разбудить Евгению, когда вошла Клементина.

– Фредегунда, – зашептала она, – поторопись, тебя ждет мадамгазель.

Недолго думая, я прижался губами к спящей Евгении, а затем спустился с мягкого ложа.

Клементина набросила на меня нижнюю рубашку, мантилью и, взяв меня под руку, повела за собой.

Ведьма выглядела весьма соблазнительно. Ее короткая, развевавшаяся, словно английский адмиральский флаг, нижняя юбка едва прикрывала колени, небрежно накинутая на голые плечи шаль обнажала, как, казалось, ей и было велено, прекраснейшую грудь, ее ягодицы – апофеоз *Venus clunis*¹⁵⁵ – казались самыми мягкими, гладкими, трепещущими ягодицами из всех, что узрели свет дня, не выдавая скверных тайн.

105

В дверях Клементина вдруг отпустила меня и, громко вскрикнув, бросилась назад в комнату, к окну, распахнула шторы, поставила на стул ногу и быстро скинула с себя одежду, слово хотела поймать яркие лучи солнца в свою промежность.

– Ах! Фредегунда! ha! la coquine! Elle vaut une – pucellade!¹⁵⁶

Я поспешил к ней – и... что же это было? Блоха!.. Во имя женской красоты и чувственности мне пришлось переступить границу...

– Прекрасная Клементина, – прошептал я и провел рукой по ее прекрасной растительности, пышно произраставшей у отверстий наслаждения. – Мы проучим дерзкое существо... безнаказанно поведало оно тайны *Venus Nigra*¹⁵⁷ предательскому свету дня, и теперь его жало, только увеличенное в размерах – смотрите-ка! – тут я обнажил свое жало, и Клементина, молча облокотившись на спинку мягкого кресла, широко расставила бедра, – безжалостно, ради спасительного исцеления, должно заново открыть рану.

Яростно сопя, словно голодный кабан, распаленный прелестями, я так глубоко погрузил своего амура в любовный грот Клементины, что мы

вдвоем... потеряли сознание... и, остыв, вытерлись и оделись.

Евгения еще спала, и Клементина увлекла меня за собой.

106 Она ввела меня в круг служанок; завтрак, шоколад, пирог, печенье, бордо и остатки вчерашнего пиршества, от которого накануне отказалось моя утроба в пользу пресытившейся похотью души, – утоляли наш голод и жажду и побуждали шестое чувство, причем не моральное Мельцера¹⁵⁸, а эпикурейское – Лукреция^{159*}, к новым наслаждениям.

Все девушки были необузданно веселые... Одну за другой я раздевал их до пояса, но ни у одной не было таких красивых сокровенных прелестей, как у Клементины.

Проказницы уже сняли с меня одежду и с голым низом уложили на стол, как вдруг к воротам подкатила карета, и Клементина испуганно закричала:

– Ради Бога! Скорей! Скорей! Невеста приехала!..

С проказами было покончено; мы с Клементиной должны были идти к мадмуазель...

– Что ты наделала, Клементина? – воскликнула Аврелия с серьезным видом, едва та показалась в дверях...

– Прошу прощения, всеведущая! – упала ей в ноги Клементина; в то же самое мгновение прелестное существо, одетое в молочно-белый креп с развевающейся вуалью цвета морской волны, пролетело мимо меня по коридору и бросилось Аврелии на шею.

* Мейнеке¹⁶⁰ обрезал его на мусульманско-еврейский манер.

– Добро пожаловать, любовь моя, в последний день девичества! Венера или Диана? – спросила мадмуазель. – Приговор вынеси сама, Аврелия.

– Еще рано, Люцилия, – тут гостья запустила руку ей под юбку и провела по бедрам, еще рано, любовь моя! Сначала я должна эту гетеру, – (показывая на Клементину), – разрисовать по Хогарту¹⁶¹, чтоб она не была такой невежественной, как та парижанка, которая в раю случайно забыла, что значит... Мое и Твое...

107

– Простите, милостивая мадмуазель! – воскликнула, плача, малодушная Клементина и обняла колени Аврелии, – похоть безгранична!..

– *Laissez la faire – nous sommes des enfants*¹⁶², – попросила Люцилия.

– Именно поэтому, – ответила Аврелия и оголила Клементине зад, возвышенная периферия которого показалась теперь в ожидании своей участи, – боль установит границы... детей следует пороть с самого раннего возраста; позже судьба и любовь будут бить так жестоко и слепо, что тупоумие и глупость не смогут спасти жертву; напрасно такой великий поэт, как Виланд, находит и древних трагиков, и новые трагедии — среди них и нашу Клементину — прекрасными*.

Тут она закинула исподнее Клементины ей на спину, а Люцилия, воскликнула, восхищенная красотой земных полушарий:

– Нет!

Из богов никто, кроме Амура,
Вылепить такой зад не в силах!^{**164}

* «Клементина», переведенная с французского трагедия, которую Виланд считал красивой¹⁶³.

** Слова нашего Гёте; просто остроумный корректор заменил слово «зад» на слово «бокал».

Прекрасная! Прекрасная!..

– Нет! Нет! – выразительно произнесла Аврелия и принялась нежной рукой раскрашивать еще более нежную плоть изящных ягодиц... – Нет! Нет!

...то души младенцев невинных плачут в преддверье,
Бледная смерть которым завидует в жизни их нежной
От материнской груди могилой оторваны дети¹⁶⁵.

108

Поднимись, Клементина – своей похотью и неумной жадной наслаждения ты убиваешь душу, плод твоей плоти... Но не бойся, пока миллионы, ради ерунды, во имя тщеславия власть предержавших, проливают кровь на поле боя, плоды женщины будут загадкой плоти, а смерть плоти проклятием и наказанием.

– Люцилия! Люцилия! – продолжала Аврелия и, печально улыбнувшись, взяла Люцилию за руку, – есть ли более отвратительные убийцы, чем великие? Мир вершит суд над детоубийцей, ах, какая бессмыслица – тысячи тысяч умирают безвинными от рук своих братьев. Но терпение! Это не будет продолжаться вечно... Там, в Тартаре:

Те, что стали безвинно приговоренными к казни
Рядом держались и ожидали, какое им место
Выделят по приговору и праву; зорко следит
Минос за урной и лотом; он же души покойных
Строго к допросу зовет и расследует жизни виновных –
Все загадки живых отгаданы в мире загробном.

В ином мире будет нам дан ответ на загадку жизни, по ту сторону! Люцилия! Наш мир – жертвенный алтарь Господа, никакая совесть не будет прощена, никакая невинность не останется без вины; а победа зла – это порочность добра.

Храни себя от себя самой, от своих страстей,
от любви и от всемогущей силы совести, стань ни-
чтожеством перед лучами высшего благоразумия.
В Тартаре не очень хорошо живется, Люцилия! –
продолжала Аврелия с улыбкой, – послушай, что
далее пишет Бодмер:

Область явилась затем, обитали где в темных жилищах
Самоубийцы и недовольные жизнью, чьи души
Изгнаны были из тел. С нуждою и горем бороться
Как бы хотели они сейчас под небом высоким!
Но закон запрещает: к реке привязаны скорбной
К топи нечистой, Стиксу, что огибает долину,
Десятикратно смыкаясь. Невдалеке оттуда,
Глаз насколько хватает простерты, в стенаньях лежали
Скорби поля. Недаром зовут их именем «Горе».
Души несчастные там обитают в глубоких лощинах –
Их краткую жизнь подточила любовь,
что не знает пощады.

109

– Любовь, что не знает *пощады*? – переспроси-
ла Люцилия, – нет, такой любви я не знаю – такая
любовь называется ненависть. – Mais:

C'est un autre amour dont les vœux innocents
S'élèvent au dessus du commerce des sens.

*Corneille*¹⁶⁶.

Почему мы боимся такой любви?

Аврелия поцеловала Люцилию в губы, сняла
с нее нагрудную косынку, поцеловала ее в левую
грудь, а затем продолжала:

Миртовый лес возвышается там. Их вечно терзает
После смерти тоска. Обитают здесь Федра и Прокрида¹⁶⁷.
Здесь Эрифилы¹⁶⁸ страдает своею ужасною раной,
Сыном что нанесена. Эвадна¹⁶⁹ здесь, Пасифая¹⁷⁰,
Лаодамия¹⁷¹ с ними, Кеней¹⁷², как мужчина рожденный,
Девкою ставший и вновь по божественной воле мужчиной.
...и Дидона¹⁷³ сидонская...
Вечно блуждали там многие сотни в любви несчастливых.

Продекламировав все это с выражением и большим чувством, Аврелия протянула Клементине руку, ту самую, которая только что ее наказывала, и Клементина ее поцеловала... Люцилия Воланж села за рояль и принялась напевать, импровизируя:

Милый, поддержи и в радости, и в горе,
Душу ту, что с мрачной долей в ссоре.
У природы тайных прелестей в плену,
Предаюсь возвышенному сну.

110

Аврелия тихонько к ней подошла, наклонилась, запустила ей руку под одежду, задрала до пояса юбку, раздвинула ей ноги и, рассматривая самые сокровенные прелести, не обнаружила на выступающих, роскошных багровых губах сладострастия нежной наивной Воланж никакой Венеры, *стыдливо скрывающей* то, что можно скрыть, но обнаружила целомудренную Диану, естественно открывающую то, что природа предпочла не скрывать.

Люцилия раздвинула ноги еще шире и спросила, смеясь: «Ну, кто я?» и выдернула платье из рук Аврелии.

– Ты ангел! – воскликнула в восхищении Аврелия. – Диана! Открытая тайна природы! – и поцеловала ее в губы.

Люцилия засмеялась, отодвинула Аврелию и запела, и заиграла:

Ближе, мой любимый, к сладостному лону!
Сафо отдавалась так Фаону:
Над утесами Левкады слышен стон –
Радостный не будет сокрушен.

Ощути скорее белых бедер трепет!
Пусть сиянье их тебя не слепит:
Между ними высится Амура трон –
Это знает каждый, кто влюблен.

Юбку задери на выгнутую спину:
И Венере подойдет по чину
Спелый зад мой, посмотри – на нем видны
Знаки те, что ставит бог войны.

Боги, разрешите в радости и в горе
Жить и умереть в любовном споре.
Посвящу тебе девичества венец,
Пусть мне ненавистен твой конец!

Мы все смеялись, Аврелия подвела меня к Люцилии и раздела.

III

– А что ты думаешь об этом женском амуре? – шаловливо спросила она Люцилию и вложила мой член в ее нежные руки, кивком попросив Клементину оставить нас.

Люцилия покраснела и принялась так возбуждающе ласкать мой член, что он прорвался и пролил бальзам ей на линии жизни.

– На, *ma petite; que vous êtes belle!*¹⁷⁴ Настоящий Кеней, Аврелия, маленький балагур!..

– Пускай он тебя откроет... Попробуй! Твоему жениху еще останется...

– *Venez, mon enfant!*¹⁷⁵ – воскликнула Люцилия, подняла юбки и исподнее и легла, раздвинув ноги, на кушетку. Я, опьяненный видом прелестей, подобных которым я еще никогда не видел, сорвал с себя платье и бросился на нее будто Геркулес...
... Неудержимо проник я внутрь, боль причинял я семнадцатилетней Воланж¹⁷⁶; кровь, алая кровь текла на алтарь любви; но... *удовлетворения* я ей не смог доставить...

Вскоре я утомился и в измождении упал рядом с могучей воительницей на кушетку...

Аврелия сняла юбки, подоткнула за корсет исподнее; и не успел я упасть в забытьи, как она бросилась к Люцилии, и обе принялись так яростно пальцами играть друг с другом, что их бедра коле-

бались, словно пальмы в Мемфисе, словно волны океана, когда Борей¹⁷⁷ бросает их друг на друга...

– *Боль усиливает наслаждение*, – начала Аврелия, не отрываясь от работы, – а чувство неудовольствия преумножает вялость и досаду, вредит сладострастному уничтожению...

– Пускай во всем чувственном, что ты делаешь, – (здесь Люцилия так высоко подняла левое бедро, что взору открылся пылающий вход страстей; с грациозным благородством раздвинула и снова стиснула в пифийском исступлении бедра; так вдохновенно закатывала она блестящие глаза, так прекрасно вздымалась ее белоснежная грудь; и громкие вздохи так сладострастно вырывались из ее прелестных уст – что у меня аж потемнело в глазах и я... лишь слышал, что говорила Аврелия... ..), – дорогая Воланж, или что хочешь предпринять, во всем, что выпадет на твою долю, тебя сопровождает моральное достоинство, моральная грация... В удовлетворении чувственных порывов человек часто оказывается наравне с животными; его гордое самомнение нередко находит смешным и вредным то, что дала ему жизнь, и отодвигает от себя, таким образом, некоторые заботы и жестокие удары. Добродетели не нужны стыд, и застенчивость есть не что иное, как последний покров красоты.

Тут они одновременно кончили, Аврелия тихо вздохнула и продолжила:

– Власть красоты труднее преодолеть, чем силу добродетели... И все же обе они – *единое целое*; их обеих губит ядовитое дыхание зависти; и над обеими вершит суд неумолимая смерть...

Тут они как были, наполовину нагие, сели на кушетку:

– Существует красота женской души, ею следует наслаждаться лишь нравственно и лишь с

помощью платонических идей. Есть природная красота тела, которая сама призывает к наслаждению, но одновременно позволяет себе считать преступлением против благосклонной природы, если ее ценят меньше, нежели огонь или мускатный виноград. Конечно, это преступление! И красота души, и красота тела подвержены увяданию и смерти – так отчего же ими не наслаждаться, отчего же к ним не приобщиться?

113

Не любить, не наслаждаться – вот величайшее преступление против Бога и природы... но и невинность ума и сердца, и чистоту души и тела, и безоблачную жизнь, и благородное, радостное, простое бытие – все это может попортить, отравить и уничтожить дьявол (в том же можно обвинить и целую свору критиков и деспотов всех мастей, которые и знать не желают о том, что есть хорошо и что есть плохо), для него муки ада – не наказание...

Бывает, что власть животных страстей и чувственных порывов над человеком так велика, что никакое чувство совести не в состоянии предъявить на него права, тогда это животное начало в человеке извиняет весьма существенную *нехватку* умственных способностей; недостаток чувства и пронизательности – того, что дано культурному человеку, но в случае неправильного применения может превратить культурного человека в изощренного злодея...

Никто, любовь моя! не имеет права отобрать у меня то, чем наградили меня природа и ее Творец. Никто не имеет права предписывать мне законы, по которым другой индивид может ущемлять мою

естественную свободу воли – которые не продиктованы мне моралью и выставляют *любовь* пороком, – в этом меня не убедит ни один закон...

114 Судии сердца и чувств, деяний и жизни сойдут на землю, словно яростные бури и грозы, словно война и чума, чтобы наказать человека, чтобы окончательно их пробудить: однако никакой закон не заставит меня отказаться субъективно уважать *то*, что власть объективно может у меня отнять. „Кто ты такой, что смеешь судить себе подобного или другого, не выказывая ему высочайшей и чистейшей объективности того, что судит?“ Этот вопрос, милая Люцилия, простирается надо всем, что бесосновательно вменяется человеку в вину...

Нужно сказать, что самонадеянность людской природы вместе с воспитанием воздвигли жестокую преграду между человеком и человеком, и преграда эта – первое препятствие на пути к самопознанию...

Как низко пал человек! Зависть, гнев, мстительность, злоба, несправедливость, жестокость, бесправие, хитрость и обман проникли в сокровеннейшие святыни его души, претворились в дела и отпечатались неприятными чертами у него на лице... Лафатер в физиогномике¹⁷⁸ описывал только пристойный материал; настоящую же таблицу образцов из сатанинской фабрики можно увидеть на каждом *Val rare*¹⁷⁹ или за игровым столом, и даже во время полового акта, в момент высочайшего наслаждения, в облике человека прорывается наружу губительный демон *a la Justine*¹⁸⁰...

Как же тогда человеку избежать порчи человека? Как бы низко человек ни пал, он способен возвыситься: чарами воображения; познанием видимого и невидимого Бога в природе и в человеке; добродетелью, справедливостью и долгом.

И как же радостно зовет тогда к наслаждению не плотское чувство, но чистая душа естественного человека. Все в нас погружается в благоговейное раздумье, звучат простые, исполненные гармонии перезвоны колоколов – торжественное пение, возвышенные и священные тайны настраивают сердце на мысли о лучшем из миров... Вергилианское бляение¹⁸¹ радостных стад, звон цикад, поднимающиеся к небесам песни жаворонка, атмосфера, в которой яркими цветами играют огненные лучи дневного светила и мягкий свет Селены¹⁸², безмолвно идущей меж духами ночи, о Люцилия, все это – природа и искусство – творения Бога и человека – наслаждение и боль, мощный торс немецкого Геркулеса и розовая эмаль французской Психеи – все это вытянет падшего человека, погрязшего в *низменных* страстях и удовольствиях, из ставшей ему привычной, привитой ему воспитанием трясины дурных привычек, возвысит его, и свободно отбросит он животное начало, *свободно* посмотрит в сияющее око мира и нежное око любимой женщины – все это возвысит его до блаженства и радостного восхищения.

Однако и тот человек, и мы должны так чувствовать и так наслаждаться, чтобы не забывать о жалком состоянии тысяч и еще тысяч, у которых для возвышения нету ни ума, ни чувств.

И средства, какими этого можно достичь, не зависят от общего мнения; без ответов остаются некоторые вопросы... Должны ли мы, придерживаясь строгой дисциплины моральных требований, наказывать и военных, делать их восприимчивыми к ценностям, которые они не признают?

– Ради бога и всех святых – нет! – воскликнула Люцилия. – Ты – жрица природы, наделенная одновременно красотой Евфросины и прелестями

св. Женевьевы¹⁸³, кто же в Париже, Шантийи или Саранже потерпит тебя под твоими покровами догматизма?

116

– Ты права! – продолжала Аврелия, – меня способен принять лишь мир, избавленный от бессмыслицы, от деспотизма. Как и прежде, мы обязаны побеждать, образовывать и наставлять с помощью нашей *красоты*. Сила красоты одна может одолеть женское тщеславие; возвышенные, задушевные моменты любви восторжествуют над мужской тиранией законов. Когда же любовь снисходит на жестокий мир зверочеловеков, словно плодородный дождь на пустынные склоны – тогда женщина показывает, на что способна! Корде и Агриппина¹⁸⁴, Дидона и Елизавета Ангулемская – они *одно*; они едины в осознании своей вечной карающей женственности.

Из твердого мрамора изваял Пракситель книдскую богиню¹⁸⁵, коринфские и дорические колонны благороднейшим образом несут на себе огромную нагрузку... Будь они из древесины, как бы противостояли они червям дурной совести и потокам превратных судеб и страданий? Поэтому в железный век и красота остается железной, неотразимо пронзает она сердца и почки, чувства и мысли...

Однако примирительно откроется наше сердце и чрево, если косое око приличий и презренная политика себялюбия, если подстрекаемые властью страсти начнут творить беззаконие, станут толкать несчастных на край бездны отчаяния.

Да, Люцилия! Раздевайся-ка!.. Фредегунда, помоги нам, травяная ванна должна привести нас в чувство. Добро и зло, законное и незаконное зачастую перепутаны настолько, что они меняются ролями и приносят ужасные несчастья...

Я стянул с Люцилии шелковые чулки... Ах, Моника, какой она была соблазнительной.

– И еще никогда, – продолжала Аврелия, – не жил на этой земле ни один человек, который мог бы сказать: я ничего не разрушил, не препятствовал добрым делам, никогда оплачивал злом за добро, не обращал добро во зло!..

Поэтому, дорогая Люцилия! я привыкла ко всему относиться по-философски, и сегодня я хочу вам показать, как я могу *любить* и как могу *ненавидеть*. Пойдемте!

117

Аврелия уже стояла передо мной нагая; Люцилия приспустила юбку; дрожащими руками снял я этот последний покров стыдливости с алебастрового тела.

Прелестные гетеры обняли друг друга, и Аврелия знаком приказала мне следовать за ними, мы шли через многочисленные комнаты в ванную.

– Повсюду торжествует физико-половое, нигде или редко – божественно-разумное, и это вменяется в вину свободному человеку. *Materia genetrix* является и *Materia peccans*¹⁸⁶, поэтому не имеет смысла даже и думать о равновесии природы и религии, свободы и необходимости до тех пор, пока в здравомыслящем человеке животная душа торжествует над божественной душой, а законы делают из него разумную машину.

Мы пришли в купальный павильон; Аврелия запрыгнула в мраморную ванну и увлекла за собой медлительную Люцилию; мне намекнули, что я могу слушать *либо* их, *либо* птиц в саду. Я встал возле высокого окна и повернулся лицом к двум

самым прекрасным грациям из всех, которых я когда-либо видел!

Аврелия продолжала:

– Во всем, что природа – из своей морали – дает познать нашей чувствительности, она выказывает себя простой и единой, сведенной в один элемент. Но в существе свободно действующего человека эта простота субстанции теряется; душа – самое простейшее из всех явлений – в каждой части тела является не тем, чем она была бы без него.

118

Природа рассеивается во всех своих бесконечных созданиях, устремляется от единства к простоте и соединяется лишь генетически в своем содержании; человек же соединяется и связывается физически и морально в однородности и усложненности своего опыта и знаний. Хотя это не значит, что не существует *простых* людей, характеров и существ, обладающих свойством смешиваться с другими, оставаясь при этом самостоятельными, могущих отдаваться другим всецело, не утрачивая при этом оригинальности. Эта способность, которая есть проводник на пути от духа к людям, и какую, в частном и общем, не обладает ни неорганическая, ни животная природа... может быть привита людям с помощью искусства.

Это замечательное искусство, посредством которого человек, словно Бог, сможет управлять природой и самовольно разрушать ее крепкие преграды, посредством которого он сможет связывать воедино различное, должно нас учить тому: „*Чем с помощью человеческого гения мы можем быть, коли того захотим*“^{*}, пока остальным созданиям требуется сперва всемогущество создателя для того, чтобы себя преодолеть.

* Мюнхгаузен таким способом даже вернул себе залетевший на Луну топор.

Но напрасно мы протягиваем руки людям; люди действуют без рук; нужда пожирает одну половину; порок жадно заглатывает другую половину этих двуногих существ на четырех ногах; и нам ничего не остается, как называть их обезьяньей породой. Хотя человек и возвысился над животными за счет своего разума, но нрав и свою самостоятельность он все еще должен искать *среди* них...

И поэтому, дорогая Люцилия! и *мы* стоим на *том* месте, на котором нас охотно видят мужчины. Доставим же им эту маленькую радость!.. Их власть – на земле, мы же облетаем небесные пространства, а на земле вместо нас остается, несмотря на воодушевление, инертное существо...

119

Поди сюда, Фредегунда, разденься и начни очищать наши тела, – закончила свою тираду Аврелия, и я повиновался. Вооруженный благоухающим мылом и полотенцами я прыгнул к ним в чуть теплую ванну, подготовленную по рецепту Хуфеланда¹⁸⁷, и так рьяно принялся тереть роскошный низ Аврелии, особенно ее выпуклости и ложбинки, что не успел я и моргнуть, как она открыла розовые уста и велела мне попытать счастья с Люцилией. Я повиновался, Аврелия поцеловала Люцилию в грудь и приказала той лечь на спину и пошире раздвинуть ноги. Люцилия легла, а я принялся тереть ее между двумя самыми прекрасными точками жизни, между девственно-тугой розой и прелестнейшим отверстием выпуклого зада, с таким решительным благоразумием, с такой бережностью и знанием дела, что нежная невеста, когда я завершил работу, отблагодарила меня поцелуем. Во время этих искусных манипуляций и месмеристских растирок¹⁸⁸, Аврелия говорила вот что:

– Если тебе хотя бы раз, Люцилия, представилась возможность рассмотреть свою кожу под увеличительным стеклом, то тогда ты без труда смогла бы заметить сходство между устройством человеческого тела и строением мироздания. Вечная неподвижная масса звезд – это мозг вселенной, оттуда нисходят в дух человека все знания и вся мудрость о силе и чувствительности органов. Огонь и кровь – один и тот же флюид. Глядя на созвездие Скорпиона, я думаю о могуществе Господа, о созидаемом принципе; глядя на созвездие Девы – о власти женщин, а Сатурн – есть открытая тайна зачатия. Все, что человек в малом, то мир – в великом, все части образуют единое целое.

Соединения и связи химических и механических импульсов снаружи и внутри животного-человеческого тела вместе с переизбытком хилуса приводят к такому накоплению сладострастных ощущений, что под их влиянием мы, вместе с одеждой, отбрасываем доводы разума, строгость и добродетель приличных манер и стыдливость, и кладем их перед собой, обрекая на сладостное бездействие. Небо и Земля пребывают в движении; а величие и сила творения подобна празднику, пред которым в восторженном благоговении преклоняются чувства и разум...

Однако, дорогая Люцилия! наслаждаться подобной палигинезией¹⁸⁹ творения и удовлетворять такое сладострастие может лишь здоровая душа, свободная совесть, но никак не земные тела, какими тела наши, очевидно, уже стали и будут оставаться в результате перманентных революций. В неорганическом мире властвуют природные химические реакции, и чем дальше культура отдалется от мира *физического*, чем больше становится понятной чувственному человеку, тем больших благ наслаждения мы лишаемся, а им на смену

приходит наше высокомерие.

Геркулесы исчезли тогда, когда в моду вошли парики с косичками, а чудовищные заросли локонов времен прекрасной Лавальер¹⁹⁰ – настоящая сатира на наших лысых воздыхателей.

Когда Моника, рассказывавшая собравшимся вокруг нее сестрам свою историю, дошла до этого места, двери локутории распахнулись, и всегда стремительная сестра-привратница вручила Монике толстый-претолстый конверт, заметив, что его доставил гонец.

121

Было время полуденной трапезы, и монахини перешли в рефекториум, и Моника пообещала за десертом почитать вслух, что подруга, бывшая камеристка ее матери, Линхен, ей написала.

После латинской застольной молитвы, которую сначала прочитала настоятельница, а затем и все монахини, настоятельница заметила, что некоторые сестры все еще не в должной мере овладели латинским языком, языком церкви, языком чистейшем, не шипящем и не гнусавящем.

Немец – шипит; француз – гнусавит, – продолжала она, – француз даже не сможет произнести слово поп¹⁹¹, если зажмет нос.

– Достопочтенная мать! – перебила ее Моника. – Позвольте мне спросить: откуда берет свое начало немецкое слово монашка, Nonne?

– Я расскажу тебе об этом все, что я знаю, милое мое дитя, – отвечала настоятельница...

Первый женский монастырь был построен и учрежден св. Бенедиктой¹⁹², благородной испанкой, по правилам св. Фруктуоза¹⁹³, в месте под названием Ноне; и в самое короткое время в него пришли восемьдесят набожных девственниц...

– Можно даже подумать, – открыла свои краси-

вые уста Анунчиата, – что монашки по-немецки называются так потому, что числом девять, Neun, завершается совершенство, а дальше следует нуль – могила – царство вечной жизни, в которое приведет нас Вечный, Единый – Христос.

– Воистину! Ты мыслишь по-христиански, дорогая сестра! Должна тебе признаться, что мне со всем моим знанием духовных предметов такая мысль даже и в голову не пришла.

122

– Ах, – вмешалась одна монашка, – французские шельмы скоро нас всех разгонят.

– Нас – никогда! – возразила с улыбкой аббатиса, – ни Симон маг, ни старый Мерлин, ни Мерлин из Тьонвиля¹⁹⁴ никогда не осмелятся к нам притронуться...

О пользе монастырей давно известно; даже протестанты это понимают.

Каждый знает, говорит Гиппель¹⁹⁵, насколько важно заблаговременное образование разума и сердца нежных девиц. Возвышающие душу христианки, благочестивые супруги, благоразумные матери семейств вносят немалый вклад в счастье супружества, в мир и спокойствие семьи, в надлежащее воспитание детей, а значит и в благосостояние целых государств; порядочных и добродетельных женщин рвением и терпением воспитывают визитантки¹⁹⁶, их растят в святых обителях и достопочтенных конгрегациях нашей основательницы, в питомниках урсулинок и институтах св. Девы Марии, и, образованные там, держат они мир в своих руках...

Другим нашим сестрам, из других монастырей, посвященным в культ Девы Марии, выпал лучший удел, а именно: чистая, занятая молитвенным раздумьем жизнь, они сидят у ног нашего Господа Бога и внимают его священному слову, то

есть упражняются в молитве и созерцании, в священнопении и других блаженных делах, и они уже на земле обрели лучший из миров. И даже если бы церковь не приносила им пользы, они бы все равно были ее украшением, а их молитвы – это молитвы и за тех, кто не молится, кто живет как скотина.

Девственные, живущие в Господе души, они словно прекрасные жемчужины и алые рубины в украшении Христовой невесты. *Collum tuum sicut monilia*¹⁹⁷ – говорится в Песне песней. – Но не дадим нашей трапезе остынуть...

123

Когда к столу принесли фрукты и пироги, Моника достала полученное письмо и прочитала вот что:

Дорогая Моника!

Господь сильно наказал меня, но мне же во благо; и сейчас я не ищу от жизни ничего другого, как жить ради Господа и на пользу моего супруга.

Брат Элегий, который однажды так сильно тебя выпорол, сказал мне, что ты ушла в монастырь и зовешься Моникой. Я рада, что ты оставила этот дурной и злой мир, здорова душой и телом, потому что если человек болен, то нигде ему не будет покоя. Лишь почаще давай себя бичевать, сверху и снизу, это, как говорит Сирах, пойдет на пользу твоему здоровью... – (Монахини одобрительно захихикали.) – Я сделалась баронессой, но мой муж не какой-нибудь мучитель крепостных – он само добросердечие... Когда мы праздновали свадьбу, он сказал собравшимся подданным: «Знаете ли вы, что такое человек, и каким он должен быть?» – «О да, милостивый господин! Человек зол, а должен быть добрым». – «Да нет же, – отвечал мой супруг, –

человеку больше не по пути с природой, он должен думать о хороших манерах. Человек – негодяй, а должен быть аристократом...» После этого мой муж обнажился перед крестьянами и крестьянками до пояса и велел двум прислужницам бичевать его до тех пор, пока не потечет кровь... Крестьяне застыли как вкопанные и даже не знали, что и сказать, а девушки закрыли ладонями лица и плакали... .. А потом пришла и моя очередь.

124

«Сердце человека бесполезно... и, – здесь я должна была лечь поперек каменного стола, и муж обнажил мой низ, – чувства человека, – сказал он и ударил меня розгами, – тоже ничего не стоят... Поэтому... Кто не любит, тот не бьет... Бей и люби!..»

С того дня в каждый трехдневный пост две красавицы бичуют его до крови, а мой зад каждый трехдневный пост исполосовывают два крестьянских молодца... Ах, Моника, как это хорошо! Лучше розги, чем боль и унижение низменных страстей. Две мои девушки-прислужницы так приручены, что, когда я того пожелаю, они ложатся мне на колени и расплачиваются со мной за супруга... Боль наслаждения горше, чем наслаждение болью, в душе святых и мучеников, должно быть, что-то переворачивается, что позволяет им стойко выносить такие жестокие пытки...

Но, дорогая Моника!.. Я должна поведать тебе свою историю с самого начала, с того места, как твоя мать разлучила нас в Тешене... Ты узнаешь, что она пропала, и мне нечего тебе о ней сообщить, но тем больше я смогу рассказать о себе.

Твоя тетка велела выделить мне комнату, и я как раз стояла перед зеркалом и расшнуровывала корсет, когда вошел брат Гервасий.

– Я ухожу к своим братьям, к иезуитам, – на-

чал он и покосился на мою грудь, которую я пыталась прикрыть от его похотливого взгляда... – Не желаете ли и вы, Линхен, посмотреть на чудесные церкви?

– Я бы с удовольствием, – был мой ответ, – но вы же видите, отец, я еще в дорожном платье.

– О, вы выглядите прекрасно, словно мадонна, мое дитя! – отвечал на это Гервасий, – легкий ветерок сдует по пути дорожную пыль, которая легла на складки этой юбки и на этот белоснежный корсет, а то тут, как я погляжу, даже и щетки-то нету... Пойдем! – он схватил меня за руку, и я машинально последовала за ним, но не без ужасных предчувствий...

125

Мы проходили мимо известного монастыря ***; у ворот стоял святой отец, он поприветствовал нас... В его глазах было что-то такое приветливое и доверительное, что неотразимо притягивало и составляло странный контраст с напряженным и боязливым взглядом Гервасия.

– Ай, ай! Ты куда, дорогой мой брат во Христе? – крикнул ему старый монах, когда мы уже были в нескольких шагах от него, готовые войти.

– Храни тебя Господь, отец Сильверий! – ответил Гервасий, подводя меня к старику. – Я хочу навестить своих братьев и показать этой женщине их чудесную церковь.

– А вам я уже стал таким чужим, что со мной вы даже не желаете пропустить и стаканчик вина? Раньше, коли позволите мне вам об этом напомнить, вы с удовольствием со мной выпивали.

Гервасий рассмеялся, пожал старику руку и сказал:

– Это называется *admonere amicum alicui rei*, быть другом другу, пока позволяет совесть... не правда ли, мадмуазель... нет в мире ничего со-

вестливей, чем стаканчик вина!

Я рассмеялась и заметила старику, что не знаю о таком и не научена оценивать дружбу или любовь стаканами вина или вообще материальными предметами, и господин Гервасий, как мне кажется, мог бы истолковать такое высказывание неоднозначно...

Они засмеялись, Гервасий взял меня за руку и сказал:

126 – Нет, дорогая Линхен! Для меня это серьезно, пойдете с нами, и вы увидите, на что мы еще способны.

Я не решалась.

– Ах, вы же не боитесь моего алтаря, дитя мое! – сказал отец Сильверий, схватил меня за руку и потащил за собой. – Мы пойдём к нашему брату плотнику. Пара стаканчиков старого венгерского вина, и вы будете благодарить Господа за его дары...

Отец Сильверий действительно привел нас в мастерскую плотника, который был занят тем, что красил гроб...

– Rex trementis majestatis¹⁰⁸, ты вступаешь в наши стены, – воскликнул отец Сильверий, – прими то, что готово умереть, и пощади того, кто любит жизнь, и пусть за вином обнаружится предатель. – Наливай, Бернхард! – попросил он плотника, и тот доверху налил красного вина в три стакана и протянул их нам...

Я не хотела пить, но старик взял стакан и протянул его мне с таким взглядом... что я не могла ему отказать.

Мы выпили все залпом. Но не успела я и допить... как... уже не понимала со мной происходит... густая пелена опустилась мне на глаза, я упала на колени и еле смогла ухватиться за

гроб...

Я услышала, как плотник сказал: «Она мертва – живой труп», и почувствовала, что двое других подняли меня и уложили в гроб.

– Долой! Дитя вожделений и порока, – прокричал мне в ухо Гервасий... – *Ты – живой труп!*

Все это я слышала как бы издалека; но мои ощущения были живы, потому как я почувствовала, что мне задрали юбку и исподнее и мой зад оголился, чувствовала, как проваливаюсь в сон, и как холодный сырой воздух ложится на мою обнаженную плоть.

Большого я не знаю... Я потеряла сознание, но лишь для того, чтобы во сне снова стать *живым трупом*.

Мне приснилось, будто я выступаю в мюнхенском театре – я знаю этот театр, потому что видела там несколько представлений, а с парой красивых актеров из него даже забавлялась в своих фантазиях – в роли мессинской невесты¹⁹⁹, вместе с доном Цезарем и доном Мануилом на сцене... Сцена представляла подземную темницу... Дон Цезарь и дон Мануил были доминиканскими монахами, а я была одета как цистерианка²⁰⁰. Мой капюшон был откинут, а грудь совершенно обнажена...

Дон Цезарь отвел меня на просцениум; я видела весь театр, доверху заполненный зрителями. Продекламировал:

Наглая сука, давай!
Новые прелести тебе показать придется
И о власти рока рассказать небылицу –
Человечность розгой в тело твое вобью.*

Дон Мануил взял меня на руки, а дон Цезарь

* Так Юнона у Гомера обращается к Артемиде.

безо всякого стыда раздел меня перед всем честным народом, раздвинул мне ноги и с силой отобрал у меня то, что даже твой отец, дорогая Моника, благородно не тронул...

Я чувствовала его член в своем чреве, чувствовала, как моя девственная кровь течет по ляжкам, чувствовала – стоит ли отрицать? – невыразимое блаженство.

128 Если ты думаешь, что во время этого блаженства я проснулась, ты ошибаешься.

После того, как дон Цезарь вынул из моего влагалища свой член, который был даже тверже и толще, чем прежде... дон Мануил опустил мое платье, а зрители рьяно заплодировали, дон Цезарь схватил меня и произнес:

Шлюха, давай!
Избавь от оков нас
Презренного тела
И раскрой тюрьму наших душ.

Потом я стояла вместе с ними перед высокими железными воротами... Дон Цезарь поднял мои юбки и исподнее и держал их в руке вместе с громадным замком от чугунных ворот, он... велел мне встать на четвереньки и оттопырить зад, а дон Мануил принялся жестоко сечь меня березовой розгой, и я почувствовала, что моя кровь потекла во второй раз, причем сильнее даже, чем у святого Януария²⁰¹. ...Я кричала, а зрители декламировали а гага, сначала справа:

С одной стороны дешево, с другой – наоборот.
По миру шатается проклятый род –
Сестру брат грабит без чести.

Потом слева:

С одной стороны дешево, с другой – наоборот.
Один был слугою, другой глядел в рот,
Не всегда хозяин на месте.

С последней строчкой занавес упал; загрохотали и открылись створки железных ворот; и я стала засыпать во сне с мыслями из Сираха²⁰²: «Публичное наказание лучше, чем тайная любовь», а над мной звучало: «по Воскрешении вы не сможете ни свататься, ни быть сосватанными».

129

Но я не могла заснуть во сне! Я будто бы очнулась в гробу; с распятием в руке я поднялась и увидела себя в храме Диа-На-Сор²⁰³. Государство должен был он презирать; он считал его мыслящей машиной, заведенной, разросшейся, набрасывающейся тут и там, никакого уважения к Я, повсюду власть *обыденности*... и... *скотское*, счастливый...*

Дорогая Мальхен! Вчера я неожиданно была вынуждена прервать свое письмо с описаниями

* Anima humana non est immortalis per suam essentiam. – Anima humana est sua natura immortalis. – Anima etiam separata a corpore cogitare potest. – Nulla vis creata existere potest, quo minus mens existat, mens existere sine essentialibus nequit: at inter essentialia animae est vis confuse aequae ac distincte cogitandi, ergo fieri nequit, ut hac vi mens nostra per vires hujus universi destitatur. – Sic canis, si ei flagellum ostendas, qui semel aut iterum vapulavit, mox fuga et calmore prodit denuo in se reproductas esse longam absentiam tandem domim redeunzem cernit, variis laetitiae signis resuscitatis in se pristinorum beneficiorum ideas conscientiasque palam facit etc. etc. etc. Bruta ergo facultate cogitandi praedita sunt — — etc. etc. etc. etc.²⁰⁴

важных решений и поучений моего доброго Жерома... Подумай только! Твоя мать, Луиза, графиня фон Х. у меня в гостях!..

Графиня фон Х.?

Да! Да!.. Граф фон Х. самым оригинальным способом на свете познакомился с ней в купальнях Бадена в Швейцарии... Прежде, однако, ты должна узнать, что твой отец и Бовуа закололи друг друга. Они оба должны были трагически погибнуть, Бовуа – оттого, что из набожного христианина он превратился в жалкого еврея, а твой отец потому, что истинное, справедливое и четверокопый корень Шопенгауэра²⁰⁵ для него значили больше, чем доброта и красота твоей матери...

130

«В век фантазии человек живет без царя в голове», имел обыкновение повторять граф фон Х., когда речь заходила о каком-нибудь безрассудстве, которое совершает человек. Он считал всех людей в определенной степени фантазерами, а бремя, которое они несут, вдвойне тяжелым, а значит и любовь к ним вдвойне обязывающей... ..То, о чем я пишу вкратце, твоя мать расскажет тебе потом сама: граф как-то раз испытывал жеребца соловой масти, граф был высокого роста и поэтому прямо с земли запрыгнул на крепкую, словно железо, спину великолепного зверя... Все заплодировали... Луиза подошла к нему, ее красота и элегантное купальное платье притягивали взоры, и прямо в лицо заявила графу, что она-де на его сивого так может вскочить, как даже Пентесилея с Тамирис* не умели... И она сдержала слово; как только граф спрыгнул с лошади, она подняла платье до самого пояса и с такой быстротой, раскинув

* Пентесилея была дочерью Марса и царицей амазонок; она убила Ахилла, а Тамирис, скифская царица, убила Кира.

ноги прыгнула сзади и оседлала необъезженного зверя, что даже Чиарини²⁰⁶ не смог бы этого достойно изобразить...

С этого времени граф фон Х. стал ее обожателем, а когда, наконец, вместе с «Леонтиной» Коцебу²⁰⁷ пришло известие о том, что луизин супруг вместе с Бовуа собственноручно лишили себя жизни, то граф заинтересовал Луизу еще больше.

Между тем, домашний врач прописал графу поменять купальни Бадена на купальни Пьемонта, и граф, который, с тех пор, как переболел в детстве оспой и лишил девственности камеристку, ни о болезни, ни о здоровье ничего толкового сказать не мог, слепо последовал совету врача.

Твоя мать поехала с ним, и в Пьемонте для нее открылось новое поле боя. Ты, конечно, знаешь про неодолимую прелесть своей матери, дорогая Моника! Но ты будешь изумлена, что ее вид... Достаточно! Весь Пьемонт, иностранцы и местные жители были бешено, без памяти в нее влюблены. Когда она появлялась на променаде и приподнимала свое легкое платье так, что показывались восхитительные икры, а иногда даже и подвязка, порой – голая коленка, а то и белоснежная нижняя рубашка, то все вокруг замирало в сладостном восторге, и никто и не думал о своей болезни...

Четыре студента даже поклялись друг перед другом жизнью, – или овладеть ею и насладиться, или умереть... и божественный промысел, казалось, благоприятствовал их гнусному намерению.

Графа фон Х., закоренелого холостяка сорока девяти годов, неожиданно хватил удар, тогда-то он и вспомнил обо всех грехах своей молодости; он завещал Луизе владение Фламмерсбах, тридцать тысяч гульденов годового содержания, обвенчался с ней и испустил дух в ее объятиях, не дожидая-

ясь, пока второй удар напомнит ему о смерти...

Луиза тяжело перенесла смерть графа, ты же знаешь ее равнодушное сердце – ей опротивел и Пьемонт, и пресмыкающиеся перед ней любовники...

Она собралась, тайно покинула Пьемонт и направилась к своим поместьям...

132 На полдороги к ее владениям как раз начинаются мои поместья. Березовая рощица с романтическими полянками, окруженная гесснеровскими²⁰⁸ буками, отделяет владение Лебенциль от городка ***.

Четыре студента, про которых я тебе написала, и в каждом преобладал свой телесный сок, преследовали ее станция за станцией... Я рассказываю тебе, что она мне рассказала, и как получилось, что я застала ее вместе с этими студентами...

Паулини, медик из Иены, Хильдебрант, теолог из Марбурга, Бек²⁰⁹, юрист из Геттингена и Будеус²¹⁰, философ из Галле, заключили этот союз.*

У Паулини при себе был пистолет, у Бека – шпага, у Хильдебранта – казацкая сабля, а у Будеуса – труба.

Еще с ними был слуга, гасконский портной, которого они окрестили Jean de Paris, он был отличным скрипачом и такие пьески и пьесы наигры-

* Паулини, автор книги «Целебные грязи» достаточно известен.²¹¹

Хильдебранд – Григорий VII²¹² – «Адский пламень» забыть невозможно.

Бек написал: de eo quod justum est circa stuprum? о беременностях девственниц и вдов, Нюрнберг, изд-во Лохнера, 1741. О беременностях женщин он ничего не знает – но довольно увлекательны такие пассажи: «Миранда хвалилась своими прелестями, задрав юбку».

Budeaus, elementa philosophiae practicae. 8. Halle 1719, весь тираж раскуплен.

вал!.. А теперь представь себе, дорогая Мальхен! как эта безумная процессия проезжала по нашей почтенной Германии.

С Луизой был только камердинер графа. Кучер был нанятый и к тому же старый забулдыга...

В тот день, когда судьбой мне было написано встретиться с твоей матерью, дорогая Моника, со мной что-то творилось, я сама не понимала что. Но только не могла я оставаться дома... Мой супруг уехал по делам; и я помчалась в поля и долины, через клевер и коноплю... и как только добралась я до березовой рощицы, моя душа успокоилась.

И здесь, представь себе, что я там увидела...

Я еще не дошла до рощицы, как мне навстречу бросилась крестьянка, от ужаса потерявшая дар речи. Она вцепилась в меня и, задыхаясь, еле слышно прошептала:

– Ради бога... по...мо...гите... пойдете... помогите... милостивой гра...фине... *четверо* – четверо – на ней...

И так сильно потянула меня в кусты, что мое платье зацеплялось за ветки, а колючки впивались через чулки мне в ноги...

Еще несколько шагов, и мы оказались на одной из самых прелестных полян в моей округе, красотой она была подобна поляне, на которой блаженствуют окрыленные души Платона, к которым мне, увы! нельзя причислить своих петухов и гусей...

Боже милостивый, что я увидела – я хочу тебе описать все так, как мне объяснила твоя мать...

Прямо посреди поляны стояла путевая карета графини... Кучер распластался рядом с лошадьми... Камердинер встал рядом со мной и показывал на поразительную сцену...

Луиза лежала, наполовину вывалившись из

кареты, окаянный Jean de Paris сидел на карете и держал ноги Луизы, а между ними – скрипку, на которой наяривал La Fidelt'y Канне²¹³.

Юбки и исподнее Луизы ниспали, обнажив ее сокровенные прелести.

Осатаневший Хильдебрант пригвоздил луизины юбки и исподнее казацким копьём к земле и проповедовал: «Nous jouissons, et s'il plait au Seigneur, notre posterité la plus reculée jouira la prosperité de la sainte liberté qui nous est échue en partage²¹⁴». Возле него стоял на коленях Будеус и трубил прямо Луизе в вагину: «Как три рыцаря из ворот выезжали», и, когда отнимал трубу от своей пасти, декламировал:

«В основном люди, – говорит аббат Мабли²¹⁵, – несчастны лишь потому, что они слишком глупы, чтоб не пренебрегать блаженством, которое им на своих путях предлагает природа (id est! обнаженная потаскуха!), и предпочитают гоняться за химерами собственных страстей...»

Бек обнажил Луизе грудь и одну половину покрывал поцелуями, а у другой, где в страхе билось сердце, держал шпагу и выкрикивал:

Suum cuique!
Omne tulit punktum!
Diktum et faktum!²¹⁶

Паулини же, тот, который с пистолетом, раздвинул ей ноги и, не произнося ни слова, так хорошо ей себя отрекомендовал, что я поняла: напрасно было бы в этот момент взывать к их человечности...

Как потом я услышала от Луизы, Хильдебранд и Будеус, Паулини и Бек устроили между собой дуэль – и незаряженный пистолет Паулини расправился со шпагой Бека даже лучше, чем труба Будеуса с проклятым казацким копьём, почти как

Идоменей²¹⁷, когда он чуть было не проткнул божественную руку Ареса; и единогласным решением прелести Луизы ему были предоставлены *первому*.

Потом Паулини удовлетворил свою похоть, за ним трое остальных сделали по очереди то же самое – а когда и они насытились, и Жан фон Пари уже спускал штаны, мы решили, что пора поспешить бедняжке на помощь.

Во все горло мы закричали: «На помощь! На помощь!» Разбойники вскочили на лошадей, а твоя мать, дорогая Мальхен! очнулась в объятиях подруги...

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Nudus – fabularum cur sit inventum genus Brevi decebo – Servitus ab nocte dieque* (лат.) – Нагой – расскажу вкратце, почему изобретен жанр басни – рабство с ночи и дня... Искраженные строки из предисловия к третьей книге басен Федра (20 до н.э. – 50 н.э.) – в оригинале: *Nunc, fabularum cur sit inventum genus, brevi docebo. Servitus obnoxia, quia quae volebat non audebat dicere...* (Теперь я вкратце расскажу, почему был изобретен жанр басни, рабы смиренны, потому что не отваживаются говорить...)

2 Допускаю, что воля! (лат.)

3 Из флота Купидонова ладья... – В. Шекспир «Виндзорские проказницы» II, 2

4 Эрнст Гидеон барон фон Лаудон (1717 – 1790) – австрийский генералиссимус, прославленный военачальник времени *Семилетней войны* (1756 – 1563) – войны между Австрией и Пруссией из-за Силезии.

5 *Фридрих II Великий* (1712 – 1786) – прусский император, выдающийся политик и военачаль-

ник. За время правления Фридриха II территория Пруссии удвоилась. Во время Семилетней войны присоединил к Пруссии Силезию, отвоеванную им у Австрии.

6 *Tropanu* – немецкое название города Опава, на берегу реки *Опавы*, на территории современной Чехии, раньше – часть Силезии.

138

7 *cœur palpité* (фр.) – трепет сердца.

8 *haussez les mains!* (фр.) – сдавайтесь!

9 *savoir-faire* (фр.) – умение.

10 *Мессина* – город на о. Сицилия, в 70 км от вулкана Этна; одно из самых разрушительных землетрясений в истории города произошло в 1783 г.

11 *Cic.* – Марк Туллий Цицерон (106 до н.э. – 43 до н.э.) – знаменитый римский политик, философ и оратор, произведения которого являлись обязательными для изучения на занятиях по латыни и риторике.

12 *Stabat mater* (лат.) – стояла мать. Название католической литургии «*Stabat mater dolorosa*» («Стояла мать скорбящая»). Состоит из двух частей: первая повествует о страданиях Девы Марии во время распятия Христа, вторая – мольба грешника о даровании ему рая после смерти. Текст секвенции был особенно популярен в XVIII веке.

13 *Actus conscientiae* (лат.) – акт сознания, акт совести, понятие, введенное в обиход средневековым философом и теологом Фомой Аквинским (1225 – 1274).

14 *Урсулинки* – женский монашеский орден, основанный в 1537 г. Получил распространение в Италии, Германии, Нидерландах и особенно во Франции, где был фактически уничтожен революцией.

15 *Я служу императрице* – имеется в виду австрийская императрица Мария Терезия (1717 – 1780).

139

16 *Вечный мир* – влиятельная философская концепция эпохи Просвещения, суть которой заключалась в создании политического и экономического союза просвещенных суверенных государств, члены которого отказались бы от использования оружия в разрешении конфликтов.

17 *haute parage* (фр.) – птицы высокого полета.

18 *Эгер* – ныне город Хеб на западе Чехии.

19 *скапулярий* – элемент одеяния католических монахов, а также особый освященный предмет, носимый католиками; *праздник скапулярия* – торжественное освящение такого предмета.

20 *Бона Деа* (лат.) – букв. «добрая богиня» – в римской мифологии одна из богинь-матерей, имя которой было табуировано, покровительница женщин. Священнодействия в ее честь отправлялись в мае в ее храме, и в декабре в доме высшего магистрата, жены которого приносили ей жертвы от всего римского народа. В священнодействиях участвовали только женщины, присутствие мужчин исключалось. Проникший в 62 до н.э. на мистерию Бона Деи в женском платье Публий Кло-

дий Пульхр (92 до н.э. – 52 до н.э.) был обвинен в святотатстве и предан суду.

21 *Клития* – дочь Океана и титаниды Тифиды; у позднеантичных авторов – влюбленная в бога света, науки, искусства и покровителя муз Аполлона. Отвергнутая Аполлоном, она превратилась в гелиотроп – цветок, который постоянно поворачивает венчик за солнцем.

140

22 *вентрикул* – анатомический термин, обозначающий желудочек.

23 *Котта* – семья немецких книгоиздателей и книготорговцев из Тюбингена. Иоганн Фридрих Котта (1764 – 1832) – был одним из самых известных издателей и предпринимателей своего времени, в его издательстве выходили книги практически всех выдающихся авторов. Был также издателем многочисленных журналов и альманахов, среди которых и «Альманах карточных и настольных игр».

24 *allegro non troppo, piu presto* – prestissimo (ит.) – муз. темпы: не слишком живо, более быстро, стремительно.

25 *мадам Аренд* – героиня романа немецкого писателя-просветителя Иоганна Карла Вецеля (1747 – 1819) «Вильгельмина Аренд, или Опасности чувствительности» (1782). Вецель был одним из первых немецких писателей, живших только на гонорары от своих произведений; закончил жизнь в приюте для душевнобольных.

26 *Чародеи фараоновы были бессильны перед мошками господними...* – Нашествие мошек – одна из десяти «казней египетских», обрушившихся на Египет в наказание за то, что фараон отказался отпустить поработанный еврейский народ. Исход 8, 16–18.

27 *Restitutio in integris* (лат.) – возвращение в первоначальное состояние.

141

28 *Гедеон* – персонаж Ветхого Завета, один из «судей израильских», избавивший евреев от мадианитян, в ежегодных набегах отнимавших у евреев урожай. Когда мадианитяне с союзниками пришли с очередным набегом, Гедеон (евр. «разрубатель», «крушитель») собрал войско, ночью напал на них и прогнал за Иордан. Суд. 6–8.

29 *Эринния* – в греческой мифологии – богиня мести; Эриннии обитают в царстве мертвых. Они появляются на земле, чтобы возбудить месть, безумие и злобу. В позднеантичной мифологии считались также «блестительницами правды» и покровительницами законности.

30 *Эреб* – в греческой мифологии олицетворение мрака.

31 *Вакханка* – в древнем Риме спутница бога Диониса (Вакха), бога плодоносящих сил земли и виноделия. Опоясанные змеями, вакханки принимали участие в шествии Диониса, в неистовстве сокрушая все на своем пути.

32 *Пифийское исступление* – Пифия – жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах,

восседавшая на треножнике над расщелиной скалы, откуда поднимались одурманивающие испарения, и произносившая под их влиянием бессвязные слова, которые истолковывались жрецами как пророчества.

142 33 *Silence! Imposture outrageante!*.. – Луиза декламирует, немного изменив, строки из оды знаменитого французского философа и литератора *Вольтера* (1694 – 1778) «Высшее счастье эпохи, или Похвала Франции», в русском переводе: «Молчанье! Оскорбительный обман! / Неистовые вы, во мраке страшном; / Величественная и цветущая отчизна, / Ты знала более достойную пору ... Любимица бога войны, / Героиня, чей блеск нас поражает, / Из всех завоевателей / Самая скромная и самая величественная».

34 *Ареопаг* – орган власти в древних Афинах. Название получил по месту заседаний на холме возле Акрополя.

35 *Ида* – горная цепь в Малой Азии.

36 *Афродита* – богиня любви и красоты. Главный храм Афродиты находился на острове *Кифера*.

37 *Хариты* – в греческой мифологии прекрасные благодетельные богини, воплощающие добро, радостное и вечно юное начало жизни: *Аглая* («сияющая»), *Талия* («цветущая»), *Евфросина* («благомыслящая»).

38 *Виланд*, Кристоф Мартин (1733 – 1813) – выдающийся немецкий писатель-просветитель,

один из «Веймарских классиков», автор философских романов «Агатон» (1766 – 1794), «Музарион» (1768) и поэмы «Оберон» (1780).

39 *Артемиды* – в греческой мифологии богиня охоты.

40 *Психея* – олицетворение души, дыхания у древних греков. Автор намекает на сцену из 6 книги «Золотого осла» Апулея (ок. 123 – ок. 180), где Психею подвергают порке..

143

41 *Ахат* – имя друга и товарища героя Троянской войны царя Энея; отсюда вообще – верный спутник, товарищ, помощник в борьбе (*fidus Achates*).

42 *Зигфрид фон Ленденбург* и *барон фон Вальдхайм* – заглавные герои сатирических романов немецкого писателя Иоганна Гортверта Мюллера (1743 – 1828), вышедших в 1781 и 1784 г.

43 *Шевалье д'Эон* (1728 – 1810) – секретный агент французского королевского двора; первую половину жизни провел как мужчина, а вторую – как женщина. Вопрос об истинной половой принадлежности шевалье остается открытым. Несмотря на слабую конституцию, шевалье считался одним из лучших фехтовальщиков своего времени.

44 *Приап* – божество производительных сил природы, изначально – фаллос. В римскую эпоху изображения Приапа находились в лесах, садах, виноградниках и т.п. В Новое время копии статуй Приапа устанавливали в бельведерах – парках при дворцах, расположенных в красивом месте.

45 *personne ne me voit!* (фр.) – меня никто не видит!

46 *Глац* – город в бывшей прусской части Силезии, сейчас – польский город Клодско.

144 47 *Je vous prie instamment... Laissez moi...oh...oh! Ma Déesse! Oh! Laissez moi faire... laissez moi... (фр.)* – Прошу вас настоятельно, Бовуа. Оставьте меня!... о! Моя богиня! О! Не мешайте мне... пустите...

48 Оноре Габриель Рикетти де *Мирабо* (1749 – 1791) – французский политический деятель, юрист, один из самых знаменитых ораторов своего времени. *Руссо* Жан Жак (1712 – 1778) – французский философ и писатель.

49 Немецкий писатель, критик и философ-романтик *Фридрих Шлегель* (1772 – 1829) основал журнал «Немецкий музей» в 1812 г.

50 *Саваоф* – одно из имен бога в иудаистской и христианской традиции.

51 *Как еврейский бог некогда разделил Красное море* – когда после Исхода армия фараона настигла евреев у Красного моря, воды моря расступились перед израильтянами и сомкнулись над войском фараона: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и по левую сторону.» (Исход 14, 21–22).

52 *Каин* – согласно ветхозаветному преданию (Быт. 4, 1–17) – сын первой человеческой пары: Адама и Евы. Каин из зависти убил своего брата, Авеля, и вынужден был удалиться, так как земля, принявшая кровь брата от руки его, не могла больше давать ему «силы своей».

53 *De gustibus non est disputandum* (лат.) – о вкусах не спорят.

54 *Эсфирь* – в иудаистской мифологии отважная героиня, жена персидского царя Артаксеркса, главный персонаж ветхозаветной книги Эсфири. Она заступилась за евреев перед царем и спасла свой народ от истребления.

55 *Мехмет Завоеватель* – Мехмет II (1432 – 1481) – османский султан, победы которого сделали Османскую империю одной из самых могущественных держав своего времени.

56 *Галле* – городе на востоке Германии в земле Саксония-Анхальт.

57 *Pour Dieu! Halden, que faites-vous?* (фр.) – Ради бога! Хальден, что вы творите?

58 *Тассо*, Торквато (1544 – 1595) – прославленный итальянский поэт, автор поэмы «*Освобожденный Иерусалим*» (1575), рассказывающей о борьбе христиан и мусульман во время Первого крестового похода.

59 *Геба* – в греческой мифологии богиня юности. На Олимпе выполняла обязанности виночерпия, поэтому часто изображается с чашей или кувшином в руках.

60 *Мнемозина* – в греческой мифологии – богиня памяти; мать муз.

61 *Мелеагр* – герой греческих мифов – его жизнь зависела от обгоревшей головни: его матери Алфеи во сне было предсказание, что он умрет, когда догорит пылавшее в очаге полено. Обжигая руки, мать Мелеагра вытащила полено из огня. После того, как Мелеагр в ссоре убил своих братьев, Алфея в гневе бросила полено в огонь, отчего Мелеагр и умер.

62 *Эццелино набросился на Бьянку делла Порта...* – после того, как итальянский полководец Эццелино III да Романо (1194 – 1259) захватил город Бассано, он пленил и изнасиловал жену одного из защитников города – Баптиста делла Порта, та не пережила позора и приказала убить себя надгробным камнем на могиле мужа.

63 *Приам* – в греческой мифологии: последний царь Трои.

64 *«Энеида» Блюмауэра* – Алоис Блюмауэр (1755 – 1798) – австрийский писатель эпохи Просвещения, автор популярного в свое время пародийного переложения «Энеиды» Вергилия.

65 *Тешен* – город в чешской Силезии.

66 *Медицейская Венера* – мраморная статуя Венеры, изваянная в I в до н.э. с утраченного греческого оригинала; в 1677 г. ее приобрели для своего собрания Медичи, с тех пор она носит их имя.

67 *Дарданеллы* – пролив между Европой и Малой Азией. *Готтентоты* – этническая общность на юге Африки.

68 *Фальковские герои* – имеется в виду сатирическое стихотворение немецкого теолога, педагога и поэта Иоганна Даниеля Фалька (1768 – 1826) «Люди и герои» (1798).

69 *Est-il possible?* (фр.) – Возможно ли это?

147

70 *Mon enfant* (фр.) – мое дитя.

71 *Филантропинистка* – последовательница филантропинизма (от греч. *philantropia*, «человеколюбие») – прогрессивного направления в немецкой педагогике середины XVIII – начала XIX в., основывавшегося на идеях естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо. Филантропинисты выступали с критикой зубрежки, формализма, засилья древних языков и жестокости к детям. Интернаты, отвечающие принципам филантропинизма, назывались *филантропинами*.

72 Марк Линций *Красс* (115 – 53 до н.э.) – древнеримский полководец и политический деятель, один из богатейших людей своего времени. Потерпел поражение в битве с парфянами, был пленен и казнен жестокой казнью: ему в горло влили расплавленное золото.

73 *Ouverture Stemperare* (ит.) – умеренная увертюра.

74 *Mia cara* (ит.) – моя дорогая.

75 *Allor che fur gli ampi cieli stesi* – строка из сонета итальянского поэта Виченцо да Феликайя (1642 – 1707) «Время».

76 Forte (ит.) – сильно, громко (муз.)

77 *Les rapides eclaires ... et les airs* (фр.) – Даже быстрые молнии / Ветер и гром / Не очистят / Поля и воздух!

148

78 *Ainzi, Mademoiselle! Vite! Vite! Haussez votre beau cul!* (фр.) – Ну же, мадмуазель! Поторопитесь! Давайте быстрее! Подымите вашу прелестную попку!

79 *Диатоническая или пифагорова комма* – Комма в теории музыки – один из наименьших музыкальных интервалов, равна примерно четверти полутона.

80 *Монохорд* – музыкальный инструмент, служащий для точного построения музыкальных интервалов путем фиксации различных длин звучащей части возбуждаемой щипком струны. Известный со времен греческой античности, монохорд был важнейшим пособием в элементарном музыкальном образовании.

81 *...in filza questa reflexione a fine* (ит.) – ...следуя нити этого рассуждения, наконец.

82 *резонирующая дека* – деталь струнных и клавишных инструментов, которая передает колебания от струн к воздуху и делает звук громче, чем его сама по себе издает струна.

83 *Hurrobosca equina; culix equinus* – латинские названия лошадиной кровососки и лошадиного комара – насекомых-паразитов, вредящих лошадям.

84 *Орфика* – клавишный музыкальный инструмент конца XVIII в. наподобие клавесина, на нем играют молоточками.

85 *Гидравлос* – музыкальный инструмент, предшественник органа.

149

86 *nel cuor dell' Asia scossa, il Bavarico trrale!* (ит.) – строка из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим»: «выпущенная в сердце Азии, пусть Баварец ее извлечет!»

87 *qui y etait vainquer* (фр.) – который вышел победителем.

88 *Амур и Гименей* – в античной мифологии – божество любви и божество брака, дети Афродиты.

89 *Vite mon enfant! ...* (фр.) – Быстро! Мое дитя! Мой маленький герой! Быстро! Я поражена!

90 *Kinderen die minnen hebben geen zinnen* (нид.) – Дети в любви не болтают ерунды.

91 *До того, как его сбросили, стоял Юпитер* – в XVII в. в Германии статуи античных богов в парках сбрасывали с постаментов из-за их принадлежности языческим культам; в XVIII в. – ввиду их безнравственности.

92 *Mon Dieu! la nature même ne le fera plus modeste* (фр.) – Мой Бог! Скромнее и быть не может.

93 *Apage Satanas* (лат.) – Изыди, Сатана.

94 *Святой из Фиванской Пустыни* – Преподобный Павел Фиванский (ум. в 347) – ушедший в пустыню от преследований императора Деция (249–251), был первым христианским отшельником.

150

95 *Синай* – священная гора в Египте. Согласно Ветхому завету, на этой горе Моисею являлся Бог.

96 *На свадьбе в Кане Галилейской*, Иисус обратил воду в вино. (Ин. 2, 1–3, 6–10).

97 *Святой Дионисий* – христианский мученик, первый епископ Парижа, жил в III в.

98 *Vijous indiscrettes* – «Нескромные сокровища» (1748) – анонимно опубликованный роман французского просветителя Д. Дидро (1713 – 1787) о волшебном перстне, который, если повернуть его камень перед женщиной, заставит говорить ее гениталии. Моника приписывает этот роман Клоду Кребийону (Кребийону-сыну, 1707 – 1777) – французскому писателю, автору эротических романов и проповеднику либертинажа.

99 *Густав Адольф* (1594 – 1632) – шведский король, был застрелен в одной из крупнейших битв Тридцатилетней войны (1608 – 1638) – *битве при Лютцене* (ноябрь 1632 г.).

100 *Хариберт* (520 – 567) – король франков, известный своим распутством; его имя означает «блистающий в войске».

101 *Бурманн из Лейпцига* – немецкий поэт, журналист и эксцентрик (1737 – 1805), известный своим импровизаторским талантом.

102 *Котито* – фракийская богиня плодородия, покровительница нецеломудренной любви.

103 *...a la маультароммель* – то есть напоминающие по форме музыкальный инструмент маультароммель (варган), шаровары.

151

104 *Минерва* – римская богиня, покровительница ремесел и искусств, отождествлялась с греческой Афиной, богиней мудрости, войны и городов.

105 *Sain et saut* (фр.) – в целости и сохранности.

106 *Officium defunctorum benedictale ...* (лат.) – Католическая заупокойная служба. Далее монахи исполняют одну из частей традиционной католической заупокойной службы на текст из библейской Книги Иова (Иов 19, 20): «Кости мои прилипли к коже моей и плоти моей, и я остался только с кожей около зубов моих».

107 *fiat pax in virtute tua* (лат.) – да пребудет со мной мир.

108 *Иов* – герой ветхозаветной Книги Иова, страдающий праведник, испытываемый сатаной с дозволения Яхве.

109 *...как Doctor optime* (лат.) – как отличный учитель.

110 *Qual nivol grave e torbidai...* (ит.) – строки из стихотворения Джанбаттисты Касти (1724 – 1803): «Какое облако, тяжелое и смутное, / Собралось на твоём челе / И, Филида, скрыло ясность / Твоего очаровательного лица?»

111 *Pauvre enfant* (фр.) – бедное дитя.

112 Византийский император *Василий II Болгаробойца* (958 – 1025) в 1014 году в кровопролитном сражении при Беласице разбил болгарскую армию и, взяв в плен 15 тысяч болгар, приказал всех их ослепить.

113 *Вилен* – река в Бретани.

114 *Сефиза* – Пастушка, героиня оперы Жана-Филиппа Рамо (1683 – 1764) «Акант и Сефиза, или Симпатия» (1751).

115 *Corpus delicti* (лат.) – состав преступления.

116 *Сусанна* – еврейка из Вавилона, персонаж Ветхого завета, ложно обвиненная некими старцами в прелюбодеянии, но спасенная благодаря мудрости пророка Даниила. Мотив Сусанны, принимающей ванну, был весьма популярен в европейской живописи XVII-XVIII в. *Потифар* – ветхозаветный царедворец фараона и начальник его телохранителей; Иосиф был у него рабом. Жена Потифара обвинила Иосифа в том, что он хотел соблазнить ее, хотя на самом деле сама пыталась обольстить Иосифа.

117 *Маргарита Анжуйская* (1429 – 1482) – английская королева, отец ее единственного сына Эдварда (1453 – 1471) неизвестен.

118 *Минос* – мифический царь Крита. По одному из мифов не мог совокупляться с женщинами, потому что во время полового акта выпускал змей, сколопендр и скорпионов, и женщины погибали.

119 *Тантал* – мифический герой, совершивший несколько страшных преступлений против олимпийских богов. За это наказан вечными мучениями в Царстве мертвых.

120 *Рыцарь Мальтийского ордена* – Мальтийский орден – старейший рыцарский орден римско-католической церкви, рыцари этого ордена дают обет бедности, целомудрия и послушания.

121 *Halte la! Ma chere* (фр.) – Остановите ее! Моя дорогая.

122 *Клариссинки* – женский монашеский орден римско-католической церкви, основанный в 1212 г.

123 *Пентъеврский полк* – Пентъевр – графство в Бретани.

124 *Ah! Bien venu* (фр.) – Добро пожаловать.

125 *Vous m'avez vaincu!* (фр.) – Вы меня сразили.

126 *Diable! c'est bien vrai ... mais* (фр.) – Черт! Так оно и есть... но.

127 *Comment, Drelesse!* (фр.) – Как, Дрелесс?

128 *Que veut-on dire avec cette masquerade?* (фр.) – К чему подобный маскарад?

129 *Gare a vous!* (фр.) – Горе вам.

130 *Вулкан* – в римской мифологии бог-кузнец, бог разрушительного и очистительного пламени.

131 ...прекрасней лоредановского Адама... – Джован Франческо Лоредано (1607 – 1661) – итальянский писатель, автор романа «Адам» (1640).

154

132 *Mémoires de Saturnin t. I.* – полностью этот анонимный порнографический роман, увидевший свет в 1741 г., называется: «*Histoire de Doñ Bougre ou Memoires de Saturnin, Ecrits par lui-meme*». Роман от первого лица рассказывает историю молодого человека по имени Сатурнин, который после многочисленных любовных приключений оказывается кастратом и уходит в монастырь.

133 *Que vous me dites?* (фр.) – Что вы говорите?

134 ...гамлетовское: *Ступай в монастырь* – Слова Гамлета, обращенные к Офелии, ср. В. Шекспир, «Гамлет», Акт 3, с. 1.

135 *Ah, je comprends!* (фр.) – А, я понимаю.

136 *Ah, ma Niece! Ma Chere!* (фр.) – Ах, моя племянница! Моя дорогая!

137 *Madelaine! Sainte Madelaine!* (фр.) – Магдалина! Святая Магдалина!

138 ...как *Кларисса* – Кларисса – героиня романа в письмах Самюэля Ричардсона (1689 – 1761) «Кларисса, или История молодой леди» (1747–48), обманутая и изнасилованная злодеем Ловеласом,

Кларисса продает свою одежду, чтобы купить гроб, пишет прощальные письма, составляет завещание и умирает.

139 ...подобно покрывалу Исиды – Исида – египетская богиня плодородия, воды и мудрости, символ женственности, почитавшаяся также в древних Греции и Риме. В греко-римском мире ее называли «та, у которой тысяча имен». В городе Саисе находился самый известный храм Исиды, где статуя богини находилась под покрывалом, и над статуей было написано «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрыва».

155

140 ...копье Бегемота – Бегемот в христианской мифологии – демон плотских желаний.

141 *Ma foi. C'est Janthe!* (фр.) – Клянусь честью! Это Ианта.

142 *Эдуард III* (1312 – 1377) – английский король.

143 ...о mon doux Jesus! (фр.) – о мой сладостный Иисус.

144 *Honi soit qui mal y pense* (фр.) – Будь проклят тот, кто подумает об этом дурное.

145 *Bon Dieu! Que voulez-vous faire! L'aiguillon de l'abeille est un instrument, avec lequel elle cause de vives douleurs à plus d'une personne; pourtant c'est la faute de ceux, que en sont piqués, n'ayant tenu qu'à eux de l'éviter; mais qu'on désarme l'abeille en lui ôtant cet aiguillon, ce sera le moyen de ne plus*

retirer d'elle le moindre service (фр.) – Жало пчелы – инструмент, с помощью которого она способна причинить жгучую боль не одному человеку; однако ужаленные сами виноваты, они должны были быть начеку и не позволить осе вонзиться в них жало; обезоружить же пчелу, лишив ее жала, верный способ не получить от нее вообще никакой пользы.

156

146 eau de lavande (фр.) – лавандовая вода.

147 *Юпитер и Леда* – согласно античному мифу, Зевс явился Леде, жене спартанского царя Тиндарея, в образе лебедя. От союза с Зевсом Леда родила прекраснейшую из женщин – Елену. Брак Зевса и Леды с античности являлся одним из популярнейших мотивов в искусстве.

148 *изнасилование Фамари Амном* – Аммон – библейский персонаж, сын царя Давида, изнасиловавший свою единокровную сестру Фамарь.

149 Навой – один из валиков в ткацком станке.

150 ...*монолог Глостера* – В. Шекспир «Король Лир», Акт 1, сц. 2. В переводе Б. Пастернака: «Отвратительный подлец! / Выродок проклятый! / Скотский подлец! / Хуже, чем скотский».

151 *Кадуцей* – жезл Гермеса (Меркурия), обладавший способностью примирять.

152 *Ah, qu'il est beau* (фр.) – Ах, какой он красивый.

153 *Монблан* – гора во Франции, самая высокая вершина Альп.

154 *Сафо* – древнегреческая поэтесса, воспевавшая любовь.

155 *Venus clunis* (лат.) – зад Венеры.

156 *ha! la coquine! Elle vaut une – pucelage!* (фр.) – Плутовка! Она навлекает... девственница!

157

157 *Venus Nigra* (лат.) – темная Венера, здесь – гениталии.

158 *Мельцер* – немецкий филолог и юрист Грегориус Мельцер (1501 – 1531), издатель и популяризатор трудов древнегреческого философа-стоика Эпиктета (50 – 138). Девизом Эпиктета было: «Терпи и воздерживайся!»

159 *Тит Лукреций Кар* (99 – 55 до н.э.) – римский философ и поэт, последователь эпикуреизма – направления в античной философии, приверженцы которого считали, что человек может предаваться удовольствиям сообразно своим желаниям.

160 *Мейнке, Иоганн* (1745 – 1825) – немецкий филолог и педагог.

161 *...разрисовать по Хогарту* – Уильям Хогарт (1697 – 1764) – английский живописец и гравер. Его гравюры отличаются длинными штрихами.

162 *Laissez la faire — nous sommes des enfants* (фр.) – Не мешайте ей – мы дети.

163 *Клементина... трагедия* – имеется в виду трагедия «Гезонкур и Клементина» (1767) Жана Франсуа де Бастида (1724 – 1797).]

164 *Из богов никто...* – слегка измененные строки стихотворения И.-В. Гете «Бокал». Пер. Л. Ошерова.

158 **165** *...то души младенцев невинных плачут в преддверье...* – Здесь и далее героиня декламирует поэму швейцарского просветителя Иоганна Якоба Бодмера (1698 – 1783) «Ноахида».

166 *C'est un autre amour dont les voeux innocents / S'élèvent au dessus du commerce des sens.* (фр.) – это иная любовь, чьи невинные желанья выше чувств по расчету.

167 *Федра* – в греческой мифологии – дочь царя Миноса; жена афинского царя Тесея, влюбившаяся в пасынка и покончившая с собой. *Прокрида* – героиня греческой мифологии, обладательница чудесного пса, от которого не мог убежать ни один зверь, и волшебного копья, не знавшего промаха. В облике юноши состязалась со своим мужем, Кефалом и случайно была убита им на охоте волшебным копьем. У Гомера в XI песне «Одиссеи» главный герой поэмы встречает Прокриду в Аиде.

168 *Эрифила* – героиня греческой мифологии, жена царя-прорицателя Амфирария, заставившая своего мужа принять участие в губительном для него военном походе, была убита сыном Алкмеоном.

169 Эвадна – в греческой мифологии супруга Капанея, одного из участников похода семерых против Фив. Она не захотела пережить смерть мужа и бросилась в его погребальный костер.

170 Парсифая – супруга Миноса. В результате ее противоестественной связи с жертвенным быком родился Минотавр – чудовище с головой быка.

171 Лаодамия – героиня греческой мифологии, любовница Зевса.

159

172 Кеней – в греческой мифологии такое имя получила дева Кенида после того, как, спасаясь от любви бога морей, попросила богов превратить ее в мужчину.

173 Дидона – легендарная основательница Карфагена, покончила с собой, бросившись на меч.

174 На, ma petite; que vous êtes belle! (фр.) – О, малышка, вы – прелесть!

175 Venez, mon enfant! (фр.) – Не бойтесь, дитя мое.

176 Люцилия Воланж – имя и фамилия героини созвучны имени Сесилия Воланж: так звали героиню одного из самых знаменитых французских романов XVIII в. «Опасные связи» (1782) писателя Ш. де Лакло (1741 – 1803), в котором осуждается идеология либертинажа.

177 Борей – в античной мифологии бог северного ветра.

178 *Лафатер в физиогномике* – Иоганн Каспер Лафатер (1741 – 1801) – швейцарский ученый, теолог и писатель. Автор влиятельного учения о внешности – физиогномики, одним из главных постулатов которого было представление о том, что внутренний мир человека отражается на его внешности.

179 *Bal pare* (фр.) – костюмированный бал.

180 *...демон а la Justine* – подразумевается роман маркиза де Сада (1740 – 1814) «Жюстина, или Несчастья добродетели» (1791).

181 *Вергилианское бляние* – римский поэт Вергилий (70 – 19 до н.э.) прославился не только своей поэмой «Энеида», но и буколиками – поэмами, воспевающими пастушеский образ жизни и счастливый золотой век человечества.

182 *Селена* – в греческой мифологии – олицетворение Луны.

183 *св. Женевьева* (420 – 500) святая покровительница Парижа.

184 *Шарлотта Корде* (1768 – 1793) – французская дворянка, убийца революционера Жана-Поля Марата, правнучка великого французского драматурга Пьера Корнеля. *Агриппина* (15 – 59) – мать императора Нерона, прославившаяся своей волей к власти.

185 *...изваял Пракситель книдскую богиню* – Пракситель – выдающийся греческий скульптор, живший в IV в. до н.э., выполненная им скульпту-

ра обнаженной Афродиты – самое известное изображение этой богини.

186 *Materia genetrix* (лат.) – порождающая материя, *Materia peccans* (лат.) – виновная материя.

187 ...подготовленную по рецепту Хуфеланда – Кристоф Вильгельф Хуфеланд (1762 – 1836) – немецкий врач, один из основоположников бальнеотерапии. Хуфеланд активно пропагандировал телесную гигиену, а среди его постоянных пациентов были почти все значительные немецкие литераторы рубежа XVIII–XIX в.

161

188 *месмеристские растирки* – Франц Антон Месмер (1734 – 1815) – австрийский врач, создатель учения о природном магнетизме. Растирки и манипуляции с телом пациента были в магнетизме одним из средств передать целебные флюиды от магнетизера к больному.

189 *Палигинезия* – восстановление целого из его частей.

190 *Лавальер Луиза Франсуаза де* (1644 – 1710) – одна из фавориток французского короля Людовика XIV, мать четырех его детей.

191 *Non* (фр.) – нет.

192 *Св. Бенедикта* (ум. 362) – дочь римского сенатора, которая вместе с 12 девственницами проповедовала в Галлии.

193 *Св. Фруктуоз* (ум. ок. 259) – епископ Таррагонский, великомученик.

194 *Симон маг* – в христианских преданиях самарийский чародей, соперник апостола Петра, родоначальник всех ересей. *Мерлин* – волшебник из кельтских преданий, помощник легендарного короля Артура. *Мерлин из Тьонвиля* (1762 – 1833) – французский революционер.

195 *Гиппель* Теодор Готлиб (1741 – 1796) – немецкий политический деятель и писатель, друг И. Канта.

196 *...визитантки...* – женский католический орден, основанный в 1610 г.

197 *Collum tuum sicut monilia* (лат.) – Шея твоя в ожерельях. Псн 1, 9.

198 *Rex tremantis majestatis* (лат.) – Великолепный повергающий в трепет царь.

199 *...в роли мессинской невесты* – «Мессинская невеста, или Братья-враги» – трагедия Ф. Шиллера (1803). Дон Цезарь и дон Мануил – главные герои этой драмы, братья, влюбленные в собственную сестру.

200 *...как цистерианка* – цистерианцы – католический орден, известный своим аскетизмом.

201 *Святой Януарий* – святой покровитель Неаполя, великомученик. Был сначала брошен в печь, но вышел из нее невредимым; после этого его отдали на растерзание диким зверям и, наконец, обезглавили.

202 *Сирах* – неканоническая книга Библии.

203 ...в храме *Диа-На-Сор* – аллюзия на известное масонский роман «Диа-На-Сор, или Странник» австрийского писателя Вильгельма Фридриха фон Мейерна (1759 – 1829).

204 *Anima humana non est immortalis...* – Человеческая душа не бессмертна по своей сути. – Душа человека бессмертна по своей природе. – Отделившаяся от тела душа способна думать. – Никакая созданная сила не может сделать так, чтобы ум не существовал, а ум не может существовать без своих основных свойств. А среди основных свойств души есть способность слитно, ровно и ясно мыслить, следовательно, не может такого быть, чтобы наш разум лишился этого свойства вследствие воздействия сил мира сего. – Так собака, если ей покажешь плетку, которой ее раз или два когда-то выпорол, сначала примется убежать и скулить, воспроизводя в себе память о побоях. Но стоит ей завидеть, что ее хозяин возвращается домой после долгого отсутствия, она, демонстрируя разные проявления радости, снова вызывает в себе идеи и сознание прежних хозяйских благодеяний. И т.д. и т.п. Животные наделены способностью воображения. (Из трактата немецкого математика Доминикуса Бека (1732 – 1791) «Основы метафизики»).

163

205 ...четвероякий корень Шопенгауэра – докторская диссертация немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788 – 1860) называлась «Четвероякий корень принципа достаточного основания» (1813) и была опубликована в том же издательстве, в котором вышла два года спустя «Сестра Моника».

206 *Чиарини* Маркантонио (1652 – 1730) – итальянский живописец.

207 ...*вместе с «Леонтиной» Коцебу* – Август Фридрих фон Коцебу (1761 – 1819) популярный в свое время немецкий драматург и дипломат, пьесы которого не отличались литературными достоинствами, но были востребованы широкой публикой. Роман «Леонтина» был написан в 1808 г.

164

208 *гесснеровский* – Соломон Гесснер (1730–1788) швейцарский писатель и художник, автор знаменитых в свое время идиллий.

209 *Иоганн Бек* (1684 – 1744) – немецкий юрист. «Трактат о бесчестии. О беременностях девственниц и вдов» – одно из его самых популярных сочинений.

210 *Будеус* – Иоганн Франц Будеус (1667 – 1729) – протестантский теолог.

211 *Паулини*, автор книги «Целебные грязи» – Кристиан Франц Паулини (1643 – 1712), автор упомянутой книги, пользовавшейся популярностью и выдержавшей не одно издание в XVIII в.

212 *Григорий VII* (1020/25 – 1085) – римский папа, окончательно утвердивший celibат для священников.

213 *Канне* Фридрих Август (1778 – 1833) – австрийский композитор, музыкальный критик и писатель, друг Бетховена. Его жизненный путь во многом сходен с биографией Гофмана. Считается, что Канне был прототипом гофмановского

Иоганнеса Крейсера («Музыкальные страдания капельмейстера Крейсера», 1810).

214 Nous jouissons, et s'il plait au Seigneur, notre posterité la plus reculée jouira la prospérité de la sainte liberté qui nous est échue en partage. (фр.) – Мы наслаждаемся, и если наше удовольствие угодно Господу, пусть самая ярая отступница преуспеет в святой свободе, не доставшейся нам.

165

215 аббат Мабли – Габриель Бонно де Мабли (1709 – 1785) – французский просветитель, философ, публицист и историк.

216 Suum cuique!.. etc. (лат.) – Каждому свое! Цель достигнута! Сказано – сделано!

217 *Идоменей* – в греческой мифологии – отважный царь Крита, участник Троянской войны. В одном из сражений ранил бога войны Ареса в руку.

Александр Маркин

Александр Маркин

НЕМЕЦКАЯ ПОРНОГРАФИЯ

«Сестра Моника» была открыта и возвращена к жизни в годы расцвета европейского психоанализа. В 1910 г. фрагмент романа, вышедший без указания авторства в 1815 г. в издательстве Кюна в Познани, был переиздан в Вене австрийским историком Гюставом Гутицем.

Гутиц не сомневался, что текст романа принадлежал перу Э.Т.А. Гофмана: во-первых, автор франкоязычной пятитомной музыкальной энциклопедии, Франсуа-Жозеф Фети, в статье о Гофмане упоминает, что, будучи капельмейстером в Бамберге, тот, нуждаясь в деньгах, подрабатывал написанием «скабрезных романов». Во-вторых, стиль и язык «Сестры Моника», обилие музыкальной и юридической терминологии, энциклопедические познания автора – разве нету в них сходства с произведениями Гофмана? А многочисленные упоминания лиц, с которыми писатель был лично знаком, – не могут ли они являться верным доказательством авторства? Наконец, в 1815 г. в том же издательстве Кюна Гофман напечатал первый

том «Эликсиров Сатаны». Эликсиров? – Ведь речь в этом готическом романе, изображающим разрушительную силу влечений, идет об одном эликсире! Быть может, «Сестра Моника» это – согласно диалектической картине мира немецких романтиков – и есть тот самый второй эликсир, показывающий созидательный потенциал сексуального желания?

168

Предположение, будто выдающийся, по мнению многих, романтик мог быть автором порнографического романа с уклоном в флагеллянтство, не могло не возмутить немецких филологов, посчитавших его покушением на духовные ценности великой немецкой литературы, как известно, всегда интересовавшейся метафизикой и абстракциями – и очень редко – крайними проявлениями телесных инстинктов. Оно продолжает будоражить специалистов по Гофману и по сей день, заставляя их время от времени выступать с опровержениями еретического предположения. Особенно возмутителен, разумеется, выход романа массовым тиражом в книжной серии немецкого издания журнала *Playboy* (то обстоятельство, что сам Э.Т.А. желал быть массовым писателем, писал на потребу публики и расценил бы такую публикацию, возможно, как высшее из благ, конечно же, мало волнует ученых). А если «Сестру Моника» и вправду написал Гофман, то этот факт должен оставаться тайной, иначе под угрозой окажется все гофмановедение – где же это слышано, чтобы серьезные немецкие ученые изучали любителя, ах ужас! – плеток? В защиту «непорочности» Гофмана противники «Сестры Моника» приводят не менее весомые доказательства: любовные сцены в произведениях Гофмана демонстрируют «преодоление чувственного наслаждения», лю-

бовь у него является «исходной точкой процессов познания», в то время как в «Сестре Монике», наоборот, речь идет об апологии чувственности, а «смысл любви – в ее потреблении» – Гофман такого не мог бы и помыслить.

Впрочем, один из исследователей, согласившихся с аргументами в пользу авторства Гофмана, Рудольф Франк, считавший нападки на Гутица проявлением характерной для немецких академических кругов зависти к конкурентам, заинтересовался судьбой рукописи; в 1920-х г. он собирался перепечатать ставшее к тому времени библиографической редкостью издание 1815 г., сопроводив его обширным научным аппаратом. Правда, этот проект он смог осуществить лишь полвека спустя, в 1965 г., представив заодно скептикам-оппонентам и самый «весомый» аргумент в пользу авторства Гофмана, который, ввиду его исключительной курьезности, невозможно не привести почти целиком:

На одном из банкетов «Метальгезельшафт» во Франкфурте моя сестра Хильдегарда оказалась за одним столом с начальником своего мужа. Сам я его никогда не видел, только читал о нем в судебных репортажах... Не обращая внимания на окружавшие его слухи, моя сестра развлекалась непринужденной беседой с влиятельными соседом по столу – тем самым начальником мужа, Эрнстом Хаузером, и разговор вдруг неожиданно зашел о Э.Т.А. Гофмане. Хильдегарда упомянула о моем намерении доказать, что «Сестра Моника рассказывает и узнает» и вправду принадлежит перу Гофмана. На это собеседник ответил: «Разумеется! Ведь у меня есть рукопись». Сестре показалось, что она его не расслышала. «Вы хотите сказать, что у Вас есть редкий экземпляр первого тиража?» – «Да нет же! Я владею рукописью. Наследство жены».

Жена Хаузера... Она была отравлена в ночь с 16 на 17 декабря 1920 г. в супружеской постели, муж, как он потом рассказал следователям, даже и не заметил, как она умерла.

Кто ее отравил? Суд так и не смог дать ответа на этот вопрос.

А кем была Зузи Хаузер? Урожденной Девриент!

Людвиг Девриент, величайший актер, умерший в один год с Гете, был Гофману больше, чем другом... Гофман доверял ему свои рукописи.... Часть таланта, а заодно и все хранившиеся у него гофмановские бумаги, Девриент завещал своему старшему племяннику, пылкому Карлу Августу Девриенту, а тот – своему сыну Максусу... Он-то и был отцом несчастной Зузи Хаузер...

170

Вскоре после того, как сестра передала мне свой разговор с Хаузером, я решил убедиться в наличии собственными глазами. Кроме прочих, я рассказал о словах промышленника своему другу Ясперту, большому почитателю Гофмана... Хаузер жил тогда в Мюнхене, и Ясперт поехал к нему. Он был представлен хозяину, который отвел его в комнату с черными обоями...

Хаузер открыл стенной шкаф, выдвинул несколько ящичков, и через мгновение перед Яспертом уже лежала рукопись «Моники»... а также гора иных ценных документов: рисунки, карикатуры, ноты... Впрочем, не успел ценитель Гофмана и моргнуть, как драгоценности снова исчезли в стенном шкафу.

Несколько лет спустя исследователь творчества Гофмана Ясперт, как рассказала мне незадолго до начала Второй мировой войны его жена, был убит национал-социалистами...

В октябре 1957 г. ... я узнал, что «в результате военных действий личные документы» Хаузера были уничтожены... Эрнст Хаузер умер в 1956 г. в Кембридже, Массачусетс.

Так, порождая литературоведческую детективную историю чуть ли не в духе «Имени Розы»

У. Эко, теряются – не разрешая вопроса об авторстве – следы рукописи «Сестры Моника»...

* * *

В конце концов, совершенно неважно, кто автор, ведь вряд ли обнаружится в истории немецкой литературы еще одно такое произведение, где, словно в кунсткамере, будут собраны все возможные литературные клише своей эпохи. «Сестра Моника» – это роман о приключениях монашки, оставшийся фрагментом, выдающий себя за рукопись, обнаруженную, как следует из подзаголовка, в монастыре, включающий в себя также жизнеописание матери заглавной героини и философию ее отца-либертена, историю их служанки, изложенную в письмах, а заодно и сердечные излияния трансвестита, перебиваемые экзальтированными речами эмансипированной чудачки, попавшей сюда будто из книг Ж.-П. Рихтера; роман, в котором герои повествования главной героини сами становятся рассказчиками, чьи персонажи, в свою очередь, также выходят за пределы рассказываемых о них историй и берут слово; на страницах книги мелькают зловещие монахи, разбойники, рыцари в сверкающих латах, расудительные немцы и сластолюбивые французы, бледные девственницы и порочные злодейки, не забыт, разумеется, и излюбленный типаж романтиков – девочка-невеста – *Kindsbraut*, – вошедший в моду после «Вильгельма Мейстера» Гете; действие переносится из столь любимых немецкими писателями богемских лесов в не менее любимую ими Италию, из усадеб и парков в мрачные готические соборы и монастыри, из роскошных покоев французских замков на швейцарские курорты; роман переполнен учеными дискурсами, герои размыш-

ляют обо всех мыслимых материях: от принципов естественного права и вопроса о вечном мире до предназначении женщины, физиологии мученичества и этимологии слова «монашка», подспудно упоминая и цитируя большинство главных персонажей духовной жизни эпохи – Шекспира, Вольтера, Лафатера, Канта, Виланда, Шиллера, Бодмера, а также маркиза де Сада и Шопенгауэра, известных в те годы лишь ограниченному кругу читателей; при этом и по форме, и по содержанию «Сестра Моника» является чуть ли не кульминацией литературного письма того времени: готические ужасы, сентиментальный морализм, элементы воспитательного романа, просветительская сатира, масонские аллегории и идеалы веймарского классицизма, эротические стереотипы, романтический культ музыки и романтическая же тяга к синтезу жанров перемешались в этом причудливом сочинении, самой оригинальной чертой которого является, по всей видимости, его совершенная неоригинальность.

Разумеется, подобное многоголосие, усложненная структура и запутанное повествование, призванные отобразить «хаос жизни» и заодно прокомментировать саму природу литературы, не были чем-то новым в начале XIX века – достаточно вспомнить «Годви» (1801) Клеменса Брентано. Часто эта усложненность тут же становилась объектом пародии и самопародии, как в романах Жан Поля Рихтера («Титан», 1800–1803; «Флигельные годы», 1805) или «Житейских воззрениях кота Мура» (1819 – 1823) Э.Т.А. Гофмана. В «Сестре Монике», во многом благодаря жанровой особенности эротико-порнографического романа – его пародийности – эти характерные для романтической литературы тенденции доводятся до предела:

договаривая то, что оставалось недоговоренными в «серьезных» произведениях рубежа XVIII–XIX в., проигрывая довершающие аккорды мечтаний романтических героев, автор «Моники» наглядно демонстрирует – как в это время художественные конструкции начинают отражать новые конфигурации взаимоотношений индивида, тела и власти.

Полное название романа – «Сестра Моника рассказывает и узнает» можно соотнести с тем, что по мнению французского философа и историка М. Фуко становится на рубеже XVIII–XIX в. характерным для взаимодействия власти (понимаемой как сеть отношений, выходящих за пределы государственного аппарата и конституирующих общественные институты и систему знаний эпохи) с ее субъектами и объектами.

По мнению Фуко, с конца XVIII в. на Западе характерным для власти становится стремление регулировать и нормализовать тела, чтобы поставить их на пользу экономико-социальным процессам, лежащим в основе буржуазной системы, «механизмы власти обращены на тело, на жизнь, на то, что заставляет ее размножаться, на то, что усиливает род, его мощь, его способность господствовать или использоваться», анонимная, вездесущая власть концентрируется вокруг живого, производящего тела, стремится овладеть телом как машиной, занята его дрессировкой, использованием его сил и способностей, увеличению его полезности и управляемости, включению в системы контроля, и в то же время установить контроль над телом как экземпляром биологического вида и связанными с ним биологическими процессами, не в последнюю очередь в виде контролирования сексуальности: «власть говорит о сексуальности и с сексуальностью». *Erfahren*, «узнавать», и *erzählen*,

«рассказывать», в заглавии романа перекликаются с важнейшими аспектами этого нового модуся власти.

174 Немецкое слово *erfahren* («узнавать») непосредственно связано с телом: во-первых, с передвижением тела в пространстве – оно восходит к древневерхненемецкому *irfaran*, означавшему «путешествовать». Нетрудно заменить, что герои «Моники» все время находятся в пути, перемещаясь от одного дисциплинарного учреждения к другому: из монастыря – монастыри были образцом для новых техник контроля за телом – в военную часть; из военной части – в педагогический интернат и обратно – в монастырь; или на бальнеологический курорт, где тело дисциплинируется в соответствии с предписаниями медиков.

Erfahren, кроме того, означает и «постигать на собственном опыте», «претерпевать», «вытерпевать», «изменяться»: самопознание, познание собственного тела, познание на собственном теле. История Линхен, служанки родителей Амалии/Моники, возможно, наглядней всего демонстрирует изменения, произошедшие на рубеже XVIII–XIX в. во взаимодействии власти и ее объектов: если в отрочестве Линхен получает наказания от руки своего господина: власть над ее телом все еще – буквально – сосредоточена в руках феодала, то в конце второй главы она – теперь уже сама жена «просвещенного» помещика – описывает Монике не только, как по праздникам ее вместе с мужем секут розгами безымянные крестьяне (стр. 124), но и странный сон, в котором она на сцене театра подвергается наказанию-удовольствию под одобрительные крики и по требованию анонимной толпы (стр. 127). То же изменение полагает различие между биографиями Моники и ее

матери Луизы, на первый взгляд, казалось бы, схожими. Однако если Луиза получает типичное для аристократии при старом режиме домашнее образование (ее воспитывают мать и духовник), то Амалию отдают в филантропин, власть над ее телом передается педагогу, который должен образовать ее в соответствии с практическими нуждами общества.

Интересно, как в начале второго раздела книги демонстрируется оппозиция аморфности индивида и формы, придаваемой индивиду воспитательным учреждением нового типа: приближаясь к интернату, героиня чувствует себя бесформенной, растворенной, «словно эмбрион в спирте». Первое же, что воспитательница угрожает сделать с героиней, чтобы продемонстрировать ей свою власть – отрезать Мальхен нос. Мадам Шоделюзе – буквально – собирается изменить форму тела героини, тем самым принуждая Амалию, прочувствовать, *erleben*, свою телесность. Этот момент «обретения» Амалией тела (подготавливаемый, впрочем, в конце первого раздела романа сценой, в которой отец Гервасий измеряет героиню и беседует с ней об анатомии) фиксирует трансформацию в структуре властных отношений: героиню отрывают от семьи – родовая власть заменяется властью педагога, кровное родство замещается одинаковостью наказаний, которым в интернате, «новой семье» Мальхен, подвергаются ученицы.

Трудно при этом не заметить, с какой настойчивостью повествование сосредотачивается на теле героини, на его соответствии норме, на изменениях, которым тело должно подвергнуться, чтобы стать функциональным. Юная героиня разглядывает себя в зеркале (стр. 30), ее тело измеряется – и оказывается пропорциональным

(стр. 47-48), Моника сравнивает себя со скульптурой – Медицейской Венерой – классическим стандартом красоты (стр. 47-48). Причем, если мать Амалии, Луиза, – впрочем, лишь до определенного момента – контролирует собственное тело и желания, то заглавная героиня, по большей части, – это уже тело, порождаемое дисциплинарной властью: тело-материал, формируемое, наказываемое, желающее, терпящее. Героиню отправляют в интернат, ее опьяняют наркотиками, лишают девственности, насилюют, она постоянно теряет сознание, а, значит, и контроль над собственным телом, наконец, она не всегда владеет и собственным голосом, позволяя другим повествователям (в первую очередь, своему антиподу: загадочной Фредегунде/Камилю – юноше, переодетому женщиной; ни гетеросексуал, ни гомосексуалист, ни трансвестит – рассказчица даже не может решить, каким местоимением – «он» или «она» – его обозначать – лишенный каких-либо четких характеристик и индивидуальных черт, Фредегунда/Камиль символизирует ускользающее от классификации) вторгаться в тело *ее* рассказа.

Рассказывание – *erzählen* – в заглавии романа – связано с еще одним аспектом нового модуса власти: исповедоваться, рассказывать о своем сексуальном опыте – это то, к чему власть стремится побудить тела, вписывая индивидуальный опыт каждого в «бесконечную спираль принуждения, удовольствия и истины», сделать его частью диспозитива, «обширной поверхностной сети, где стимуляция тел, интенсификация удовольствий, побуждение к дискурсу, образование знаний, усиление контролей и сопротивлений сцепливаются друг с другом в соответствии с несколькими важнейшими стратегиями знания и власти», произво-

дящей сексуальность как инструмент контроля и подчинения. Характерно при этом, что ведущая роль здесь принадлежит женщинам – одним из основных элементов диспозитива сексуальности, одним из ключевых узлов, вокруг которого сосредотачиваются усилия биовласти по Фуко, является женское тело. «Сестра Моника» запечатлевает начало процесса анализа, квалификации и дисквалификации женского тела, как тела «до предела насыщенного сексуальностью». В результате этого процесса – к середине XIX в. – женское тело станет объектом заботы и надзора, будет интегрировано в поле научных и медицинских практик и приведено в органическую связь с социальным телом, семейным пространством и жизнью детей.

177

(Разумеется, повествователь-женщина – не редкий случай в жанре эротического романа; многие произведения эротической литературы, в том числе и стоящие у истоков жанра, написаны от лица женщин или рассказывают женские истории, более того, женщина в качестве рассказчика часто является симптомом изначально «подрывного» характера эротико-порнографической литературы: ее голос возбуждает читателей, по преимуществу мужчин, но в то же время подвергает критике устоявшийся порядок вещей – большинство рассказчиц исключены из мира «нормальных» социальных отношений: это проститутки, монахини или сироты, и поэтому им доступна иная точка зрения на общество.)

В отличие от своих литературных предшественников, например, близкого по времени французского романа либертинажа, в центре «Сестры Моника» не столько вопросы политики (вопросы политики, что вообще было характерно для немецкой ситуации, заменяются здесь вопро-

сами эстетики) или философии, хотя философия и критика идеализма играют в романе весьма существенную роль (единственный исследователь текста «Сестры Моники», итальянский литературовед К. Магрис, говорит в связи с романом даже о негативной теологии, подобной той, что предложил де Сад), но, скорее, классификация и анализ стремительно умножающихся типов женской сексуальности – отсюда невероятное, особенно с учетом объема фрагмента, обилие женских персонажей. «Нормальная» женщина, девочка-невеста, трибада, бисексуальная женщина, распутная мать – вот лишь некоторые сексуальные типажи, появляющиеся в романе. При этом женское тело перестает быть местом, как это было характерно для всей предшествующей эротико-порнографической традиции, связи мужчин – персонажей или читателей – в пароксизмах удовольствия. Скорее наоборот, несмотря на различие типажей, у всех описываемых тел обнаруживается нечто общее – их изыян – чрезмерная сексуальность, разрушающая мужские союзы (ср. вставную новеллу о Мехмете Втором, стр. 90) и приносящая «сильному полу» несчастье – к концу XIX века эта фантазия всецело завладеет европейской культурой.

«Рассказывать» и «переживать» – это и отсылка к популярному в годы выхода «Сестры Моники» жанру романа воспитания. Типичный роман воспитания, *Bildungsroman* сложился под влиянием «Годов учения Вильгельма Мейстера» (1795–96) И.-В. Гете. Разумеется, этот жанр неслучайно оказался так востребован буржуазной идеологией XIX в. – слово *Bildungsroman* можно перевести и как «роман формирования» – ведь он, по сути, отражает процесс рождения современного субъ-

екта. В центре повествования здесь обычно был протагонист-мужчина, буржуа, жизненный путь которого прослеживался с детства или отрочества до того момента, как – пройдя ряд инициаций – герой становился полноценным функциональным членом общества. Балансируя между различными культурными оппозициями, герой такого романа приобретал самое главное – знание о большом мире и о собственном месте в этом мире. Это знание, разумеется, включало в себя и представление о сексуальной норме: протагонист романа воспитания нередко сталкивается с различными проявлениями сексуальности, чтобы к концу романа научиться управлять своими желаниями и стабилизировать свою «нормальную» сексуальную идентичность.

179

«Сестра Моника» – своего рода извращенный воспитательный роман. (В этом отношении он является верным продолжателем традиций эротико-порнографического романа, словно тень сопровождавшего современный буржуазный роман с самого момента его зарождения, улавливая все его тенденции и с блеском пародируя его актуальные формы.) Извращенный не столько потому, что здесь он скрещен с сентиментально-готическим жанром: как в готическом романе, в центре повествования в «Монике» преследуемая героиня, но в первую очередь потому, что финальной точкой развития героини становится не интеграция, а исключение из большого мира – уход в монастырь. Деятельность на благо общества – кульминация жизни героя воспитательного романа – соответствует здесь иллюзорной афункциональности – сменой имени и отказом быть вовлеченной в сеть социальных отношений и служить обществу, замкнутостью на себе и собственных удовольствиях:

«Поэтому-то я и выбрала монастырь, лучше я буду с помощью десяти своих пальчиков и прочих утешителей... .. семь раз в неделю забывать о том, что существует на свете сильный пол». Разумеется, и это лишь видимость: рассказывать о женской сексуальности, заодно пробуждая желание в наших телах – и есть та самая полезная функция героини.

180

Литература: М. Фуко: Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996; – М. Фуко: Власть и тело // М. Фуко: Интеллектуалы и власть. Часть 1. Статьи и интервью 1970–1984. Москва, 2002. Стр. 161–171; – М. Фуко: Запад и истина пола // Там же. Стр. 193–200; – Ж. Делез: Представление Захер-Мазоха; З. Фрейд. Работы о мазохизме // Л. фон Захер-Мазох: Венера в мехах. М., 1992. Стр. 189–379; – Маркиз де Сад и XX век. М., 1992; – Е. Дмитриева: Re-volutio чувства и чувственности (О некоторых особенностях французского либертинажа XVIII века) // Антропология революции. М., 2009. Стр. 141–177; – L. Hunt: Obscenity and the Origin of Modernity, 1500–1800 // L. Hunt (ed.): The Invention of Pornography. Obscenity and the Origins of Modernity, 1500–1800. NY, 1993. P. 9–45; – M.C. Jacob: The Materialist World of Pornography // Ibid. P. 157–202. – Schwester Monika. Vorwort v. Gustav Gugitz. Nachw. v. Rudolf Frank. Faks. d. ersten Nachdr. d. 1815 erschienenen Erstausgabe. – Hamburg: 1965. – C. Magris: Das andere Elixier des Teufels: E.T.A. Hoffmann und die Schwester Monika. Königstein, 1980. – W. Segebrecht: Schwester Monika oder Die Demokratisierung der Pornographie // Mitteilungen der E.T.A.-Hoffman-Gesellschaft. 29 (1983). S. 61–66.

А. Маркин благодарит Т. Баскакову, И. Мельникову, К. Корчагина и А. Калинину за помощь в работе над переводом.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Анна Каван
МЕХАНИЗМЫ В ГОЛОВЕ

Это книга о депрессии, безумии и одиночестве. Неведомая сила приговорила рассказчицу к нескончаемым страданиям в ожидании приговора за неизвестное преступление. Анна Каван (1901-1968) описывает свой опыт пребывания в швейцарской психиатрической клинике, где ее пытались излечить от невроза, депрессии и героиновой зависимости. Как отметил в отклике на первое издание этой книги (1940) сэр Десмонд Маккарти, «самое важное в этих рассказах – красота беспредельного отчаяния».

Марсель Жуандо
ЗАТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ

Николай Бердяев, назвавший Марселя Жуандо (1888-1979) «самым замечательным и глубокомысленным писателем современной Франции», не подозревал, что наряду с принесшими ему славу книгами о провинциальных нравах, богоискательстве и супружеских отношениях, Жуандо пишет и другие вещи: о великолепии мужских борделей. «Затерянные страницы» – последняя книга из цикла «тайных сочинений» Жуандо – была опубликована после смерти автора.

**Издательства «Kolonna Publications»
и «Митин Журнал» представляют**

Тони Дювер
РЕЦИДИВ

В 1967 году парижское издательство «Полночь» получило рукопись романа «Рецидив». Знаменитый редактор Жером Лендон решил опубликовать сочинение двадцатидвухлетнего автора, «прозу Жана Жене, переписанную Аленом Роб-Грийе». В своей первой книге Тони Дювер (1945-2008) приступает к созданию диковинной сексуальной утопии, пейзаж которой развернется в его радикальных романах 70-х годов. «Я потерял счет времени, потому что снял часы. Чем мы занимались? Да тем, чем обычно занимаются в постели. Он взял бритвенное лезвие и нарисовал у меня на животе красную звезду – пупок в центре. Осторожно лег на меня, и звезда отпечаталась на нем».

Альфред Честер
КОЛЕСНИЦА ПЛОТИ

Баронесса Карла Арвон, прекрасная парижанка с ледяными волосами, покидает своего возлюбленного и исчезает на много лет. Ее труп находят в номере дешевой гостиницы. Как баронесса провела последние годы своей жизни? Кого она навещала каждую ночь? Отчего она умерла? Ответы на эти вопросы предстоит узнать ее другу Говарду Каннингему и читателю этой книги, который заодно получит рецепт, как заниматься любовью стоя на голове.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Циолковский» Новая площадь д.3/4
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo» Таганская ул., 31/22

в Петербурге:

«Порядок слов» наб. Фонтанки, д. 15
«Борхес» наб. Обводного канала, 60
«Все свободны», наб. Мойки, 28, второй двор

через Интернет:

«Ozon» ozon.ru
"Книга" kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться в
ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

<Э.Т.А. Гофман>

СЕСТРА МОНИКА

Kolonna Publications.

Россия, Тверь, улица Брагина, 6, офис 301

Подписано в печать 12.08.2012 Тираж 500 экз. Заказ № 098

Формат 70 x 100/32. Объем 7,5 п. л. Гарнитура itc Charter

Отпечатано в Печатном центре Фонда развития гармоничных
отношений «Мужчина и Женщина» при городском совете по
поддержке репродуктивности русскоговорящего населения в
условиях экстремальных температур, 678922, Республика Саха
(Якутия), г. Нерюнгри, ул. Северная, 8.